

Foundation for future

«За...

Выход «За... может осуществляться по разным направлениям. Важно только найти основополагающие принципы того, что есть, и указать то, что лежит за их пределами.

САМООРГАНИЗАЦИЯ
В СТРЕМИТЕЛЬНО
МЕНЯЮЩЕМСЯ
МИРЕ

«За...

**САМООРГАНИЗАЦИЯ
В СТРЕМИТЕЛЬНО
МЕНЯЮЩЕМСЯ
МИРЕ**

Foundation for future

«За...

**САМООРГАНИЗАЦИЯ
В СТРЕМИТЕЛЬНО
МЕНЯЮЩЕМСЯ
МИРЕ**

Сборник статей и выступлений.

ISBN 978-966-7869-80-9

© Foundation for future, 2012
© Издательство «Оптима», макет, верстка, 2012

 Optima
КИЕВ | ИЗДАТЕЛЬСТВО
2012 | «ОПТИМА»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 8

ПОДХОДЫ И ПОЛАГАНИЯ

За управлением. *Юрий Чудновский* 12
За культурой. *Владимир Никитин, Юрий Чудновский* 20
Перспективы новой цивилизации. *Сергей Дацюк* 34
Горизонты, границы, пределы. *Юрий Чудновский* 53

ВЫХОД ЗА ГРАНИЦЫ ЗА...

За стратегией. *Сергей Переслегин* 72
За корпорациями. *Владимир Никитин, Юрий Чудновский* 91
За технологиями. *Владимир Никитин* 100
За менеджментом. *Валерий Пекар* 104
За маркетингом. *Жанн Смотрич* 124
За маркетингом. *Юрий Чудновский* 140
За Игрой. *Елена Переслегина* 147
За синхронизацией. *Ольга Михайлова* 152

ЗА ЭКОНОМИКОЙ

За экономикой. *Юрий Чудновский* 174
За экономикой (к критике советской экономики).
Александр Левинтов 180
За экономикой. *Владимир Никитин* 188
Экономика после кризиса. *Сергей Дацюк* 197

За кризисом (основные тенденции текущей трансформации). *Игорь Злотников* 210

К вопросу о жизнеспособности локальных дополнительных экономик в новом мире.
Максим Митусов, Артем Генкин 219

За «think-tanks». *Владимир Никитин* 250

ИНОЕ ВИДЕНИЕ

За Иным. *Евгений Лапин* 258

Открытая школа. *Владимир Никитин, Евгений Мирошниченко* 260

Практическая экспедистика. *Юрий Чудновский* 269

Парадоксальность Иного. *Владимир Никитин* 273

Время иного: социальное строительство через изменение временных параметров
Владимир Никитин 287

ТЗ на иной мир. *Владимир Никитин, Юрий Чудновский* 292

Программирование, проектирование, планирование. *Юрий Чудновский* 299

Послесловие 317

Персоналии 320

Человеческий мир меняется все быстрее и быстрее.

Мир быстрых изменений устроен не так, как мир медленных.

Время в них разное. Быстрое время – это сложное время.

В медленном мире убыстрение связано с упрощением, а в быстром – с усложнением.

Технологический взрыв задал темп изменений, но не может стать их сутью и смыслом. Его нелепо осмыслять и использовать в понятиях, целях и ценностях медленного мира. Это приведет к его разрушению, но не к созданию иного быстрого мира.

Пространство жизни и деятельности людей тоже усложняется и становится все более дискретным и неоднородным, воплощаясь в новых городах, коммуникативных сетях, глобальном расселении.

Отдельный человек уже не может быть точкой отсчета.

Идеи антропоцентризма, гуманизма и индивидуализма заменяются иной формой понимания связности всего человечества, иными формами социальности. Цивилизации, страны и культуры уже не могут претендовать на роль целого.

Быстрый мир не отменил мир медленный, как физика Эйнштейна не отменила физику Ньютона, а сделала

ее частным случаем. Так динамичный, по принципу, мир христианства не отменил медленный, до неподвижности смыслов и темпа жизни, мир буддизма.

Быстрый мир не лучше или хуже мира неподвижного – просто он сформировался, и с этим надо жить и работать. С обнаружением быстрого мира человеческий мир стал сложнее, так как надо учитывать существование разновременных миров и организовывать их взаимодействие.

Для быстрого мира характерны не тренды изменения количеств, а скачки смыслов.

Процессы, которые мы традиционно мыслим последовательно, теперь следует мыслить и организовывать параллельно.

Быстрый мир не описывается прогнозами. Выделение форм и смысла скачков – инструмент его самоорганизации и форм соотнесения с медленным миром.

«За... – метод полагания таких скачков в пространстве проектных интенций, затем – реализация проектной воли и основание того, что лежит за пределами существующего.

Владимир Никитин, Юрий Чудновский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проект «Foundation for future» (FFF) был основан в 2010 году. Идеология зафиксирована в предыдущих изданиях проекта – «Основание иного» (Киев, изд-во «Оптима», 2011), «Персоналитет» (Киев, изд-во «Оптима», 2011).

Идеологический каркас проекта FFF составили следующие утверждения:

1. Из альтернативы «Мир пред-задан» и «Мир со-творяем» в основание проекта заложен принцип «Мир со-творяем».
2. Миро-творение является прямой альтернативой идеологии развития: развитие имеет дело с тем, что уже есть (развивая его), творение создает то, чего нет.
3. В основании мира лежит замысел творения, который может быть прочитан в идеологическом каркасе со-творенного мира. Ядро мира – идея творения, идеологический каркас – идеи в их взаимосвязи, определяющие миропорядок.
4. Базовым принципом, задающим возможность участия в со-творении является принцип самоорганизации в его развертке и итерациях от самоотнесения до самоотрицания. Этот принцип лежит в основе всех наших исследований и проектов.
5. Будущее является не продолжением, а отрицанием прошлого и настоящего. Будущее – это то, что принципиально отлично от настоящего, то есть базируется на иных принципах.
6. Время позиционно: для каждой из базовых позиций – Пророка, Основателя, Наблюдателя, Хранителя и Странника – время разное и устроено по-разному.
7. Смысл мира порождается в коммуникации базовых позиций и со-организации позиционных времен.
8. Хронология событий в идеологии линейного времени – результат деятельности по синхронизации позиционных времен. Линейное время – главный инструмент со-организации человечества и в то

же время главный «редуктор», обрезаящий полноту позиционных времен до фрагментарности, позволяющей «впихнуть» все в одномерную идеологию. То, что выходит за пределы одномерности, редуцируется.

9. События и жизнь в линейном времени смысла не имеют, редуцированные фрагменты не могут быть сложены в целостные смысловые конструкции. Смысл возникает только в процессе миротворчества.
10. Альтернативой линейному времени является топическое время. Топическое время – разное для разных позиций и пространств. Топическое время – база, основание миротворчества.
11. Если миры творимы, то их может быть больше, чем один. Идеология проекта – множественность творимых миров в альтернативу доминирующей в общественном сознании идеологии «единства и единственности мира». Следствия: вместо идеи «ограниченности ресурсов» проект FFF базируется на идее «порождения ресурсов», вместо конкуренции как главного социального мотива – в основе проекта лежит идея дополнительности.

Выше были приведены общие идеи, составляющие идеологический каркас проекта «Foundation for future». «За... – одно из направлений исследований в рамках проекта FFF, которое, базируясь на общих идеологических основаниях, имеет собственную идеологическую подоснову. Идеология «За... состоит в следующем:

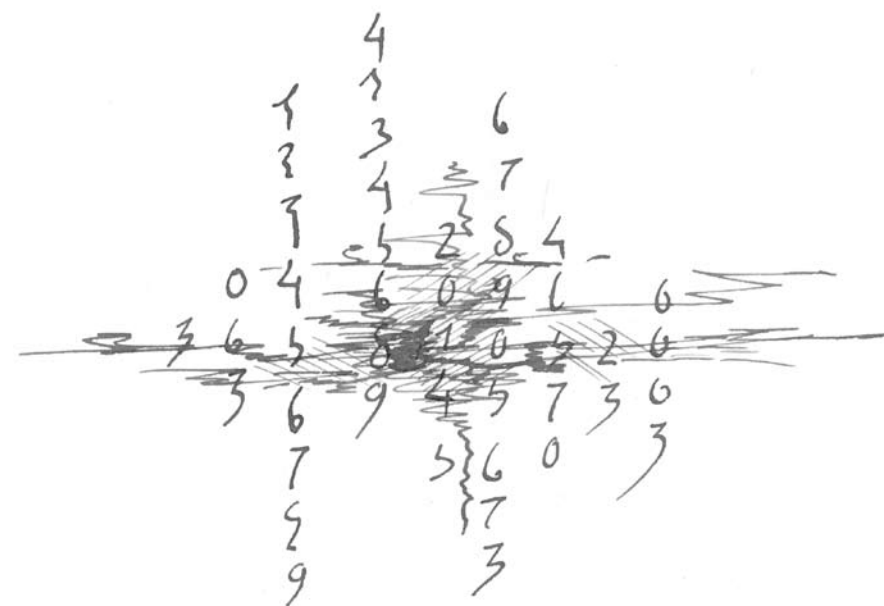
1. «До» и «после» – одна из редукций в угоду линейному времени. После – это когда одно заканчивается, а другое начинается. Так не бывает: ничто никогда не заканчивается. Когда предшествующее исчерпывает свой потенциал, над ним надстраивается иное, и то, что было, становится маленьким фрагментом чего-то более общего.
2. «За» означает то, что надстроено.
3. Необходимость в выходе «За» возникает, когда в том, что есть, накапливаются неразрешимые в рамках существующих норм и правил противоречия (как сейчас, когда самым частоупотребляемым словом стало слово «кризис»). Когда вылечить то, что есть, уже невоз-

можно, приходится вырываться за его пределы. Сейчас именно такая ситуация.

4. Выход «За ...» может осуществляться по разным направлениям. Важно только найти основополагающие принципы того, что есть, и указать то, что лежит за их пределами.
5. Если то, что есть, больше не работает, то принципиальный прорыв – это преодоление принципов, но еще есть возможность попытаться осуществить локальный прорыв по любому из направлений – экономика, социальность, образование, маркетинг и т.п. И неважно, что эти слова из старого, потому как двигаясь за пределы, придется переименовать и направления движения.

Движение мысли «За ...» дало возможность расширить круг авторов-исследователей, позволяя каждому из профессионалов двигаться за пределы своих сегодняшних представлений, прорываясь в будущее.

ПОДХОДЫ И ПОЛАГАНИЯ

За УПРАВЛЕНИЕМ

Юрий Чудновский

Начну с рефлексивного замечания, касающегося лично меня. То, что я собираюсь обсуждать, – это то, чего я не знаю. Вообще тема «За ...» подталкивает меня к тому, чтобы влезать туда, где я ничего не понимаю и точно ничего не знаю. В области незнания приходится как-то пытаться нащупывать узелки, островки чего-то, для меня имеющего смысл, прислушиваясь к словам и языку, потому что других зацепок практически нет.

Это касается и сегодняшней темы: «За менеджментом». Я в ходе обсуждения этой темы совершу две словесные подмены.

Итак, я всегда говорю о том, чего не знаю, говорю неоднозначно, потому что у меня нет жестких ответов на вопросы, которые я ставлю. Я всегда рисую фокусные схемы, которые допускают множественное или разное понимание того, о чем говорится. И всегда прислушиваюсь к языку.

Первая словесная подмена: вместо слова «менеджмент» я буду употреблять слово «управление». Дело в том, что на постсоветском пространстве некоторые прямо заимствованные из английского языка слова приобрели дополнительные смысловые оттенки, которые заслоняют собой исходный смысл. Так, слово «бизнес» в русском обиходе стало значить что-то большее, чем просто «дело». Слово «дизайн» не равно слову «проектирование». Это в полной мере относится и к слову «менеджмент». Поэтому дальше – просто «управление». Я буду говорить об управлении.

С моей точки зрения, управление претендует на тотальность и не видит ничего, что лежит вне его (управления). То есть с точки зрения управления вне управления – мира нет. Вообще ничего нет и быть не может.

Вопрос «что лежит за управлением?» ставит под сомнение универсальность и всеобъемлющность управленческого подхода. В самом вопросе содержится

утверждение, что управлять можно не всем, что управление и управленческие подходы имеют границы применимости и есть еще что-то, что выходит за пределы возможностей управления.

Привычно считать, что управлять можно всем и всегда. Стоит лишь вопрос «как управлять тем или иным объектом?». Идет напряженная работа по расширению средств и объектов управления. Управленческий подход движется к новым и новым горизонтам (см. «Горизонты, границы, пределы»). С позиции управленца – мир управляем. Весь, во всех проявлениях, тотально.

Чтобы ответить на вопрос «что за управлением?», нужно указать на область или области, где управление невозможно, то есть указать на то, что лежит за границами управления.

Главный тезис (первое утверждение): управлять можно только тем, что есть!

Тем, чего нет, управлять нельзя. Это же относится и к развитию. Вся идеология развития – это развитие чего-то существующего. «Несуществующее» не является предметом забот управленца и развивателя. Несуществующим не управляют. Управление даже не претендует на это.

Принцип, лежащий в основании управления, состоит в том, что управление надстраивается над выбранным объектом, будь то ситуация, объект (субъект), процесс или система. Независимо от управленческой парадигмы принцип остается неизменным – управление «вырезает» то, чем будет управлять из существующего мира, и производит над этим управленческие действия.

И что делать, если как раз нужно то, чего нет? Мы сейчас оказались в ситуации, когда на повестке дня стоит «то, чего нет» – Иная экономика, Иная социальность, Иное образование, Иное ..., Иное ..., Иное ... Вопрос в том, как конструктивно взаимодействовать с тем, чего не существует. На мой взгляд, это главный вопрос при обсуждении данной темы. Как реализовать мысль и волю в отношении того, чего нет? Еще нет или уже нет, если говорить в идеологии линейного времени.

Здесь вторая словесная подмена. То, что есть, – это существующее. Или – «сущее». То, чего нет, – не существующее. Или – «не-сущее».

С учетом второй словесной подмены первое утверждение будет звучать так: границы управления заданы сущим. «Не-сущее» не подвластно управлению.

Первое, что я сделал, – отделил мир существующего от мира несуществующего, от того, чего нет. Граница существующего задается предельной онтологией. Все, что описывается онтологией, – есть. Что не описывается – того нет. Безусловно, границы между «сущим» и «не-сущим» – это онтологическая граница. Она подвижна. Она – не линия, а пространство («пространство чудес» – горизонты, границы, пределы). Но введение этих двух (для начала) пространств четко задает пределы управления.

Есть маленькая лазейка для несуществующего в мире сущего. Это «Чудо». Онтологиям приходится мириться с существованием того, что в них не вписывается, и этому отведено место «Чуда».

При этом в нашем привычном мире даже привычные понятия могут оказаться в роли «Чуда». Например: будущее есть или его нет? Или иначе: будущее существует как объективная реальность (данная нам в ощущениях)? А прошлое? В идеологии линейного времени – нет. В идеологии топического времени – есть. В идеологии линейного времени словосочетание «управление будущим» выглядит парадоксально. Если будущего нет (как объективно положенной реальности), то им нельзя управлять.

Сейчас поговорим о мире сущего. Я использую схему самоопределения («крестики-нолики»). Если принять хотя бы пространственно-временные топы схемы самоопределения, то в отношении сущего можно очертить несколько ипостасей существования: сущее в Боге (духе), сущее в мысли и слове, сущее в страстях, сущее в творении (про это позже). Ну и еще: сущее во плоти и сущее в деле.

Можно приписать, наверное, еще какие-то расширения. Но мне пока достаточно хотя бы этих.

Утверждение второе: истинно сущее – это уникальная (заданная законами Творца) связь между всеми ипостасями существования. Мир сущего, истинно-сущее – связь этих сущностей в единую конструкцию. Обрыв лю-

бой из связей – одна из ипостасей смерти. Смерть также оказывается в этом контексте – ипостасна. В обиходе часто употребляются фразы типа «он умер для Бога», «он умер для дела», «он умер для ...»

Полнота связей на схеме сущего – *сущность*.

Замысел Творения, выраженный в слове-мысли – *суть*.

Связь мысли и действия – *содержание*.

Отношение замысла творения к ситуации Творения – *смысл*.

Отношение проектного замысла к проектной ситуации – *значение*.

Полная смерть – разрушение всех связей.

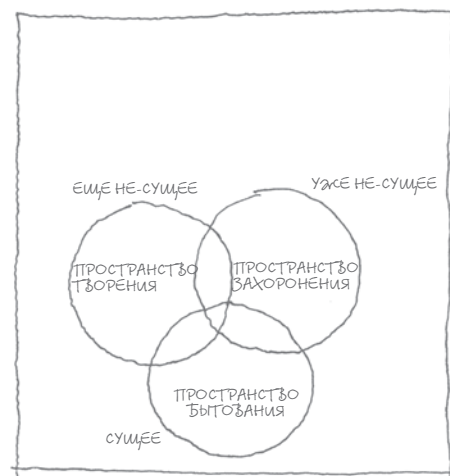
Смерть – это переход в мир «не-сущего». Конечно, только с позиции Наблюдателя этого мира – мира сущего. А для Основателя мира, которого нет (еще нет), посмертие – это работа по максимальному разоформлению сущего. С этой точки зрения «захоронение» – это предуготовление не-сущего для творения.

Очевидно, что сущее должно соединять и соединяет в себе все виды сущностей. Можно умереть для Бога, для дела, во плоти. Смерти бывают ипостасными. Можно пережить разные ипостаси смерти или полную смерть.

Тогда пространство «не-сущего» можно разделить на два принципиально разных пространства в привычной терминологии: «кладбище», где сущее разоформляется и предуготовливается для творения, и пространство творения, где происходит преобразование «не-сущего» в творимое. Космос, как мы его сейчас понимаем, – это предуготовленный материал для творения и, одновременно мастерская Творца. Частицы и энергия умерших звезд – материал для создания новых миров. Так устроен этот мир. Творимое – не-сущее. В том смысле, что оно еще не получило своего воплощения.

Сущее от не-сущего отличается теми основаниями, которые Творец задает для этого мира. Конечно же, в рамках одной парадигмы что-то существует, что для другого мира не существует. Хотя мы постоянно сталкиваемся с чудесами: то, что для одной парадигмы – естественно, для другой – чудо.

Еще одно пересекающееся пространство: это *уже не-сущее*. Зона на пересечении – смерть. Она принадлежит одновременно пространствам сущего и не-сущего. И еще одно пространство: *еще не-сущее*. Я бы назвал – очень условно, нет пока хороших слов, – «пространство захоронения». И «пространство творения».

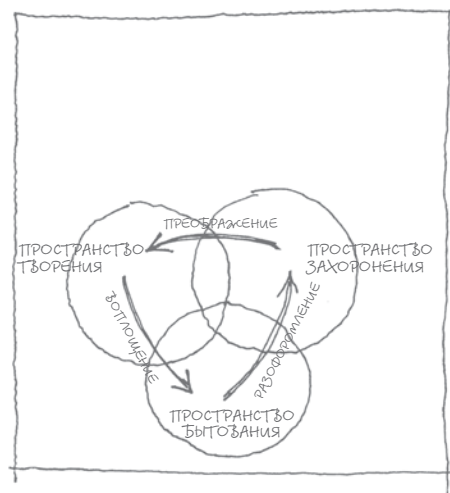

И тогда в этой логике оказывается, что управление возможно вот в этой зоне – в пространстве сущего. А в пространствах захоронения и творения идея управления как тотального подхода – не работает. Говорить об управлении здесь вообще невозможно. А что же с так устроенным миром можно делать? Если не управлять, то что?

Пространство захоронения обеспечивает разоформление и разрыв связей. Дело в том, что пространство захоронения поставляет материал творения: здесь хорошее слово «преобразование».

И, соответственно, если здесь рождение, то это – «воплощение». Здесь – разоформление.

Дальше начинается самое интересное. Так нарисованный мир оказывается фокусным. Потому что схема эта с позиции мира сущего – она вся включена внутрь сущего, и схема выглядит так, что творение – фрагмент мира сущего, точно так же как и захоронение является фрагментом мира сущего. А с точки зрения

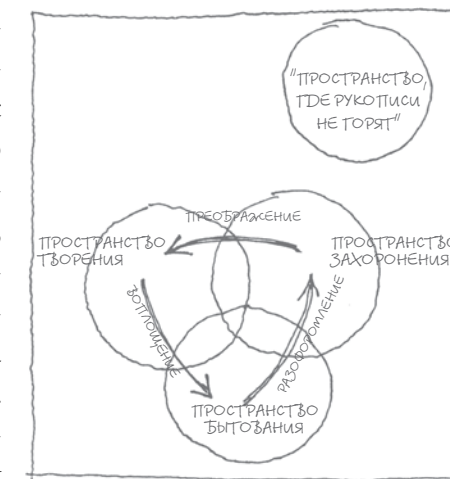
«кладбища» все – дорога на кладбище. Мы много знаем подобных выражений, ну самое простое: рождение – это путь к смерти.

Для мира управления эти оба пространства – творения и захоронения – являются внутренними. Конечно же, это претензия на новое тотальное управление. Но когда мы выходим в пространство творения, то всю схему организует не управление, а это творение.

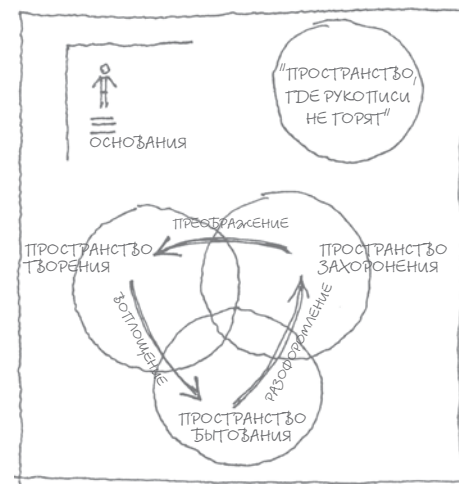
Главные векторы связываются через волю творца, который определяет, как, до какой степени и в каких форматах должно произойти разоформление для будущего творения. Здесь замысел творения, если смотреть из позиции творца, является определяющим и организующим всю эту систему.

Понятно, что в каждом из этих пространств по-разному устроены времена. Но есть еще одно пространство. Это пространство («информационное поле», пространство «истинного знания»), существующее вне времен. Но, тем не менее, оно находится во взаимодействии с тем, кто принимает те или иные основания.

К этим трем пересекающимся пространствам я дорисовал еще одно: пространство, в котором реализуется тезис «рукописи не горят», – пространство бытования мысли. Иногда это называют «единое информационное поле», иногда – «истинное знание». Есть такая позиция, что вечность – это полнота времен. Не пустота, не отсутствие, а полнота времен, место, где все собрано. И она – вечность – находится не внутри, а снаружи, но в каких отношениях это пространство состоит с остальными пространствами, я пока не знаю.

Последний тезис: если я себя на этой схеме изображаю – то мне надо рисовать внешнюю рамку, которая и есть основания. Потому что все содержание этой круговерти и всего этого взаимодействия задается содержанием тех оснований, которые я для себя принимаю или принимаю для этого мира.

По логике схемы позиция в каждом круге-пространстве удерживает две других и определяется тем, как она смотрит на две других. Переводишь нечто в не-сущее (это твой акт), и тем самым освобождаешь место в сущем для акта творения. Если ты этого не произвел, новый замысел творения некуда поместить – нет пустоты, которая могла бы стать пространством воплощения замысла. Изначально моя задача – найти пространство, на котором я мог бы рисовать процесс порождения несуществующего – того, чего нет.

Отдельная тема – самоопределение в этой схеме. Если я принимаю или не принимаю замысел творения, породившего сущее, я могу: первое – противодействовать; второе – принять замысел и включиться в его реализацию; третье – выйти в позицию творца и запустить свой замысел. Понимание замысла возможно только здесь – из внешнего пространства (на схеме). Отсюда (из мира сущего) понимание замысла невозможно в принципе, ввиду привязанности к пространству, времени и плоти. Но если научиться выходить в позицию творения, можно обсуждать отношения с другими творцами.

Замысел этого рассуждения состоял в одном: показать, что управление возможно в пределах сущего. Управление существует в мире мерностей, плотности, времени и пространства. В других пространствах управления не су-

ществует. Задача состояла в том, чтобы нарисовать те пространства целевой деятельности, которые лежат вне и за рамками управления, в том, чтобы нарисовать пространство, где управление не является рамкой, пределом. В то время как управленческая парадигма претендует на абсолютную, тотальную всеобщность. А нам приходится сейчас решать задачи гораздо более сложные. Я попытался изобразить проектную доску, где можно что-то изображать и начинать протраивать процессы и процедуры прохода через эти пространства.

Эта схема – список вопросов, а не ответов. Наполнение и устройство пространств схемы – сплошные вопросы, но здесь их уже можно поставить и начинать думать.

За культурой

САМООРГАНИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ГЕНЫ – МЕМЫ – ЛОГЕМЫ – НЕМЫ – ЛЕМЫ

Владимир Никитин, Юрий Чудновский

Мир стремительно меняется, и сегодня есть необходимость для осмысления изменений построить некоторое общее поле, в котором можно увидеть не только борьбу, возвышение или падение человеческих групп, но посмотреть на развертывание человечества как целого. Мы считаем, что одной из важнейших линий такого развертывания является линия накопления мыслительных способностей и форм их организации и воспроизводства. При этом мы понимаем, что выстраивание такой последовательности есть искусственная проекция разнонаправленных и разновременных траекторий движения разных социальных и культурных групп в виде генезиса форм организации мышления и деятельности.

Сегодня, как это уже обсуждено в работах многих авторов, основной кризис исторического подхода связан с неадекватностью картин и самой идеи единой всемирной истории множественным фокусам исторического самоопределения представителей разных этносов, культур и цивилизаций. Христианская история не совпадает с той, что формируется в мусульманском мире, европейская – с русской, «черная» история Америки с «белой».

Мы исходим из необходимости новой «точки схода» в построении картины целого для понимания человеческого мира и связности его частей. Природа и ее эволюция в качестве такой универсальной точки уже исчерпали свои положительные возможности: сегодня войны, жесткая конкуренция, социальное неравенство – все списывается на неизменные законы эволюции.

Полагание в качестве базовой или универсальной политической или социально-экономической истории также приводит к конфликту интересов

представителей разных социальных структур, к борьбе и конкуренции разных историй – историй стран, профессий, страт, корпораций ...

Мы полагаем, что всемирная история политической борьбы, социальных классов и культур может быть дополнена полимирной историей мыследеятельных форм, формаций идеального, онтологий и деятельностных сфер. Эта история мыслительных миров может выступить как рамка для иных форм представления истории. И для этого нужны новые имена и логики.

Известный английский литератор и богослов Клайв Льюис в своей книге о чудесах различил природный и внеприродный миры, а проявление внеприродного в природном и определил как возможность чуда. Мысль, как считает Льюис, есть внеприродное явление, внутри природного мира она возникнуть не может [1]. История с этой точки зрения есть также демонстрация для нас чуда проявления мысли в природном мире, она фиксирует факты встречи природного с мыследеятельным.

В этом смысле история понимается как осуществление невозможного, а не как реализация статистических возможностей и массовых трендов.

Отсюда одной из ведущих линий конфликтов между подходами к истории является конфликт естественного или природного понимания истории, понятой как эволюция, и искусственно-технического понимания, когда история понимается как проявление внеприродного в природном.

Мы думаем, что не может быть единой истории человеческих групп, но может быть помыслена единая платформа развертывания способности к мышлению в ее историческом осуществлении разными группами людей.

Мы предлагаем в этой статье свой вариант мировой истории, истории человечества именно с точки зрения развертывания «ноосферы» в ее существенных характеристиках.

Основной мировоззренческий конфликт для нас сегодня – конфликт между представлением мира как уже полностью организованного (и мы только познаем эту организацию) или мир еще в процессе самоорганизации (и мы соучастники этого процесса).

Мы стоим за второй подход.

Культура относится к формам самоорганизации процесса воспроизводства человеческого мира в его полноте и сложности. Эта сложность не воспроизводится на уровне отдельного организма, его генетических структур. За счет искусственных средств, таких как культура, человечество вырвалось за пределы природной эволюции к возможности самоорганизации.

Ступени или уровни самоорганизации человечества можно представить как:

- имитацию природных механизмов (в виде местных и региональных культов);
- создание механизмов трансляции (накопленного и преобразованного в единицы трансляции опыта) в культуре цивилизаций;
- создание механизмов порождения множества подвижных локальных общностей в глобальных процессах коммуникативной культурной мутации.

Это движение можно увидеть из нескольких фокусов.

Из фокуса миротворения это движение можно представить следующим образом.

Гены воспроизводят замысел творения на шаге жизни в огромном разнообразии форм биологического существ – от микроорганизмов до человека.

Мы точно не знаем когда, но уже очень давно люди отделили от себя символические структуры, к которым относились с огромным вниманием и поклонением. Эти структуры имитировали и представляли в концентрированном виде представления о мире. Силы, управляющие миром, как они тогда понимались, были представлены в своих символах. Люди сплывались вокруг этих символов и рождались сообщества своих не только по крови, но и по принадлежности к символу. Способ удержания такой принадлежности оформлялся в культ, и выделялись люди, хранящие этот способ и передающие его другим членам сообщества, в том числе в форме практического (магического) умения для следующих хранителей.

Этот способ надгенетической организации задал новые возможности для выживания человеческого генома и определил победу человека в борьбе видов за ниши проживания. Человек уже живет в большинстве мест на Земле. Этот способ реализовывался за счет искусственных средств, не передающихся генетически.

Ричард Доукинз, назвавший эти средства «мемами», так определяет их сущность: «Примерами мемов являются мелодии, идеи, крылатые фразы, фасоны одежды, приемы изготовления горшков или построения арок. Подобно тому, как гены распространяются в генофонде, переходя от тела к телу при помощи яйцеклеток и сперматозоидов, мемы распространяются в мемфонде, переходя от мозга к мозгу путем процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией... Адаптированные друг к другу комплексы мемов эволюционируют тем же способом, как и адаптированные друг к другу комплексы генов. Естественный отбор оказывает предпочтение тем мемам, которые используют культурную среду для получения преимущества. При этом культурная среда состоит из других мемов, тоже прошедших отбор. Мемфонд, таким образом, приобретает черты эволюционно стабильного набора, и новым генам будет трудно туда проникнуть» [2, с. 126-127].

Однако после первичного расселения по Земле разных человеческих групп столкновения между разными мемфондами резко участились и одни мемфонды стали вытеснять или уничтожать другие. Чтобы процесс миротворения не захлебнулся, нужны были более мощные формы сохранения и трансформации уже не только генофонда, но и мемфонда. И они стали оформляться за счет отрыва формы передачи символических структур от их носителей. Появились знаковые формы и возможность их передачи через тексты.

Другими словами, произошел переход от традиции к культуре, от имитации к трансляции. Поверх мемфондов стали складываться фонды культурных единиц – норм, образцов, эталонов. Мы назвали эти единицы «логемами» – единицами воспроизводства и трансляции культуры.

Однако глобализация привела не только к столкновению и даже уничтожению уже теперь и культурных «логемофондов» (цивилизационных фондов), но и резко увеличила скорость их трансформаций и взаимопроникновений.

Большая скорость изменений стала возможной за счет перехода от таких логокомплексов, как знания, к информации. Бит информации стал много более простой и мелкой единицей, чем логема, и к тому же без жестких правил соединения в знаниевые комплексы. Информация организуется в подвижные массивы. И число или цифра становится базовым материалом информационных массивов и потоков.

Сегодня скорость изменений еще многократно усилена информационными возможностями коммуникативных сетей и образованием через них множества коммуникативных временных сообществ. Внутри этих сообществ культурные нормы стремительно мутируют и, тем самым, под угрозой оказались и мемофонды и логемофонды, и не только их определенность, но и само их существование, так как традиции и культуры быстро этими мутациями разрушаются. Скорость изменения в информационных потоках и технические средства их преобразований растут стремительно. Комбинации информации ad hoc, с сиюминутным смыслом, которые составляют сегодня подавляющее количество сообщений, мы назвали «немами» или «сетевыми мемами».

Устойчивые смыслы в сетях все стремительнее исчезают. И для того, чтобы смысл из коммуникации не ушел окончательно, разные группы людей озаботились его сохранением.

В условиях стремительных изменений нужен механизм, который может обеспечить опережающее преобразование среды человеческого существования, а не только оформление опыта приспособления к уже случившимся переменам. Безусловно, такой механизм уже многократно опробовался в периоды перемен, но порождал отдельные проекты изменений и, выполнив эту функцию, исчезал.

Его нельзя было использовать дважды. Каждый раз требуются новые механизмы, формирующие идеологию перемен.

Подобными механизмами были такие интеллектуальные организации, как школы, ложи, клубы, кружки, в том числе Московский методологический кружок, на опыт работы которого мы опираемся.

Сегодня нужен постоянно действующий механизм реализации воли к творению и самоорганизации. Такой механизм должен:

- носить характер сложных коллективных коммуникаций вокруг проблем, задач или проектов;
- быть включенным в процесс самоорганизации людей и групп высокого уровня (на уровнях самостояния или самодвижения);
- быть в состоянии порождать новые смысловые организации сред, сетей, миров.

То есть наряду с оформлением идеи представления культурного мира как совокупности мемов уже оформляется идея представления новой оболочки человеческого существования в виде сферы коммуникативно организованных перспективных форм мышления и деятельности. Содержанием этой сферы являются представления об основаниях и пределах трансформаций человеческого мира, проекты преобразований, новые видения и языки их представления, формы исследований будущего и образования для будущего.

Поверх символов и знаков формируются новые единицы человеческой самоорганизации, которые представляют из себя «зародыши» смыслов, которые могут связать Имена (представленные через символы в культурах), Логик (представленные через понятия и категории в культуре), Числа (представленные через операции с цифрами в информационных потоках) в смысловые фокусы (представленные схемами и новыми протометафорами в организованных сложных коммуникациях). К эйдосам, текстам и информационным сообщениям добавляются смысловые развертки.

Эти единицы смысловой самоорганизации мы назвали «лемами» в честь Станислава Лема, крупнейшего мыслителя прошлого века, сотворившего множество базовых представлений и образов будущего, задавшего высокую планку для перспективного мышления.

Мы предполагаем, что в основе сферы порождения и развертывания лемов лежит схема и процесс самоорганизации, которые описаны в нашей книге «Основание иного» [3, с. 46–52].

Такая организация коммуникации позволяет помыслить проектирование изменений в самих комбинациях генов (идея генной инженерии уже лежит за мемами и даже логемами) и форм их реализации в разных условиях. На концептуальном уровне – это гигантский шаг от идей воспроизводства и сохранения вида к идеям со-творения и преобразования всего «тварного мира».

Из фокуса осмысленности генезиса организационных форм человеческого мира это движение можно представить так:

1. По Л.Мамфорду, человек вырвался из животного мира сновидений в мир бодрствования за счет символов и магии. Символический модус мыследеятельности исторически первичен и сегодня составляет львиную долю в объеме мыследеятельных процессов – ритуалах повседневности и общения. Формой передачи символического выступает традиция. Традиция передается непосредственно от носителя к носителю в ритуалах. Основным продуктом деятельности в мире символов выступают мифы, архетипы, притчи. В европейской истории символическим пределом или ядром традиции выступает символ творящего слова – Логос.
2. Поверх символических форм в процессах соорганизации и обучения представителей многих племенных традиций выделился слой конструктивных форм – логик. Логика явилась сильной редукцией в понимании Логоса. Они стали строительными лесами мира идеального, породив сначала схоластику, а затем и науку. Основным продуктом деятельности в мире идеального являются знания. Транслируется идеальное в культуре. Культура явилась следствием идеализации традиции, ее рационализации и редукции. За счет этого культура оторвалась от живых носителей и живет в текстах, неизмеримо увеличив пространство своего существования по сравнению с традицией.

3. Следующим шагом стала редукция логик до логистики, знаний до информации. Мир организации действий и технологий выделился поверх многих культур, прежде всего в деятельности транснациональных корпораций. Менеджмент стал массовой профессией. Знания разделились на составные части – данные, сообщения и организационные схемы. Это позволяет проводить стандартизацию процедур, резко увеличить скорость обмена информацией и товарами.
4. Практически параллельно обособился мир логотипов, брендов и всякой видимости – мир виртуального. Главное преимущество – доступность этого модуса для огромного числа людей при сравнительно малых затратах на обустройство самого мира. Мир виртуального продолжается путем мутаций (никакой культуры с ее нормированием и ограничениями!!!) ранее наработанных в культуре форм.

Думаем, процесс не закончен. Нам сейчас трудно представить, как далеко можно еще редуцировать и делать человеческий мир более дискретным. Возможно, уже сформировался контрцикл по отношению к циклу редукции – возвращение к символам, новой догматике, схоластике ...

В описании генезиса социо-культурных форм мы приняли за базовый процесс редукции сложных связанных форм организации образования и культуры – традиций, учений – к формам все более дискретным и простым (подробнее о формах генезиса см. в наших публикациях 4, 5, 6).

В этом процессе увеличивается инструментальная оперативность мыслительных средств, обеспечивается их эффективность и возрастает роль средств соорганизации дискретных форм в рамках совместных действий.

Так, мы утверждаем, что:

1. Культура более простая и оперативная форма, чем традиция, – за счет отделения предписаний от носителя, что в традиции было (и есть) неразрывным; стали возможны надкоммунальные организации.

2. Технология более простая и оперативная форма, чем культура, – за счет отделения предписаний от историко-культурных ситуаций порождения и употребления; стали возможны транснациональные организации.
3. Мутация более простая и оперативная форма, чем технология, – за счет отделения процедур от последовательности и стандарта их выполнения то есть допустимости любых смесей для распространения в глобальных сетях.

Для понимания ситуации важным становится вопрос: *чем мы платим за возрастающую инструментальную мощь* – связностью, полнотой, содержанием?

Мы проектным образом утверждаем необходимость выхода за цикл редукции в пространство самоорганизации и творения новой связности, распадающегося на фрагменты целостного человеческого мира. Мы кладем строительство сферы сложных коммуникаций, творение лемофонда, создание разнообразных комплексов из мемов, логем и лемов под организованные процессы миротворения, умножение смысловых ресурсов общества в основание новой деятельности, деятельности основателей иного.

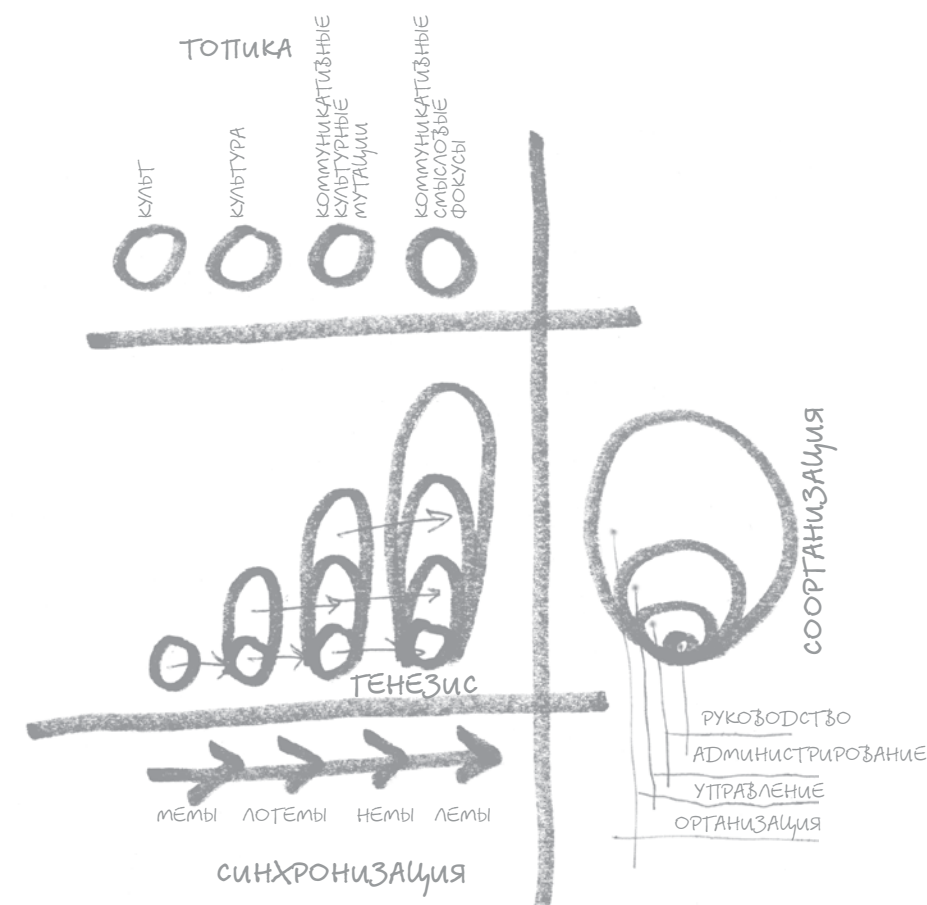
Мы считаем необходимым для выживания человечества строить поверх цифрового мира (мира немов) мир сложных неизмеряемых коммуникаций, мир осмысленных отношений.

Из фокуса развертывания или трансформаций организационных форм человеческого мира это движение можно представить так:

Над конфликтами мира культов надстроился мир культурной организации, над конфликтами мира культур надстраивается мир культурных мутаций, и он содержит внутри себя еще более острые и губительные конфликты, что угрожает и культовым, и культурным формам организации человеческого мира. Технологии культурных мутаций так же разрушают уже «естественные» для обществ традиции и культуры, как технологии производств и услуг – природное окружение.

По необходимости сегодня формируется следующая регулирующая оболочка сложных смысловых коммуникаций.

Это представление о развертывании организационных форм человеческого мира базируется на методологической схеме (ММК) оргтехнического отношения. Эта схема отражает принцип надстраивания над деятельностью, в которой нет возможности урегулировать возникшие конфликты, новой регулирующей деятельности, с иным способом видения и представления этих конфликтов, за счет которых они решались уже на другом уровне.

Этот процесс надстраивания оболочек можно изобразить как ряд их последовательностей.

1. Понятно, что каждый переход от одной организованности к другой связан с трансформацией на горизонтальных уровнях. Так эти трансформации можно представить следующим образом:
 - Скачкообразное движение культовой линии от местных богов к богам государственным, от многобожия к монотеизму цивилизаций, экуменизму и единому творцу Вселенной. Но человек все более исключается из непосредственного участия в культовых действиях. Это сфера мемов и царство имен.
 - Движение линии культуры – от текстовой к экранной, от национальных культур к глобальной, от ремесленной культуры к профессиональной. Сфера логемов и область логик.
 - Движение линии культурных мутаций от устойчивых культурных комплексов к «культурным шоу» и имитациям. Сфера немов и область цифры.
 - Движение «закультурной» линии от потоков информации к смысловым фокусам, от цифр к схемам. Сфера лемов.
2. Если взять условные проекции этой последовательности, то мы получим три важнейшие формы представления организационных форм:
 - Сведение последовательности в единую линию – формы синхронизации культурных форм в идее их универсальности. Синхронизация осуществляется в первую очередь через историю.

Каждый скачок в формах организации зафиксирован в новых формах истории: историях о творении мира и богах, о войнах богов и героев и вообще о войнах, победах и поражениях; историях конкуренции, отборов и выборов (в том числе о естественном отборе и становлении демократии), о соревновании цивилизаций, о лидерах и прогрессе ; историях о партнерстве и дополнении, интеллектуальных клубах и союзах, образовании и дарах, ресурсах и движениях мысли.

Культ синхронизирован локальными мифами и хрониками.

Культура синхронизирована историей событий, их интерпретациями, выявлением причинно-следственных цепочек, созданием единого линейного времени и глобальных картин истории, написанных из видений определенных культур или цивилизаций.

Культурные мутации синхронизированы новостями, глобальными форматами сопоставления событий.

Смысловое фокусирование синхронизируется сложной коммуникацией персональных времен для совместных пониманий и действий.

- Представление последовательности как суммы отдельных топов, живущих сегодня своими локальными формами: жизнь вокруг культов (в современном технологическом обществе культов и псевдокультов вокруг новых мифов великое множество); жизнь в культурах и субкультурах вокруг различных систем ценностей, норм и образцов (профессионалы, менеджеры, готы, эму и т.п.); жизнь в социальных сетях в потоках информации; жизнь в интеллектуальных клубах вокруг смысловых коммуникаций.

Многофокусную историю математики задал, например, Морис Клайн, выделив возможные истории в зависимости от того, какой раздел математики он клал в основу – теорию множеств или алгебру, арифметику или геометрию, и все эти истории, а их получилось более десятка, были верны и весьма эвристичны. Максимилиан Волошин в цикле «Путями Каина» дал множество связанных историй нашей цивилизации, каждый раз задавая целостное видение из иного фокуса-имени – Огонь, Меч, Порох, Пар, Суд ...

Для описания, а скорее формирования иного видения в эпоху крутых трансформаций – это, вероятно, более мощная интеллектуальная форма, чем синхронизированная последовательная однофокусная история экономики или страны.

Эти многофокусные истории, истории возникновения самих фокусов как следствие порождения новых вопросов, мыслительных форм и человеческих

отношений являются необходимым условием работы с будущим, которое не возникает «из ничего» (это в возможностях Бога, а не человека), а творится из наличного, но в ином облики и обращенное к иным горизонтам.

Понятно, что каждый фокус стремится образовать собственный топ как мир, внутри которого формируется иной смысл существования, что эти миры имеют свое время и свои пути развертывания, которые не синхронизированы и в этом смысле не могут быть рассказаны как одна история. Но, вероятно, можно помыслить «большой смысл» всего процесса развертывания человечества во множество миров и этот смысл сделать канвой «большой» истории. Возможно, этот большой смысл лежит в понимании процессов самоорганизации Вселенной и человечества.

Мы пережили со «здоровой» психикой огромный период становления человечества по той простой причине, что не знали о существовании множества культур, а те немногие, о которых знали, спокойно причисляли к варварам. Концепт «серединной империи» жив и до сих пор, но идеолог свобод и множественности его отвергает. Разумной альтернативы пока нет, и мир начал впадать в истерию по отношению к возможности жить с другими и иными.

- Эту же последовательность можно представить в виде «матрешек» слоев регулирования для целей соорганизации топов под решение социальных задач или культурных и духовных практик.

Представляется, что сохранение полноты и разнообразия организационных форм человечества есть условие его выживания, и тогда важной становится реализация принципа дополнительности в отношениях организационных форм поверх действий принципов конкуренции и войны между ними.

В целом мы придерживаемся базовой идеи В. Вернадского о последовательном наращивании сфер эволюции Земли и постарались прописать в проектной ориентации самоорганизацию сфер или оболочек человеческого мира (ноосферы), надстроенных над человеческим геномом в целях его сохранения и трансформации.

ССЫЛКИ

1. Льюис К. Чудо. – М, 1963.
2. Доукинз Ричард. Эгоистические гены и эгоистические мемы. // Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума. – М, 2003. С. 109–127.
3. Никитин В., Чудновский Ю. Основание иного. – Киев, 2011.
4. Никитин В. Траектории и технологии преобразования культуры. – Тольятти, 1997.
5. Никитин В. Организационные типы современной культуры. Автореферат диссертации доктора культурологии. – М., 1998.
6. Никитин В. Идея образования или содержание образовательной политики. – Киев, 2004.

ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

СЕРГЕЙ ДАЦЮК

Тезисы доклада на Гераклеийском футурологическом конгрессе при участии FFF. Севастополь, 16-18 июня 2011 года

Здесь я хотел бы выступить в роли пророка новой цивилизации. Почему именно в этой роли?

Самой сильной позицией работы с будущим является «пророк». Ни проектировщик, ни программировщик, ни стратег не являются столь же сильными позициями.

Пророк осваивает будущее вызывающим у окружающих доверие образом (откровение, прогноз, моделирование, интуиция).

Пророк безответственен по отношению к современникам и ответственен по отношению к потомкам. Пророк спасает Мир будущего, а не настоящего. Пророк заглядывает в будущее, предъясняет его современникам, но для потомков.

Пророчество не бред, а модель. Модель существует не в языке, а в конструктивных представлениях.

1. ЧТО ТАКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

Почему мое пророчество будет о новой цивилизации?

Цивилизация – самая сильная форма работы с будущим. Ни государство, ни этнос, ни культура не являются вообще формами работы с будущим.

Цивилизацию создает и корректирует Бог через посредство пророков. Цивилизация так сильна, потому что является формой организации социальной энергии – системы и структуры человеческих мотиваций.

Цивилизационная антропология

Мне удалось создать новую дисциплину – цивилизационную антропологию. Она изложена в работе «Основы цивилизационной антропологии» в моей интернет-книге «Теории перспективы».

С точки зрения человеческого научного знания человек является существом общественным, и его экономическая, политическая и культурная жизнь оказывается в центре внимания.

Позиция цивилизационной антропологии как взгляд на разные цивилизации, то есть допускающая разные системы мотивации, оказывается как бы ничейной. Такой взгляд неинтересен религии, работающей с индивидуальным сознанием внутри некоторой одной системы мотиваций и по меньшей мере прохладно относящейся к другим системам мотиваций (к иным верованиям). Такой взгляд неинтересен науке, рассматривающей разные цивилизации исключительно объективно и с позиции якобы единственно правильной (в настоящее время либерально-демократической) цивилизации. Точно так же взгляд цивилизационной антропологии неинтересен и политической или корпоративной власти, которая стремится стать в идеале общемировой и навязать миру понятную ей систему мотиваций, а не пытаться управлять внутри разных систем мотиваций. Тем самым цивилизационная антропология оказывается единственным свободным предприятием человека.

Культурная антропология – это теория, которая изучает культурные феномены в человеческих обществах.

Цивилизационная антропология строится на конструктивном моделировании создания, развития, упадка, разрушения и возрождения цивилизаций.

Культура – это системы образцов, эталонов и норм в процессе создания, преобразования и разрушения.

Общество – это социальная совокупность настоящего времени. Всякое общество принадлежит какой-либо цивилизации. Цивилизация как общество существует в социальном времени настоящего и осуществляет объедини-

тельное функционирование членов общества, а цивилизация как собственно цивилизация существует в историческом времени и осуществляет преемственность с прошлым и ориентацию на будущее.

Цивилизация – сложная социальная модель, обеспечивающая историческую связность некоторой человеческой общности посредством соотнесенности его структурно и системно организованных мотиваций, с одной стороны, и смыслов одной или нескольких культур, принадлежащих цивилизации, с другой стороны.

Цивилизация – это уникальная система мотиваций того или иного общества, способная сохраняться, преобразовываться в процессе кризиса, не разрушаясь, взаимодействовать с другими уникальными системами мотиваций.

Особенно следует обратить внимание на ограниченность научной точки зрения, стремящейся исследовать объекты и объективированные исторические явления и процессы. Понятие «цивилизация» изначально возникало в отношении таких явлений и процессов, которые невозможно объективировать. Процессы цивилизации задавались в принципиально не объективируемых содержательных структурах – религиях, этических системах и т.п. Мало того, эти процессы нельзя рассматривать даже как допустимые к какой бы то ни было субъективации. Цивилизация в таком понимании – это модель Бога или его пророков. Как же это можно анализировать научно? Это можно лишь смоделировать конструктивно. В этом смысле цивилизационная антропология должна стремиться построить конструктивную теоретическую модель без претензии на какую бы то ни было предыдущую или последующую объективацию – на пересечении утилитарных и трансцендентных знаний, то есть именно то, что принципиально неспособна соединять наука.

Модели цивилизаций создаются как можно более сложными, чтобы выражать максимальное количество ситуаций, решать максимальное количество проблем.

Допустимое упрощение для модели не требует детализации и позволяет представить себя в виде некоторых схематичных образов.

Причем используемые в цивилизационной антропологии понятия следуют из конструктивных моделей, а не конструктивные модели следуют из понятий.

Масштаб рассмотрения истории в цивилизационной антропологии должен измеряться столетиями и тысячелетиями.

Социальная энергия

Цивилизация возникает, развивается и преобразуется благодаря социальной энергии.

Социальная энергия цивилизации – это совокупная способность некоторой устойчивой социальной группы осознавать свою целостность и сохранять ее на протяжении длительного исторического периода.

Социальную энергию несут на себе не этнические (национальные) системы (как у Гумилева), которые являются всего лишь способами производства и воспроизводства культурных норм, а цивилизационные системы, которые являются способами производства и воспроизводства структурированных и системно организованных мотиваций.

Социальную энергию можно исследовать, сравнивать и даже измерять с точки зрения ее точно указываемых источников – мотиваций на индивидуальном уровне; структуры мотиваций, задаваемой религиями, научными идеологиями, этическими системами и социальными институтами; системы мотиваций, задаваемой социальной структурой, социальным режимом, экономическими институтами и способом политической организации общества.

Упомянутые Гумилевым «иллюзорные цели» рассматриваются в цивилизационной антропологии как антропологическая трансценденция, являющаяся способом фиксации и распространения содержательно структурированных мотиваций, выходящих за пределы утилитарной жизни членов общества – в религиях, научных идеологиях и этических системах.

Цивилизация и культура

Культура отвечает на вопрос «как жить?». Если культура перестает отвечать на этот вопрос, она исчезает.

Цивилизация отвечает на вопрос «зачем жить?». Если цивилизация перестает отвечать на этот вопрос или отвечает на него «незачем», она тоже перестает существовать.

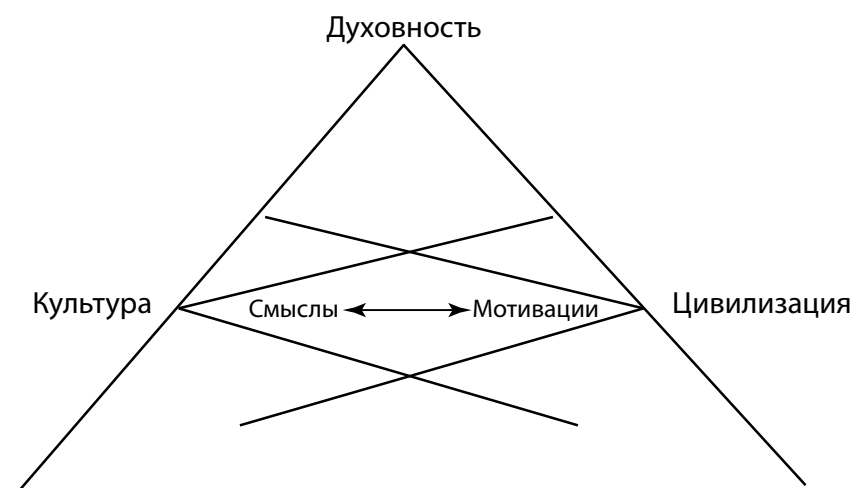
Цивилизация выражается при помощи теоретического моделирования, где можно различить онтологию и транзитологию.

Онтология цивилизации – содержательное основание, онтологические единицы и схемы сборки модели цивилизации.

Транзитология цивилизации – способы достижения пределов и перехода к иному посредством антропологической трансценденции той или иной цивилизации.

Именно отличие цивилизации как пространства мотиваций от культуры как пространства осмысленных норм дает нам возможность понимать цивилизационную антропологию в отличие от культурной антропологии.

Схема соотношения цивилизации, культуры и духовности выглядит так:

Мы чисто теоретически различили культуру и цивилизацию на онтологическом уровне.

Хотя в реальности культура и цивилизация всегда существуют в единой взаимосвязи, явления культуры и явления цивилизации подлежат строгому разделению: культура фиксируется в объектах (продуктах или артефактах культуры), а цивилизация фиксируется в процессах, описывающихся в религиях, идеологиях, государственных программах, проектах и т.д.

Цивилизация соотносится с одной или несколькими культурами.

Единица культуры – норма, а основание культуры – смысл как норма в контексте других норм.

Смысл во временной проекции через деятельность человека есть мотивация, которая является единицей цивилизации.

Сцепка смысла и мотивации есть традиция. В традиции осуществляется единство исторической связи культуры и цивилизации.

Онтологическое основание цивилизации определяется системой мотиваций.

Мотивация есть представление о направленности действий человека за пределы видимого пространства и за пределы актуально проживаемого времени.

Мотивации имеют постоянно возрастающее структурное (в ориентациях на пределы) и системное (по организации взаимодействия) содержание.

Транзитология

Транзитология изучает горизонты, границы или пределы цивилизации, имеющие трансцендентное качество.

Духовность цивилизации определяется сохранением в ней духовного пространства и духовной работы особых духовных людей. Духовность не совпадает с культурой и цивилизацией. Духовность есть пространство работы по сохранению перспективы цивилизации, ее возрождению или созданию новой цивилизации и новой культуры.

разитарных (участников спекулятивного, монополистического и виртуального производства). Доля социально полезных рабочих начала стремительно уменьшаться, а доля паразитарных рабочих – стремительно возрастать.

Третья причина – появление демотиваторов разного уровня: коррумпированных правящих классов внутри традиционных государств, олигархов, которые арендуют государство ради собственных целей, надгосударственных образований, которые принудительно распространяют лишь доминирующую мотивацию без любых попыток ее диверсифицировать.

Четвертая причина – возникновение конфликта между мотиваторами: массовым потребителем и креатором. При этом креатор как компетентный мотиватор теряет влияние, когда предлагает идеи, которые противоречат потребительским ценностям. Новая мотиваторная позиция креаторов находится на достаточно высоком уровне социализации и не может быть заказана паразитарными производителями и коррумпированным правящим классом во время кризиса.

Пятая причина – утрата мотивационной дистанции: мотиваторы разных мотивационных русел сами попали под действие разнообразных мотивационных компрессоров, их собственные мотивации оказались упрощены, исчезла их организующая роль по отношению к системе мотиваций, а также утратилась руководящая и управляющая их роль по отношению к мотивационной базе.

Шестая причина – общая усталость человеческой цивилизации от преимущественно доминированного способа ее организации, появление процесса стихийной диверсификации, которая сопровождается топологической фрагментацией традиционных цивилизаций.

Седьмая причина – попытки бороться с цивилизационным кризисом в политике, в то время как цивилизационные кризисы принципиально не могут ни осмысливаться, ни преодолеваются в политике.

Цивилизация предполагает разные процессы отношений со своими представителями: 1) инициацию; 2) посвящение; 3) хранение и воспроизводство; 4) изменение путем инноваций.

Поддержание воспроизводства должно выходить за пределы самой цивилизации. Нормативный ноль – это представление о возрождении разрушенной цивилизации, когда нужно начинать с изучения полностью утраченного языка и восстановления полностью утраченных культурных норм. Система архивации и сохранения нормативного ноля (система нормативного ноля) – наличие внутри цивилизации специальных структур самоподдержки, направленных на архивацию и длительное сохранение культуры-цивилизации в символически саморазворачиваемом виде.

Пределы

У всякой цивилизации существуют транзитологические пределы. Что это такое?

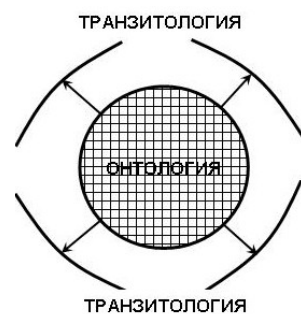
Антропологическая утилитарность – то, что способно удовлетворять какую-либо человеческую потребность. Антропологическая трансценденция – это некоторое общее принципиальное структурное содержание цивилизации, данное ей извне утилитарного опыта. Относительно этих представлений существуют два парадокса.

Парадокс утилитарности-прагматичности: чем лучше жизнь членов цивилизации, тем меньше мотивации к труду вне выгоды, к творчеству, к самой жизни и к продолжению рода, тем медленнее происходит развитие цивилизации или вообще останавливается.

Парадокс трансцендентности: чем более непрагматичными, неутилитарными и далекими от очевидной жизни являются трансцендентные мотивации членов цивилизации, тем большую социальную энергетику они порождают, тем быстрее и длительнее развивается цивилизация.

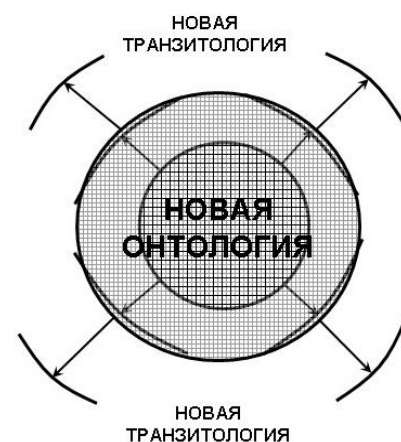
Транзитология, или структурная организация цивилизации, определяется ее трансцендентно-утилитарными пределами (и является транзитологическим содержанием цивилизации). Давайте посмотрим на схемы.

ОНТОЛОГИЯ И ТРАНЗИТОЛОГИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

- Онтология – это внутренние основания (единицы и схемы сборки).
- Транзитология – это горизонты, границы или пределы цивилизации, имеющие трансцендентное качество.
- Цивилизация ориентируется на свои пределы и в то же время самоорганизуется мотивации своих членов относительно этих пределов.
- Когда пределы интериоризируются, возникает более сложная онтология.
- Когда пределы интериоризируются, возникает необходимость в новых пределах.

ОНТОЛОГИЯ И ТРАНЗИТОЛОГИЯ СЛЕДУЮЩЕГО ЭТАПА ЦИВИЛИЗАЦИИ

«Новая онтология цивилизации расширяет границы и поглощает старую онтологию так, что старые транзитологические границы становятся пределами новой онтологии, относительно которой появляется более широкая новая транзитология».

- Следующий этап цивилизации имеет новую онтологию и новую транзитологию.
- Эти новые онтология и транзитология более сложные, нежели предыдущие онтология и транзитология.
- Возникают столкновения старой и новой онтологии.
- Возникают столкновения старой и новой транзитологии.

Цивилизация ориентируется на свои пределы и в то же время самоорганизуется мотивации своих членов относительно этих пределов.

Когда пределы достигнуты, они интериоризируются, возникает более сложная онтология и необходимость в новых пределах.

Следующий этап цивилизации имеет новую онтологию и новую транзитологию. Эти новые онтология и транзитология более сложны, нежели предыдущие онтология и транзитология.

Возникают столкновения старой и новой онтологии, старой и новой транзитологии. Когда такое столкновение происходит между соседствующими цивилизациями, рождаются войны.

Сама по себе цивилизация может очень неадекватно себя оценивать, и только ее взаимодействие с другими цивилизациями позволяет получить адекватную оценку. Взаимодействие цивилизаций может быть конкурентным и неконкурентным. Предельной формой антагонистической цивилизационной конкуренции является война.

Цивилизационная антропология предлагает понимание войны как способа преодоления дисбаланса структуры и/или системы мотиваций разных социальных групп. Война – способ преобразования оснований, структуры и горизонтов (трансцендентных пределов) цивилизации в условиях отсутствия надцивилизационной позиции. Дисбалансы создают цивилизационных лидеров, диспаритеты создают врагов.

Когда Геббельс говорил: «Самое главное – это правильно выбрать врага», это означало, что выбор врага должен соответствовать двум условиям: 1) наличие перевеса социальной энергии, дающего шансы на победу в войне; 2) наличие у врага ресурсов, необходимых для дальнейшего развития победителя. В работе «Основы цивилизационной антропологии» показаны диспаритеты к началу XXI века между разными цивилизациями. Однако войны являются весьма затратными и разрушительными способами изменения цивилизаций.

Создание и возрождение

Чтобы возродить цивилизацию, нужны три цивилизационных позиции: пророк, учитель и общественный деятель (государственный муж).

Создание новой цивилизации – тайна тайн. Всякая новая цивилизация предполагает инновации не внутри некоторой цивилизации, а инновации, создающие новый тип цивилизации.

Создание новой цивилизации возможно как цивилизационная инновация из надцивилизационной позиции. Что это за позиция?

Здесь необходимо принципиально различить концепции Интегрального Традиционализма и Инспириологии (влияния инсайдеров).

Концепция Интегрального Традиционализма Рене Генона исходит из того, что изначально в мире существовала так называемая Примордиальная Традиция. Затем после крушения цивилизации, являющейся носителем этой изначальной традиции (предположительно Гипербореи у Генона), в процессе расселения народов по земле Примордиальная Традиция распадается на множество традиций. Инициация человека внутри одной из этого множества традиций является контринициацией по отношению к другой традиции и, в то же время, отходом от Примордиальной Традиции. Частичное возрождение Примордиальной Традиции возможно в Интегральном подходе к традициям.

Концепция Инспириологии предполагает, что некоторые инсайдеры осуществляют скрытое управление цивилизациями через тонкие инструменты влияния. Суть действий инсайдеров – цивилизационное и отчасти культурное прогрессорство путем инспирирования (скрытого влияния).

Цивилизационная антропология предполагает, что надцивилизационная позиция – это то, что должно возникнуть в процессе нынешнего общецивилизационного кризиса. Надцивилизационная позиция может возникать прежде всего в новом образовании. Это означает появление более мощной структуры, нежели Университет.

Университет основан на том принципе, что мир представляет собой Универсум, который подлежит освоению через научное знание. Таким образом, главная функция университета – инициация человека внутри рационального типа цивилизации и контринициация внутри мифологического и религиозного типов цивилизаций.

Концепция «мультиверситета», предложенная Кларком Керром, одним из ректоров Калифорнийского университета, в 1982 году, означала многоцентровое и многофункциональное учреждение высшего образования, содержащее различные уровни и условия – например, элитарные, массовые, непрофессиональные и профессиональные и т.д. Однако надцивилизационная позиция может быть сформирована в Метаверситете.

Базовые принципы Метаверситета: 1) мир множественен по своим подходам и представляет из себя Мультиверс; 2) кроме Мира допустима также Внемирность; 3) инициация человека должна быть произведена внутри разных Мегатрадиций; 4) человек должен освоить разные трансценденции – мифологическую, религиозную, рациональную и конструктивную; 5) как сверхзадача – формирование надцивилизационной позиции.

3. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И НОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Онтология цивилизации определяется системной организацией мотиваций.

Транзитология определяется трансцендентными рамками или горизонтами, на которые направлена социальная энергия человечества.

Человеческая цивилизация прошла в своем развитии три этапа, задающие горизонты или пределы, которые определяли развитие цивилизации, – мифологический, религиозный и рациональный. Сейчас мы находимся в стадии перехода к конструктивному этапу человеческой цивилизации.

Горизонты или пределы цивилизаций

Мифологический этап: протоорбис (как устроен мир), протодеус (как существуют боги или Бог).

Религиозный этап: тимос (что за пределами жизни), этос (различение добра и зла), вивос (смысл жизни), генос (причины продолжения рода), трансус (предпочтение трансценденции утилитаризму).

Рациональный этап: интелос (обоснование знания и разума), социс (оптимальная структура общества), футурос (ориентация на будущее), археос (преемственность прошлого), орбис (как устроен мир и где его пределы).

Ведущие цивилизации мифологического этапа – Древний Шумер (IV–III тыс. до н.э.), Древний Египет (IV–I тыс. до н.э.), Древняя Индия (V–III тыс. до н.э.), Древний Китай (II–I вв. до н.э.), Древняя Греция (VIII в. до н.э. – I в.), Древний Рим (VIII в. до н.э. – V в.).

Наиболее значительные религиозные цивилизации: буддийская (VI в. до н.э.), конфуцианская (VI в. до н.э.), христианская (I в.), исламская (VI в.).

Переход к религиозному этапу мифологическими цивилизациями (греческой и римской) был остановлен гибелью римской культуры от варваров (проблема социальной энергии, культурный коллапс). Поэтому успех новой религии – христианства – дал незначительный толчок европейской цивилизации в I–V вв. Социальная энергия варваров (готов, гуннов) оказалась в это время сильнее.

Темные века (VI–IX вв.) – это затухание социальной энергии разных варварских цивилизаций, становление христианской европейской цивилизации, восстановление ее социальной энергии.

Своего пика социальная энергия европейской христианской цивилизации достигает во время Крестовых походов (1096–1290 гг.).

Четыре события, обеспечившие переход к рациональному этапу (XV–XVII вв.):

1. Открытие Америки Христофором Колумбом (1492 год).
2. Коперниканский переворот (1543 год, сочинение «Об обращении небесных сфер»).
3. Создание альтернативы выбора развития рациональной цивилизации как утилитаризм – трансценденциализм: мотивации силы и

пользы Френсиса Бэкона (1620 год, «Новый Органон») и мотивации мечты и героического энтузиазма (1600 год, сожжение Джордано Бруно на костре инквизиции за представления о бесконечности Вселенной и множественности миров).

4. Доминирование государств рациональной цивилизации.

Рациональная цивилизация

Здесь можно выделить четыре периода:

1. Иберийский (Испания, Португалия) – от открытия Колумбом Америки (1492 год) до гибели «Непобедимой Армады» (1588 год).
2. Голландский – от 1588 до 1713 года (Утрехтский мирный договор).
3. Британский – от 1713 до 1921 года (Вашингтонское морское соглашение).
4. Американский или американо-советско-немецкий (от 1921 года).

Этот последний период отмечен доминированием европейской христианской цивилизации, которая сама создала себе партнера-конкурента США, упрочивающего доминирование, и внутри себя произвела две мировые войны. К концу XX века на арену цивилизационной конкуренции выходят Китай, Индия, исламская цивилизация.

Что обеспечивало доминирование на рациональном этапе?

Иберийский период: в значительной степени религиозное миссионерство (преимущественно орбис, частично социс, частично интелос) и освоение новой территории (Латинская Америка, Карибский бассейн).

Голландский период: частично религиозная экспансия при слабой рациональной экспансии (орбис, отсутствие социса и интелоса) и слабое освоение Африки, Америки, Азии.

Британский период: чисто рациональная, но неполная экспансия (интелос, социс, археос, орбис) и более полное относительно структуры рациональной трансценденции освоение новых территорий.

Американский период: полная рациональная экспансия (интелос, социс, футурос, археос, орбис) и полное относительно структуры рациональной трансценденции освоение новых территорий. СССР и Германия в плане футуроса оказались менее эффективными.

Опыт успехов и неудач

Если цивилизация вовремя не меняет свои трансцендентные горизонты, она разрушается социальной энергией иной цивилизации. Так Греция и Рим, не перешедшие от мифологической транзитологии к религиозной, были разрушены варварами.

Системно не организованная социальная энергия приводит к гибели цивилизации (кочевники – готы, гунны, монголо-татары).

Потеря культуры ведет к деградации цивилизации. Культурное захоронение может позволить ее возродить в будущем. Если бы не культурное захоронение наследия Рима Теодорихом Великим, Возрождение было бы невозможно.

Орбис проявился как географические и космологические открытия – расширение Ойкумены за счет открытия Америки и коперниканский переворот.

Социс в отдельности не является таким важным, как это считал Маркс. В опоре исключительно на социс действовали голландская Республика Соединенных Провинций (1581–1795.), Советский Союз (1917–1991). Оба цивилизационных образования потерпели фиаско. Социс реализуется в разных социальных системах не как тип государства или власти, а как выбор общества: свобода – равенство, индивидуализм – коллективизм, солидаризм – паразитизм и т.д.

Культурная экспансия является важной для цивилизации. Отказ Голландии от языково-культурной экспансии ослабил последствия ее доминирования. Языково-культурная экспансия Испании в иберийский период даже сегодня влияет на весь мир.

Одним из важнейших ресурсов рациональной цивилизации является интелос. Именно на это делали ставку нацистская Германия, Советский Союз и США.

Археос в рациональной цивилизации стал помехой для Европы в XX веке. США получили преимущество именно за счет меньшей зависимости от археоса.

В XX веке СССР и США при сравнительном равенстве сил орбиса, социса, интелоса и археоса конкурировали преимущественно за футурос (программно-проектный подход – стратегический подход).

Государство не является самым эффективным мотиватором. Более эффективными являются скрытые клубы элиты.

Успех цивилизации обеспечивается не государством, не нацией, не культурой, а полнотой освоения трансцендентных горизонтов. Когда обеспечена полнота освоения трансцендентных горизонтов, становится важной системная организация мотиваций.

Иначе говоря, транзитология цивилизации преобладает над ее онтологией. Однако онтологическая организация является необходимой.

Человечество сейчас выходит на межцивилизационный уровень с точки зрения религиозных оснований-пределов и на надцивилизационный уровень с точки зрения рациональных оснований-пределов. Это означает конфликт между влиятельными религиями (наследие прошлых транзитологий) и преодоление пределов рациональности (проблема нынешней транзитологии).

Создание новой цивилизации

Оно связано с такими трансцендентными пределами:

Виртус: 1) в чем конструктивное содержание виртуальности; 2) как возможно конструктивное соединение виртуальности и актуальности; 3) как конструктивно достижима виртуальность и куда она ведет. Разделение человечества на актуалов и виртуалов.

Экстрас: 1) является ли наш Мир единственным (Универсум) или он множественный (Мультиверсум); 2) допустима ли Внемирность и как соотносятся Мир и Внемирность; 3) в чем смысл Внемирности. Разделение человечества на мирников и внемирников.

Ксенос: 1) допустимо ли иное и иные; 2) являются ли иные чужими, враждебными или с ними можно сосуществовать; 3) какова перспектива иных по отношению к своим: поглощение (ассимиляция прямая или обратная), расхождение (вытеснение), равновесная интеграция. Разделение человечества на нормалов и модов или модификантов.

Космос: 1) дружелюбен ли к нам космос; 2) обитаем ли космос; 3) нужна ли экспансия за пределы планеты Земля в космос. Появятся следующие различия: земляне и космиты (земляне, живущие за пределами Земли); земляне и пришельцы.

Новая цивилизация связана с отказом от важности старых представлений (нация, государство, территория). Новая цивилизация связана с преодолением страха перед фрагментацией мира.

Преимущество будет иметь тот, кто наиболее полно использует новые пределы конструктивной цивилизации и без страха приступит к фрагментации территории своего государства соответственно многообразию систем мотиваций своих граждан. Именно эти новые системы мотиваций и станут основой структуры будущего мира вне границ сегодняшних государств.

Переход к новой цивилизации не зависит: от культуры мышления масс; от политического режима в стране; от способа организации государства; от высокого экономического уровня. Переход к новой цивилизации зависит: от понимания узким клубным слоем будущей транзитологии цивилизации; от ориентации корпораций и небольших общин единомышленников на новые транзитологические пределы; от принятия для этих небольших общин новой системы мотиваций, которая соответствовала бы новым пределам.

Переход к новой цивилизации – это не здравомыслие, а безумие. Однако это оптимистическое безумие.

Видеофильм по этому материалу размещен на канале автора www.youtube.com/user/dsprovocator.

ГОРИЗОНТЫ, ГРАНИЦЫ, ПРЕДЕЛЫ

Юрий Чудновский

Тезисы доклада на встрече FFF N 19. Киев, 30 августа 2011 года

... Позиция: фундаментальные идеи определяют смысл этого мира, за пределами которых может лежать творимый мир.

Несущим каркасом мира, в котором мы живем, являются идеи, определяющие взаимоотношения людей между собой, отношение к Богу и космосу, отношение к природе. Но главное, эти идеи задают отношение и видение прошлого и будущего. У идей нет прошлого и будущего – они в мире Божьем, в кайросе. В конечном счете идеи определяют систему координат, которая дает нам возможность ориентироваться в мире, отвечать на вопросы: «что такое и что такое плохо?», «как устроен мир и какова роль человечества и конкретного человека в мире?», «зачем жить?», «куда мы идем?». Ну и, конечно: «в чем смысл жизни?».

Первое утверждение: ядро мира составляют фундаментальные идеи, которые определяют всю его конфигурацию, размечают все пространство и являются ядерной структурой. Идеи определяют структуру, смысл и содержание мира.

На каких идеях и полаганиях выстроен наш сегодняшний мир?

- существуют общечеловеческие ценности;
- мир должен быть устроен по единым правилам;
- экономические отношения являются определяющими в жизни человека и человечества;
- демократия большинства – лучшая форма общественного устройства;

- права личности и право на собственность – основа человеческого общежития;
- выбор – предел свободы;
- развитие – цель человеческой деятельности;
- ресурсы исчерпаемы;
- смысл жизни и деятельности – в потреблении.

И все это в целом привычно называется глобализацией.

Вероятно, при более внимательном анализе список может быть расширен. При этом очевидно, что перечисленные идеи находятся на стыке мышления и практики. Они непосредственно определяют контуры сегодняшнего мира, хотя сами по себе являются производными N-го порядка от более фундаментальных мировоззренческих представлений. Двигаясь в обратном направлении можно выделить ядерную онтологию, лежащую в основании нашего мира и проследить все цепочки опосредований от ядерных представлений до определяющего основы общежития понятийно-идеологического каркаса. Вообще-то, эту работу нужно проделать.

Ситуация

Сегодня мы наблюдаем атаки на все базовые идеи. Единство ценностей опровергается терроризмом: терроризм не признает абсолютной ценности человеческой жизни – ни в отношении своих, ни в отношении чужих. Ни один из существующих миров (иудео-христианский, мусульманский, атеистический...) не в состоянии овладеть всем человечеством. Идея равенства прав личности привела Евросоюз к системному кризису и заставила европейских политиков открыто говорить о крахе идеи мультикультурализма, привела к попыткам закрытия границ в рамках Шенгенского пространства... Экономический кризис, кризис финансовой системы, экологический кризис – эти и многие другие кризисы стали главными темами аналитики и глобальных прогнозов. Вообще, слово кризис стало наиболее употребляемым в оценке текущей ситуации.

Атаки оказываются настолько успешными, что закат привычного мира стал наиболее обсуждаемой темой, а ожидание кардинальных сдвигов и попытки предсказать направления перемен – доминирующим мировым интеллектуальным движением.

Исходная идея состоит в том, что прорыв в будущее означает выход за пределы основополагающих идей и понятий, поиск иных оснований и попытки построить жизнь на иных основаниях.

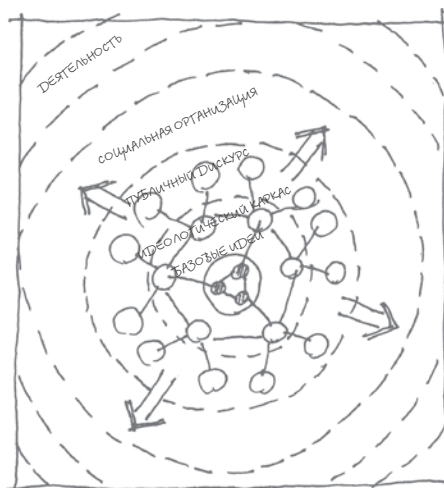
Вторая идея: мир имеет пределы. И если это так, то можно предположить, что мир существует не один, а за пределами одного мира могут лежать другие миры. При этом нет такого явления, как предел: на него нельзя натолкнуться, к нему нельзя прийти. Предел можно установить. И если вообще есть базовая идея и мы предполагаем, что есть ее предел, то с этим можно начинать работать.

В методическом языке все конспективно изложенное выше будет выглядеть следующим образом:

- Определить онтологические основания мира, в котором мы живем, выделив при этом перечень основополагающих идей.
- Исследовать генезис и структуру идеологического каркаса мира, в котором мы живем.
- Предложить набор иных оснований для мироустройства.
- Оценить возможность формирования иных структур идеологического каркаса или каркасов, если речь будет идти о разных иных мирах.
- Попробовать построить жизнь на иных основаниях

Концентрическая структура мира

Ядро мира составляют предельные абстракции – Бог, Мир и миры, Жизнь и Смерть, Человек, Время, Пространство. Причем основание мира – это особый уникальный способ взаимосвязи содержания этих представлений.

Ядро-основание формируется сразу как целостность. Точнее, не формируется, а разворачивается из единой точки – Замысла Мира. Ядро Мира определяет его конфигурацию и его законы. Ядро Мира предельно устойчиво. Оно определяет правила, порядок и ограничения на разворачивание вторичных, третичных... слоев понятийно-идеологического каркаса – структуры Мира.

Главное требование-ограничение по отношению ко всем последующим слоям

понятийно-идеологического каркаса мира – непротиворечивость в отношении оснований. Главное требование к структуре и содержанию каждого слоя внутри себя – внутренняя непротиворечивость. Непротиворечивость в данном случае понимается как указание на способ разрешения противоречий (например, Смерть – как способ преодоления противоречия между конечностью Жизни и бесконечностью Космоса). Ядро – это принципиальный способ решения базовых противоречий.

Ядро не проявлено в Мире непосредственно. Мир оформляет реальность по предписаниям из действительности. Мир организуется понятийно-идеологическим каркасом, шаги конкретизации которого обеспечивают реализуемость идеологического ядра. Мир – способ связи вневременной понятийно-идеологической конструкции с синхронизированной жизнью.

Ядро, развернутое в слоях конкретизации базовой онтологии – понятийно-идеологический каркас мира. Определение границ слоев конкретизации – исследование шагов удаления от ядра.

Проявление стыка действительности с реальностью – общественный дискурс: о чем говорят? что говорят? Связка действительности с реальностью – это ответ на вопрос: почему так говорят? Этот ответ – всегда уникальный

способ связи, пересечение жизненного сиюминутного ситуативного с идеологическим – вневременным.

Общественный дискурс – это первый порог оплотнения мысли. Мысль материализуется в общественной коммуникации. Вопрос о способах введения мысли в коммуникацию имеет несколько технологических решений.

Первое – откровения. Это очень сложный и неоднозначный метод: не все откровения услышаны, не все откровения – откровения. Что будет услышано, а что нет? Как общество отбирает, что слышать? Когда услышанное прорастет? Как сделать, чтобы быть услышанным?

Второе – «несение» Миру Вести – очаги принятия Вести – овладение вестью...

И третье – не откровение, а открытие иного – в научной парадигме.

Дальше все так же: содержание коммуникации (общественного дискурса), общественная структура – способы общежития и расселения являются прямым отражением понятийно-идеологической конструкции мира.

Следующий уровень оплотнения мысли – деятельность. Это наружный слой, где осуществляется взаимодействие человеческого сообщества этого мира с внешней средой. Деятельность – вообще частный случай взаимодействия с другими мирами. Здесь среда – это все, что находится в физическом пространстве за границами тела человека и тел людей как сообщества.

Хотя: что такое тело человека и тела людей как сообщества? Где граница человеческого тела? Материальны ли межчеловеческие связи? Существует ли человечество как целостность или это только сумма людей? Как отделить человека и человечество от окружающей среды? И вдобавок: что такое физическое пространство?

Ответы на эти вопросы для разных онтологий выглядят по-разному.

Концентрическая структура мира в первичном описании в своем ядре имеет фундаментальную онтологию, а ее самой дальней периферией является среда обитания. Но если эту же схему перерисовывать как иерархию уровней управления, то она вывернется наизнанку – объемлющим управленческим слоем будут выступать базовые онтологии. А в ядре, то есть объектом управления, окажется среда. Способ рисования схемы определяется ее статусом. В первом случае схема имеет онтологический статус, во втором – управленческий.

Пределы, горизонты, границы – **теоретическая механика будущего**.

Задача – определить пределы мира, в котором мы живем. Сразу возникают вопросы: что такое пределы? Сколько их – один или много? Как их определить?

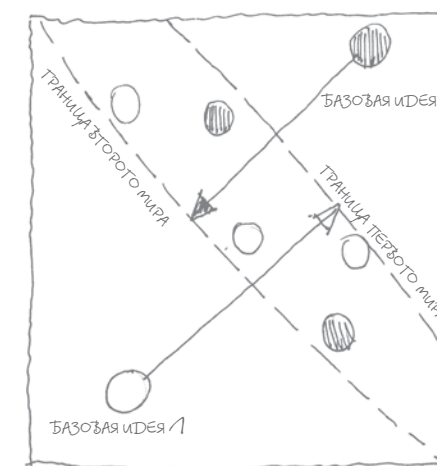
Теорема: пределы объективно не существуют – их нельзя найти, на них нельзя натолкнуться, до них нельзя дойти (распространенные фразы: «мы дошли до предела», «мы уперлись в пределы» – по сути неправильны). Их можно только установить. Искусственно. Если нужно. Нужно может быть в единственном случае – при постановке задачи на творения Иного мира. Пределы – инструмент работы Основателей. Пределы – результат рефлексивного осмысления врагами этого мира, теми, кто хочет вырваться за пределы этого мира и сотворить иной.

Гипотеза: первым шагом в определении, а точнее – установлении пределов является указание на то, что лежит за пределами. Если говорить о мире, то что лежит за пределами – это то, что невозможно в этом мире. Это поиск невозможного. Явно запредельные идеи создают возможность обсуждать предел. Однако следуя логике Иного – это поиск невозможного, но существующего. И здесь возникает вопрос о границе или границах между мирами.

Собственно говоря, гипотеза имеет методическую направленность и определяет порядок действий: найти некую идеологическую конструкцию, которая точно невозможна в мире, определенном таким образом; в мире, базирующемся на этой идее.

Утверждение: граница всегда размыта. Мы ее называем *мембраной*. Реальная жизнь – это всегда жизнь на границе. Жизнь на грани.

Что имеется в виду? Возможны разные конфигурации: непересекающиеся миры, миры, сходящиеся в точке, или миры, создающие некую зону, которая на самом деле является границей. Про эту зону – самое интересное.

Первая граница отделяет возможное от невозможного в мире, организованном на базе первой идеи. А вторая – граница того, что возможно в мире, организованном на другой идее. И пограничная зона – мембрана – зона, где возможно все, это зона чудес. Здесь есть то, что возможно в одном мире, и то, что возможно в другом мире. При этом каждый из противоположающихся миров не должен допускать того, что противоречит его основам или основаниям.

Общая модель многомирья выглядит следующим образом: из множества идей-понятий усилиями и стараниями философов постепенно выкристаллизовывается понимание онтологической основы мира (но не пределов) и выстраивается его понятийно-идеологический каркас – определяющий набор основополагающих идей и принципиальные связи между ними. Этим задается идеологический каркас обитаемого мира. Понятно, что он не возникает в одночасье, а складывается постепенно, меняется при возникновении новых базовых идей – в общем, живет своей жизнью. И определяет миропонимание, организацию жизни и деятельности на доступном этой онтологии ареале.

Но и форматирование понимания, жизни и деятельности – это процесс или процессы, разворачивающиеся в своих временах и пространствах и синхронизированные в линейном времени. То есть существует и то, что пока или никогда не будет отформатировано несущим онтологическим каркасом.

То, что никогда не может быть освоено базовой онтологией, мы называем «иным». Это принципиальное утверждение. На самом деле – иное вытесняется в маргинальные области настоящего – оно есть, но не оно определяет устройство реальности. Иное расположено в пограничных областях.

Границы и пограничье

Границы мира – подвижны. Идет постоянная работа по их продвижению, то есть по включению в мир неосвоенных пространств. Любой мир претендует на всеохватность. Любой мир считает, что он не ограничен ничем, кроме видимых ситуативно горизонтов. Горизонты смещаются по мере движения к ним. Изнутри мира вопрос о его пределах не может быть даже поставлен. Вопрос любого мира: где сейчас лежит горизонт и как к нему двигаться, чтобы его отодвинуть.

Наличие других миров воспринимается миром как нарушение миропорядка, которое подлежит исправлению. Варианты исправления разные, цель одна – мир должен быть единым и единственным. Слава Богу, цель недостижима, хотя попытки предпринимаются постоянно.

Возвращаясь к иному. Как уже говорилось – иное вытесняется на периферию мира. При столкновении миров образуется область, насыщенная иным (с точки зрения каждого из миров). Это зона чудес. Там может быть то, чего не может быть в базовой структуре ни одного, ни другого мира. В реальности мы имеем дело со столкновениями более чем двух миров. Чудеса – это то, что невозможно ни в одном, ни в другом, ни в третьем... мирах. Граница мира – это всегда граница миров. Она имеет свои пространственные характеристики. Граница миров – это пространство, четко не отделенное ни от одного, ни от другого мира. Граница миров как зона чудес – место, где невозможное возможно. Возможное невозможное – это и есть чудо.

Все это выглядит как чудеса, в зависимости от того, с какой стороны границы находится наблюдатель, поскольку это принадлежит другому миру. Чудеса – когда «это есть, но это невозможно». Это место, где существует невозможное, с точки зрения насельника иного мира. И тогда пределы, их понимание

возможны только как отнесение этого невозможного к исходным основаниям. Пределы определяются как рефлексия того, почему это невозможно, почему это выглядит чудом и откуда оно берется.

Каждый из миров претендует на единственность, он должен заполнить собой все мыслимое пространство. Если он не заполняет собой все пространство, то он недо-мир. В идеологии мира такого быть не должно.

В базовой структуре мира чудеса невозможны. В пограничье – возможны. Центр мира может располагаться в базе, а смещаться от базы к периферии – в кризисные для мира времена. Жизнь в пограничье двойка. С одной стороны – все возможно. С другой – полная наразбериха, нет ничего, что могло бы быть точкой отсчета и системой координат.

Тут интересно, что размытость границы не всегда одинакова. В стабильных периодах плотность иного – минимальна. В предкризисных – максимальна. Сегодня мы переживаем ситуацию максимальной плотности иного. Здесь нужно говорить не только о плотности иного, но и плотности пустот.

Организовать жизнь в пограничье можно тремя способами:

- закрыть глаза на кризис оснований своего мира и попытаться вернуть его в докризисную ситуацию – это консервативный подход;
- отдаться на «волю волн» в пограничной зоне – пассивная позиция;
- выйти в пространство творения и начать творить свой мир – конструктивный подход, позиция основателя.

Наша позиция понятна – мы решили быть Основателями. Именно поэтому приходится разбираться со всей этой механикой.

Интересно, что с точки зрения жителя этого мира границы являются подвижными и есть целенаправленная деятельность, которую мы постоянно наблюдаем, по продвижению границ мира. Миры захватывают все новые области, продвигая свою границу. Для жителя мира это не границы, это горизонты. Мир имеет горизонты, которые можно продвигать, но не имеет границ.

Возникает вопрос – с какой позиции видно и то, и другое? На этой схеме я могу находиться внутри того или иного мира. А мне надо изобрести такое пространство, из которого были бы видны оба или даже множество миров.

Есть только одно название для такого пространства – пространство *творения*. Как оно устроено – непонятно, но понятна его функция. Оно должно вмещать в себя представление о множественности миров с их границами и давать возможность технологически работать с этими границами и пределами. И тогда оказывается, что пределы – это инструмент работы творца. Поскольку я собираюсь творить собственный мир, мне надо положить пределы миру настоящему, чтоб образовать место или

пустоту, где может возникнуть иное. Тогда получается, что пространство творения – это пространство враждебное по отношению к этим существующим мирам. То есть первое необходимое действие творца – он должен установить пределы существующим мирам.

Итак, есть миры со своими пространствами. Ни в одном из них невозможна деятельность творения. Значит нужно пустое – не заполненное мирами – пространство. Пока обозначим его как пространство творения. Встает задача описания этого пространства. Нужно понять, как оно устроено и как в нем можно и нужно действовать. Пока ясно одно: пространство творения должно позволять видеть многомирие и давать возможность конструктивно работать с разными мирами. Это еще одна отложенная задача.

Итак, границы подвижны, они не представляют собой линии, это всегда пространство. В ограниченном пространстве возможны чудеса, и чудеса есть основания для того, чтобы осмыслять пределы мира.

Статическая картина мироустройства: в ядре мира лежат базовые идеи о Боге, о времени, о человеке. За их пределами есть круги опосредований. Миры агрессивны по отношению друг к другу. Это их базовая принципиальная характеристика, поскольку мир не может допустить существования чего-то вне себя. Их агрессивность выражается в атаках на базовые идеи-понятия и/или на связи между ними. Каждый из миров атакует некоторые зоны понятийно-идеологического каркаса через соударение деятельностей. То есть терроризм – это атака на идею общечеловеческих ценностей. Террористы показывают, что жизнь не является предельной ценностью, и она – разменный ресурс в каких-то других контекстах, которые более важны для идеологов терроризма, чем человеческая жизнь.

Идеология индустриального развития Китая ведет, с моей точки зрения, достаточно эффективную атаку на идеологию права интеллектуальной собственности. Это же делают так называемые «пиратские» сайты.

Уже никого нельзя удивить констатацией кризисного состояния мира, поскольку атаки на основополагающие смыслы нашего мира множественны и весьма успешны. Сегодня «поплыла» смысловая структура этого мира в результате атак других миров.

Соответственно, разрушение или проблематизация какой-то из базовых идей требует, чтобы все было переформатировано заново.

Противоборство миров – это борьба за будущее. У мира, в котором мы живем, будущего нет – он никогда не изменит своих принципиальных оснований. Иначе он перестанет быть тем, что он есть. Его суть – это его принципиальные основания. Смена оснований невозможна для любого мира. Заняв доминирующие позиции и оформив свой ареал – когда-то иной мир, – одно из возможных будущих стало настоящим. И будет настоящим, пока другой иной мир не прорастит в его глубине новое будущее.

Появление новых миров – это вытаскивание Иного в центр нового мира. То есть действие, которое надо совершить для того, чтобы породить или сотво-

ритель другой мир, – это определить его пределы и найти те основания в мире существующем, в пограничной зоне, которые могут быть развернуты в новую картину, в новый идеологический каркас на новых основаниях.

В общем виде механика будущего выглядит следующим образом: атаки иных миров на понятийно-идеологический каркас существующего мира; объектами атак могут быть отдельные понятия каркаса или связи между ними. Иные миры есть всегда – миры существуют гроздьями. Какие-то занимают доминирующее положение, другие существуют в угнетенном состоянии, но мечтают о доминировании. Поэтому всегда идет война всех миров со всеми.

Атаки на понятийно-идеологический каркас ориентированы на разрушение базовой (несущей) онтологии, что фактически является концом мира. Конец мира – также не точка, а процесс сжатия настоящего мира вовнутрь становящегося и-нового мира.

Мир, в зависимости от того, в каком состоянии он находится, меняет свою конфигурацию. Центр мира может смещаться к границе, в зону чудес в спокойные времена, а может совпадать с местоположением ядра во времена стабильные. Количество кризисов и чудесных явлений увеличивается – это явный момент перехода, и надо в этом пограничье ловить Иные идеи, которые могли бы быть положены в основание Иного мира.

Вообще в рамках идеологии иного и топического времени точным обозначением смены миров является предлог «за» в отличие от слова «после» в идеологии линейного времени. «После» – означает то, что лежит правее (левее, выше ... – в зависимости от направления изображенной стрелы времени) точки, обозначающей конец предыдущего.

«За» – значит лежащее за пределами, но не значит – после конца. В идеологии «иного» в пространстве сущего всегда есть все – то, что было, и то, что есть и что будет. Вопрос в охвате: кто? Какая идея формирует объемлющий деятельностный контур, определяющий структуру настоящего мира (или «мира настоящего»)?

Итак:

- успешные атаки иных миров создают пустоты – обозначают пределы мира, за которыми его законы не действуют (Китай атакует авторское право, терроризм – идею демократии и общечеловеческих ценностей, финансовый кризис – атака на панэкономизм и т.п.) и ставят вопрос: что за пределами настоящего мира? Это и есть пустота.
- стартует гонка *и-новых* – что-то должно заполнить пустоту. Это может быть обнаружение или целевое введение иных идей в пустоты настоящего мира. Теперь на повестке дня вопрос: какое *и-новое* (иное) ляжет в основание будущего? Какие идеи станут основополагающими и сформируют несущий каркас будущего? Это значит, что отдельные идеи не только должны выжить и оформить свои ареалы в настоящем под ответным агрессивным давлением настоящего, но и сформировать устойчивые идеологические конструкции, установив системные связи между собой.
- формируется ядро нового мира – его идеологическая первооснова.
- дальше – становление нового настоящего.

И все с начала. Хотя слова «дальше» и «все с начала» неточно отражают процессы, разворачивающиеся в многомирье. Все описанное как последовательность в многомирной модели – параллельные, перпендикулярные, пересекающиеся процессы. Все это происходит всегда. В истории как линейной развертке можно отразить лишь единичные процессы. Всю картину можно увидеть только в много-пространственном изображении.

Позиционная структура будущего

Изображая или описывая механику будущего необходимо ответить на вопрос: с какой позиции и в каких пространствах возможна прорисовка механики? Как это коррелируется с уже введенной позиционной структурой *основатель, странник, хранитель, наблюдатель*?

Главной позицией в теоретической механике будущего является позиция «Враг мира». Вообще-то это одно из частных проявлений позиции основателя. Чтобы стать основателем иного мира, нужно сначала стать врагом мира настоящего.

Очевидно, что есть «люди настоящего» – составляющие главный ресурс мира, в котором мы живем. И среди них – прогрессоры. Позиция, обеспечивающая движение к горизонтам настоящего. С позиции прогрессора, настоящее не имеет пределов, а имеет горизонты, которые можно и нужно двигать вперед. Вперед – в соответствии с логикой и ценностями мира настоящего. Мир размечен логикой и смыслом настоящего, поэтому вопрос «вперед – это куда?» не стоит перед прогрессорами. Иногда вперед – это к новым землям. Иногда – к техническому прогрессу. Иногда – к богатству. Всегда – к доминирующей ценности. Доминирующей в мировоззрении. Всегда к расширению горизонтов. Всегда к доказательству безграничности настоящего мира.

Люди настоящего – это наблюдатели, странники и хранители. Странники движутся к горизонтам и за горизонты. Наблюдатели – хранители мира – оформляют бывшие горизонты в настоящую действительность. Хранители кладут горизонты как ядро, которое надо беречь от изменений.

Итак, мир настоящего оформляется горизонтами. И никогда – пределами.

Пределы задаются Иным. Откуда берется иное, пока непонятно, но оно всегда есть. Всегда в сжатом или зажатом миром настоящего состоянии. Пророки указывают на иное как на источник будущего. Откуда пророки знают, что из иного – источник будущего, – еще один отложенный вопрос.

Странники обнаруживают пределы своим столкновением с ними. Странники обнаруживают чудеса. Прогрессоры их вводят внутрь мира. Пределы устанавливают Враги мира.

Дальше – дело основателей. Основатели должны прорастить иное в пустоте.

Новый мир – это проекция замысла творца в материал мира. Воля основателя, пустота и иное – это полный перечень ресурсов миростроительства.

Голос из зала: Окрепло впечатление, что если заменить мир на мировоззрение, будет все понятнее и проще.

Чудновский: Точку зрения понял, но не согласен: идеи оформляют не только мировоззрение, но и всю реальность.

Дацюк: Мироконструирование по принципу противостоит мировоззрению, это из другой онтологической позиции.

Никитин: Это связано с тем, что разговор длится уже год, и докладчик не сказал пару фундаментальных вещей. Мы различили по крайней мере четыре позиции, из которых возможен разговор и обсуждение этой темы. Одна из позиций – наблюдение – представлена наукой. А другая позиция – основателя, который пытается проектировать новый мир. Это говорится не из позиции ученого, а из позиции проектировщика. Это разные типы рассуждения и набор средств и представлений. ТЗ – инженерная конструкция, а не научная позиция.

Волкова: Границы, горизонты и пределы – это разные инструменты. И они могут не пересекаться.

Дацюк: Проблема достижимости: знаете – значит, уже пересеклись. Говорение об Ином мире – значит, уже достигаешь его, хотя бы в идее, хотя бы в концепции.

Чудновский: Но для конструктивной работы это не годится. Нужны чудеса: то, что невозможно в этом мире, – а вот есть. Терроризм является абсолютно чудесным, с точки зрения обывательского понимания. Как можно просто убить невинных женщин и детей? В рамках этого, западного, миропонимания это невозможно.

Михайлова: Чудо происходит на границах обоих миров. И выходя на это Иное, мы не получаем представления о ядре другого мира.

Чудновский: Да. Только полагание пределов, тяжелая рефлексивная работа, отматывание шагов опосредования.

Михайлова: Там может быть другая логика отматывания.

Лапин: Получается, что ядро лежит на пересечении базовых идей, базовых идей уже существующих миров.

Дацюк: Вот ты в этом мире, и его обозреваешь. В тот момент, когда ты оказываешься на границе, у тебя появляется Иное и исчезает воззрение, появляется двойное зрение. А если перешагиваешь границу, мировоззрение невозможно, у тебя все в терминах прежнего мира.

Пекар: Дайте определения границ, горизонтов и пределов.

Чудновский: Граница – это зона пересечения миров, пределы – это рефлексивная оценка оснований этого мира, а горизонты это то, что можно увидеть изнутри мира и продвигать, захватывая новые сферы.

Никитин: Мир не имеет мерности, потому что он имеет более чем одну логику. В отличие от пространства.

Шульга: Познаваемое и непознаваемое там присутствует?

Никитин: Вообще не присутствует. Оно только в логике наблюдения есть. Знание не является инструментом основателя. Это, видимо, очень сложно: различие опыта определяет формы непонимания. Я занимал разные позиции, как теоретик и проектировщик.

Дацюк: У меня есть работа «Лимитология». Проблема имеет большую литературу в философии. Начиная от Гермеса Трисмегиста и его представления о сферности, через Паскаля и вплоть до Декарта, и Ницше это подчеркивал особо. Есть центр и периферия, и глубина поверхности. Паскаль писал «мир – сфера, центр которой везде, а окружность – нигде». Чтоб работать в чистом конструктивном представлении, я создал такую дисциплину как лимитология. Она работает с полаганием, преодолением, соседствованием. Первая ситуация лимитологии – это допредельность (ойкумена): предела нет, его ищут. Вторая ситуация – предельность: мир возникает как единый мир, универсум. Третья ситуация – выход в запредельность, это предполагает представление о трансверсуме. Четвертое представление – чрезпредельность, или экстрасум. Пятая ситуация – интерверсум. Шестая ситуация – обеспределывание, уничтожение одного или нескольких пределов: зероверсум или метаверсум, когда мы растворяем миры в представлении о новой ойкумене. Это основные конструктивные ситуации, которые можно различать. Предел – это конструктивное положение прерывности или разрывности освоения чего-либо.

Оболенский: Охарактеризуйте пограничье. И как Китай атакует ядро и основы этого мира?

Никитин: В Китае традиционно отсутствует понятие бартера. Поэтому там не может быть идеи авторского права, с точки зрения китайцев это нонсенс. Теперь о жителях пограничья, мембраны. Этот вопрос можно задавать только из позиции творца, и пограничье приобретает особый смысл: это ресурсная зона.

Дацюк: И если встречаемся с Иным, можем всегда от него отмахнуться. Почему нельзя представить ядра как отдельные миры? Ядерное представление предполагает деление мира как деление ядер. Это территориационное. Чтоб появился новый мир, ядро должно разделиться.

Чудновский: Нет! Я могу взять периферийную ино-идеологическую конструкцию. Иное всегда на периферии. Оно вытесняется в деятельностную периферию.

Дацюк: Нет! Вне ядра принципа нет. Иное появляется не на уровне случайного содержания периферии, а на уровне принципа.

Никитин: Но носители принципа из него выходят! И то, что заставляет его отказать от ядра, находится на периферии. И он выходит, хотя ядро остается. Но мысль понятна.

Дацюк: У вас есть ядро, оно описывает принципы, в том числе и периферии. Иное возникать может только в ядре. Хотя обнаружено оно может быть на периферии. Но тогда это другой мир.

Никитин: Дацюк говорит простую вещь: только в ядре есть те, кто в состоянии отрефлектировать Иное. Понятно.

Заблоцкий: Периферия потому и периферия, что принципы ядра там с искажениями.

Дацюк: Но как только это обнаружено, это включено в ядро, то есть ядро расширилось. Обязательно!

Кашпур: Множественность может свидетельствовать о том, что наш мир – либо прорывается в другие миры, либо в наш мир прорывается другой мир? Эти чудеса – индикаторы точек столкновения разномирности. И если мы придумаем систему классификации чудес, сможем ли мы определить объемные границы нашего мира? Схему нашего мира?

Чудновский: Это техническая задача – где пределы нашего мира. Это не теория, это верстак.

Никитин: Есть такая книга «Цивилизация»: в ней описаны все цивилизации, с точки зрения отношения к среде. Видишь эти чудеса, как живут эскимосы, и мир становится множественным, объемным.

Дацюк: Есть маленькая фиксация. Чтобы не было иллюзий, что Иное – это то, с чем мы сталкиваемся. Мир обладает такой важной характеристикой, как идемпотентность. Он фундаментально неизменен. Чтоб выйти за его пределы, надо приложить невероятное усилие. Когда он попадает в кризис, делать это проще, но тоже с усилиями. Редкие люди на это способны, и потом оказывается, что именно они-то эпоху и поменяли. Чудо, как правило, игнорируют.

Лапин: Как соотносятся мир и реальность?

Чудновский: Понятийно-идеологический каркас мира задает его действительность, а вся структура мира есть его реальность. У каждого мира своя.

Никитин: Реальность есть только у Бога или абсолютного наблюдателя.

Михайлова: Предполагается ли тут не только мир Иной, но и мир будущий?

Чудновский: В этой конструкции не различаются прошлое и будущее, различается движение миров. Но сохраняется идея, которая была заложена: будущее Иное, нежели настоящее. Будущее теряет смысл как наименование особой действительности, здесь каждая действительность особая.

Никитин: Дэвид Бом с его идеей развертывания наиболее точно подходит к работе с мирами. Они развертываются (из точки творения), у них нет развития.

Чудновский: Какие слои считаются ядерными, а какие опосредованы? Это вопрос. Есть разные уровни абстрактности идей. И все они входят в структуру понятийно-идеологического каркаса. Но какая у него внутренняя логика?

Никитин: Разная. Налимов доказал, что всякая терминологическая система начинается с метафор. И мы мечемся между терминами и метафорами.

Пестерников: В психологии есть идеологический треугольник, он описывает, как возникает идеология как таковая. Первично это проекция. К сожалению, проекция никогда не бывает осознаваемая. Проецируется то, что я в себе не познаю, или не готов принять, и я наделяю это свойствами внешнего объекта. Проекция может быть отрефлексирована только с большой помощью внешнего наблюдателя. Она должна быть объяснена и проинтерпретирована. Это все касается ядра. Второе – это рационализация. И уже после рационализации возникает доминирующая идея. Она осознанна, оформлена, и этим замыкается идеологический треугольник.

Чудновский: Образ проекции подходит: проекция замысла творца в материал мира.

ВЫХОД ЗА ГРАНИЦЫ За...

За СТРАТЕГИЕЙ

СЕРГЕЙ ПЕРЕСЛЕГИН

Основные положения военного искусства – суть и сущность войны, цели войны, принципы ведения войны – никогда не подвергались пересмотру. Они считаются всеобщими и вневременными. Особенности эпохи учитываются только на уровне формулировок – содержание принципов стратегии остается неизменным уже две с половиной тысячи лет.

Историография военного искусства: взгляд «из Космоса»

Вся современная теория войны восходит к Сунь-Цзы и его «Трактату о военном искусстве» (VI век до н.э.). Сунь-Цзы сформулировал представление о сущности войны, о целях и средствах войны, о законах стратегии. Практически он создал военное искусство, каким мы его знаем до сих пор. «Я прочитал все сочинения по военному искусству, и ни одно из них не выходит за пределы "Сунь-цзы"», говорит в «Диалогах» Ли Вэй-гуна Тай-цзун. С тех пор ничего принципиально не изменилось.

Трактат Сунь-Цзы положил начало китайской (восточной) школе военного искусства, к которой относятся также У-Цзы, Сыма-Жанцзюй, Вэй Ляо-Цзы, Сунь-Бин (все – IV век до н.э.), Цзян Цзыя (полководец, жил в XI столетии до н.э., но трактат, названный его именем, датируется IV–III веками до н.э.), Ли Вэй-Гун (VII век н.э.).

Зарождение военного искусства в Европе справедливо связывают с Эпаминондом, Филиппом и Александром Македонским (все – IV век до н.э.), но первым сравнительно осмысленным трактатом на эту тему был известный (псевдо) Маврикий (рубеж VI и VII веков н.э.). Византийская школа оказала некоторое влияние на формирование военной культуры Руси и, как это ни удивительно, на творчество английского теоретика стратегии Б. Лиддел-Гарта.

Базовые современные школы западного военного искусства сформировались в XIX – XX веках. Большим влиянием пользовалась и пользуется до сего дня немецкая школа, представленная К. Клаузевицем, Г. Мольтке, А. Шлиффеном, Э. Людендорфом, Э. Манштейном. Заметное воздействие на эту школу оказал Ф. Энгельс. К «германцам» примыкает шахматная школа военного искусства (В. Стейниц, З. Тарраш, А. Нимцович), адепты которой, анализируя шахматную игру, внесли серьезный вклад в учение о позиции и, отчасти, в учение о темпе.

Британская школа – А. Мэхен, Б. Лиддел-Гарт, Т. Лоуренс – создала доктрину морской силы, предложила современные формулировки принципов Сунь-Цзы и заложила основы «большой тактики» как особой формы партизанской войны.

«Кризис аналитичности» в военном искусстве, проявившийся в позиционном характере Первой мировой войны, привел к появлению своеобразного гипермодернизма в стратегии. Межвоенная школа создала оперативное искусство (Г. Гудериан, В. Триндофилов), разработала схему глубокой операции и машинной войны (Г. Гудериан, Д. Фуллер, Л. Эймансбергер) и разработала теорию темпа операции (М. Галактионов). Отдельной строкой следует упомянуть доктрину уничтожения промышленного и демографического потенциала противника с воздуха – доктрину Д. Дуэ.

Появление ядерного оружия вызвало к жизни современную школу, специализирующуюся на доказательствах невозможности осмысленного стратегирования в ядерном конфликте. Первую толковую работу на этот счет написал П. Кроссер («Диалектика военной техники и ее последствия»), а в середине 1980-х годов Н. Моисеев и К. Саган создали концепцию «ядерной зимы и ядерной ночи». Даже сейчас трудно сказать, верны ли теоретические построения Моисеева-Сагана: описываемая ими температурная инверсия в принципе возможна, но в такой сложной системе, как атмосфера, могут существовать нетривиальные компенсационные механизмы. А могут ведь и не существовать... Меня не покидает ощущение, что ни Никита Моисеев, ни его заокеанский коллега в свою модель не верили ни на йоту, поскольку с са-

мого начала создавали ее таким образом, чтобы единственной надежной ее верификацией была как раз ядерная война.

Во всяком случае, концепция «ядерной зимы» сыграла свою роль в окончании Третьей мировой («холодной») войны и тихой смерти Советского Союза. Из чего можно заключить, что К. Саган переиграл Н. Моисеева: когда двое делают одно и то же, это не одно и то же.

На этом профессиональная история классической стратегии завершилась. Но «на любительском уровне» на рубеже XX – XXI веков произошло немало интересных событий. Американский фантаст Н. Стивенсон описал противоречие двух фундаментальных стратегических подходов: «война Ареса» против «войны Афины» (роман «Криптономикон»). Л. Буджолд, представитель того же «цеха», неожиданно сформулировала пятый основополагающий принцип стратегии (роман «Игры форов»). Санкт-Петербургская исследовательская группа «Конструирование Будущего» схематизировала стратегическое Знание и сформулировала ряд теорем, связанных с учением о позиции.

Со временем классическое военное искусство видоизменялось, приспособившись к конкретно-историческим условиям, но принципы, положенные в его основу Сунь-Цзы, никогда не подвергались сомнению. Это касается и самых последних работ.

Классическая стратегия: взгляд «из космоса»¹

Классическая стратегия включает в себя следующие разделы:

- Учение о войне.
- Учение о стратегии.
- Учение о позиции.
- Учение об операции.
- Учение о темпе.

Ключевым является второй раздел, устанавливающий базовые стратегические принципы.

¹ Выражение «с высоты птичьего полета» устарело, не правда ли?

Конспективно изложим стратегическое Знание в современном языке.

Учение о войне

Война есть теневой социосистемный² процесс, непосредственно связанный с базовым процессом управления. Существование войны обусловлено двумя фундаментальными противоречиями: во-первых, между эволюционно закрепленным видовым эгоизмом вида *Homo Sapiens* и социальным (социосистемным) образом существования этого вида, и, во-вторых, между жаждой жизни и неизбежностью смерти.

Целью войны является, по Лиддел-Гарту, «мир, лучший довоенного», а в современном языке – «расширение пространства возможностей».

Война носит преходящий характер: «сегодняшний противник завтра станет твоим покупателем, а послезавтра – союзником».

В геополитической логике война ведется за ресурсы и рынки сбыта.

В геоэкономической логике война ведется за контроль над потоками товаров и ресурсов.

В геокультурной логике война ведется за управление культурными кодами противника и в конечном итоге – за разнообразие в настоящем, прошлом и будущем.

Известны три базовые формы войны:

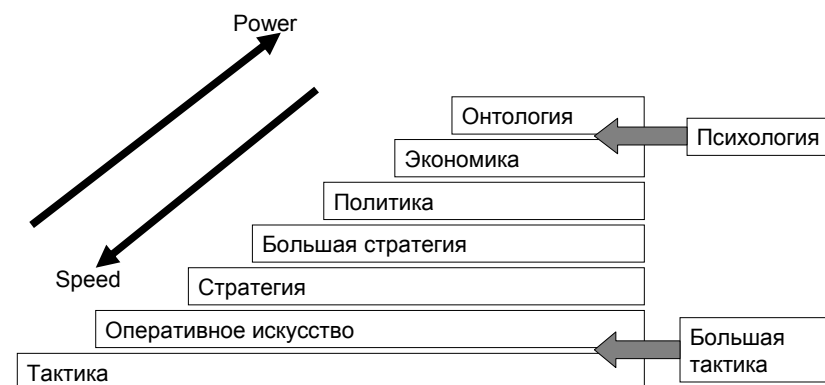
Война Ареса – война силы и хитрости, сочетание тактики, оперативного искусства и стратегии. «Выиграть бой – выиграть операцию – выиграть войну».

² Социосистема является формой существования носителей разума. От остальных экосистем она отличается возможностью конвертировать информационный ресурс в пищевой. Всякая социосистема поддерживает четыре базовых процесса: управление, образование, познание и производство. Каждому базовому процессу отвечает теневой или иллюзорный процесс. Вид *Homo Sapiens* поддерживает иллюзорные процессы войны, контроля, трансценденции и упаковки (эстетизации).

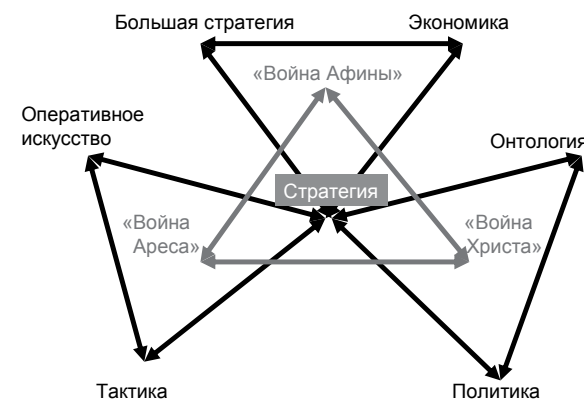
Война Афины – война ума и богатства, сочетание стратегии, большой стратегии и экономики. «Выиграть войну – выиграть мир, оплатить то и другое».

Война Христа – война смыслов и мудрости (харизмы), сочетание стратегии, политики и онтологии. «Выиграть войну – договориться о мире – изменить Бытие».

Три базовые формы ведения войны можно рассматривать как форму переборки классической «стратегической лестницы»:

в «Мальтийский крест» стратегии:

Учение о стратегии

Все виды войн подчиняются пяти основополагающим стратегическим принципам:

1. Принцип наименьшего действия, он же – принцип минимизации критического ресурса, он же – принцип управления ресурсами.

Согласно этому принципу, «из всех возможных действий (стратегий, планов) следует выбирать те, при которых минимизируется расход критического ресурса». Здесь критическим называется наиболее дефицитный ресурс, ресурс, который исчерпывается быстрее всего, либо ресурс, расходование которого по тем или иным причинам неприемлемо. Как правило, критическим ресурсом оказываются люди (кадры), финансы, время.

2. Принцип тождественности, он же – принцип обреченности, он же – принцип управления рисками.

«При правильных действиях оценка позиции не меняется: равные позиции преобразуются в равные».

3. Принцип не прямых действий или принцип управления правилами. «Движение к цели должно осуществляться в пространстве, которое противник не контролирует и не может контролировать».

Суть принципа не прямых действий – уклоняться от борьбы, насколько это возможно, выигрывать маневром, а не боем.

4. Принцип двух слабостей (принцип управления связностью).

«При наличии двух нескомпенсированных слабостей связность позиции резко падает и позиция становится стратегически проигранной».

5. Принцип безальтернативности, «правило сходимости», принцип управления разнообразиями.

«Следует конструировать войну таким образом, чтобы все сценарные развилки приводили к одному и тому же конечному результату – победе».

Учение о позиции

Позицией называется система взаимодействия вооруженных сил противников вместе со средствами обеспечения боевых действий. Важнейшим элементом оценки позиции является сведение разнородных вооруженных сил противников к стандартным единицам планирования. Боевое столкновение единиц планирования составляет стандартный бой. В рамках аналитической стратегии считается, что такой бой описывается уравнениями Остроградского-Ланчестера, причем коэффициенты уравнения зависят от погодных условий, геометрии и характера столкновения, соотношения сил.

Геометрия позиции или оперативная обстановка может быть однозначно охарактеризована связностью позиции. Позиция является тем более связной, чем быстрее может быть проведена переброска стандартной единицы между произвольными ее точками. Связность, очевидно, определяется начертанием линии фронта и структурой коммуникаций, не пересекающих эту линию.

Если при любых малых преобразованиях фронта связность позиции уменьшается для обеих сторон, позиция является устойчивой. Если для обеих сторон связность уменьшается при наступлении и не убывает при отступлении, позиция является взаимно блокированной. Если позиция блокирована только для одной стороны, в то время как другая может наступать без снижения своей связности, говорят об односторонней блокаде. Наконец, если позиция не является экстремумом связности, она считается неопределенной.

Пункты, владение которыми резко меняет связность, называются узлами позиции.

Взаимно блокированные позиции обладают равной для обеих сторон связностью (первая теорема о позиционности).

Устойчивая позиционная война всегда есть проявление взаимно блокированного характера позиции (вторая теорема о позиционности).

Слабейшая сторона должна стремиться к взаимно-блокированной позиции, сильнейшая – к односторонне-блокированной (третья теорема о позиционности).

Учение об операции

Содержанием операции является сосредоточение сил на выбранном направлении и синергетический маневр этими силами, позволяющий их мультиплицировать. Операция должна быть неожиданной для противника по времени, по месту, по оперативной схеме. Всякая операция базируется на трех китах – внезапности, скорости и силе – и подразумевает неравномерное распределение войск по фронту (оперативное усиление).

Важнейшим звеном учения об операции является принцип неравномерности распределения ресурсов или, другими словами, принцип оперативного усиления.

Применение принципа неравномерности, как правило, сводится к комбинированию нескольких более или менее известных оперативных схем, а именно:

Схема Эпаминонда – массирование сил для тактического выигрыша непосредственного фланга противника.

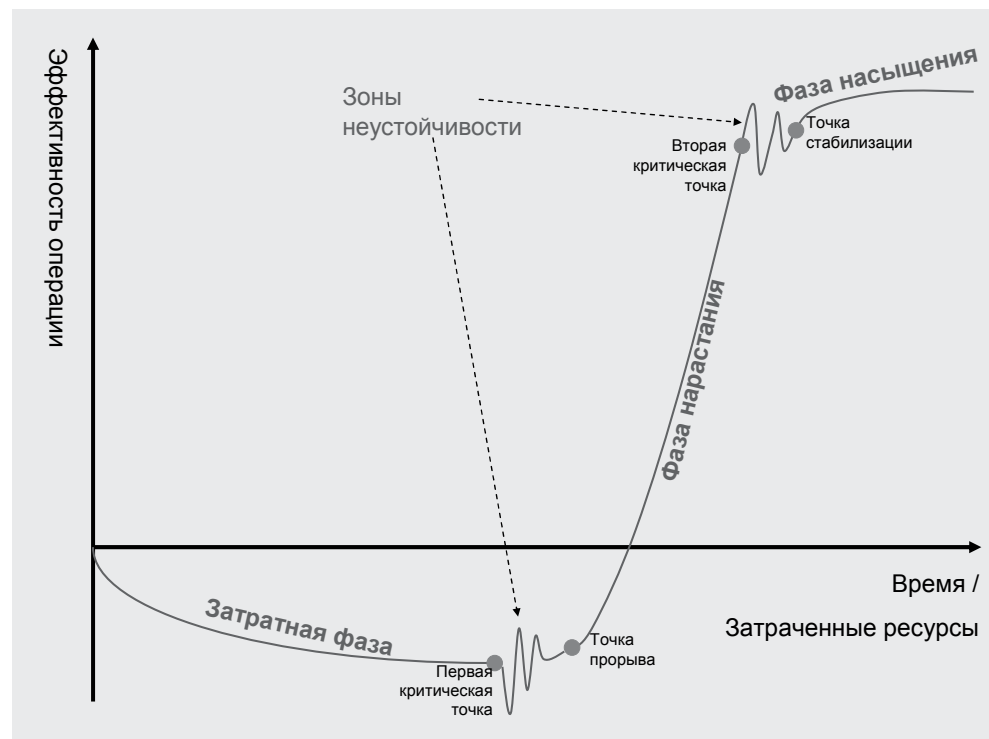
Схема Ганнибала – геометрическое построение, позволяющее выигрывать оба фланга противника и осуществлять операцию на окружение.

Схема Наполеона – контрудар в центре против обходящего с фланга неприятеля.

План Шлиффена – геометрическое асимметричное построение с высоким оперативным усилением для последовательного многократного выигрыша непосредственного фланга противника и создания угрозы его глубокому тылу, что принуждает противника принять бой с перевернутым фронтом.

Теоретически описаны также логистические схемы маневра по внутренним операционным линиям «Маятник» и «Вальс отражений».

Любая операция может быть описана S-образной кривой:

Особый интерес представляют две критические точки. Первая точка знаменует разрушение исходной позиции и переход операции в стадию развития. Вторая точка характеризуется потерей темпа и созданием новой устойчивой позиции. Понятно, что активная сторона заинтересована в скорейшем прохождении первой критической точки, пассивная же — второй. В обеих критических точках система «война» вообще не обладает устойчивостью. Поэтому в эти моменты возможно «чудо» — очень резкое изменение характера войны в целом.

Если существует класс ситуаций, при которых одна из сторон не может помешать противнику захватить — в рамках одной операции — определенную территорию, эта территория «затенена» возможной операцией противника. Оперативная тень является существенной, если она отброшена на узлы связности позиции противника.

Если тень отброшена на центр позиции, позиция удержана быть не может (первая теорема об оперативной тени).

Наступление из затененной области или в эту область не имеет перспектив на успех (вторая теорема об оперативной тени).

Величина тени, которую отбрасывает операция, пропорциональна ее темпу (третья теорема об оперативной тени).

Если несколько узлов связности сцеплены, то затенение одного из них отбрасывает, затеняет всю систему (четвертая теорема об оперативной тени).

Учение о темпе

Темп может быть определен как мера изменения внутреннего времени системы «операция», как характерное время, за которое изменяется структура позиции, как запасенный маневр, то есть — расстояние, пройденное эффективно свободными войсками за время принятия противником решения на контрманевр, как обобщенный потенциал позиции и т.д.

Принцип сбалансированности утверждает, что сумма выигрышей темпа должна быть неотрицательной, иными словами, выигрыш темпа на активном участке операции должен превышать его проигрыш на пассивном участке.

Риторические вопросы

Все положения классической теории стратегии сформулированы сегодня в форме вполне абстрактной и часто даже математической. Например, темп можно определить как оператор Гамильтона для системы «операция», а связность — через теорию функционалов. Они при этом афористичны, интуитивно понятны и, в известном смысле, просты.

Они очень красивы. Они иллюстрируются десятками исторических примеров, да и каждый успешный человек найдет им подтверждение в своем личном опыте.

Но действительно ли эти утверждения и эти принципы носят всеобщий характер?

Являются ли они фазовым инвариантом?

Являются ли они видовым инвариантом?

Являются ли они культурным инвариантом?

Выполнялись ли они во всех без исключения известных войнах человеческой истории?

Гарантирует ли скрупулезное (и при этом творческое) выполнение законов стратегии успех в современной войне?

Стратегия в фазовой логике

Качественные изменения в социосистеме мы называем фазовыми переходами, а относительно стабильное состояние социосистемы вне фазовых переходов – фазой развития. Кризис фазы есть одновременный кумулятивный кризис всех четырех базовых (но не обязательно всех иллюзорных) социосистемных процессов. С практической точки зрения фазы различаются характером взаимодействия социосистемы с окружающей средой, иными словами, местом Homo Sapiens в трофической пирамиде и способом присвоения пищевого ресурса. Фазы развития отделены друг от друга высоким потенциальным барьером, суть которого заключается в том, что система деятельностей, характерных для уходящей фазы, разрушается раньше, нежели создается система деятельностей, отвечающая потребностям новой фазы.

Различают архаичную, традиционную и индустриальную фазы. В настоящее время диагностируется кризис индустриальной фазы, что может – при благоприятных обстоятельствах – привести к созданию новой (когнитивной) фазы развития.

Классическая стратегия, как указывалось выше, была создана в период расцвета традиционной фазы развития – в IV веке до н.э.

Архаичная фаза развития

Войны архаической фазы развития продолжались, вероятно, сотни тысяч лет. Мы можем судить об этих войнах, отчасти опираясь на архаичную мифологию и древнейшие сказки, отчасти по их известным нам результатам. Этим результатов два: становление Человечества, то есть социосистемы, построенной Homo Sapiens Sapiens, и захват этим видом «монополии на Разум».

Речь идет о полном физическом уничтожении неандертальцев, синантропов и других биологических видов или подвидов, претендующих на разумность.

По современным представлениям палеонтологов, каждый новый шаг эволюции представляет собой не новый вид, а новую граду: разные группы, часто вообще не связанные между собой, пытаются освоить новый уровень организованности.

Разумность по аналогии с любым уровнем биологической организованности можно представить как набор (синдром) признаков: умение пользоваться орудиями труда, умение создавать орудия труда, умение хранить орудия труда, наличие членораздельной речи, наличие разделения труда, общественная защита и воспитание детей, умение делиться пищей, умение ограничивать свободу других, умение заниматься неутилитарной деятельностью...

Каждый из этих признаков есть не только у Человека, но их полный набор приобрел только вид Homo.

Так обстоит дело сейчас. Но в палеолите было несколько «проектов» Человека: на базе «орангутанга», на базе «шимпанзе» и т.д. И лишь к концу его остался один вид. Остальные были уничтожены.

Причем, что характерно, Человечество не стало «есть» ни лемуринов, ни других обезьян – они существуют и поныне.

Может быть, потому что не претендовали на полный синдром разумности?

Разумно заключить, что установление «монополии на Разум» было целью архаичной войны. Что эта война была выиграна видом Homo Sapiens Sapiens

именно потому, что война стала для него социосистемным процессом, то есть форматом существования.

Понятно, что ни о какой военной теории архаичной фазы говорить не приходится – ни априори, ни апостериори.

Итак, для архаичной фазы развития:

Война – критический социосистемный процесс.

Цель войны – установление «монополии на Разум».

Содержание войны – биоцид, физическое уничтожение видов-конкурентов, убийство человеком нечеловека.

Инструменты войны – люди, их физическая сила, их организованность.

Оружие – камни, дубины, на поздней стадии – луки и стрелы, копья, топоры.

Принципы стратегии – неизвестны.

Понятно, впрочем, что с учетом цели и инструмента войны архаичная война ни при каких условиях не подчинялась закону минимизации критического ресурса.

Мезолитический кризис и неолитическая революция, фазовый барьер

Впервые проявляется острая нехватка пищи и становится допустимой борьба за нее как формат борьбы за существование. Возникает практика убийства – и не только «иного» или «чужого», но и «своего».

Цель войны: физическое выживание, в современном языке – стабилизация архаичной фазы развития и возврат к «добрым старым временам».

Содержание войны – убийство человека человеком.

Инструменты войны и оружие – те же, что в предыдущей фазе.

Принципы стратегии – разумеется, неизвестны, но уже начинают выполняться. Это относится, прежде всего, к принципу минимизации критического ре-

сурса, которым является пища: война должна приносить ее больше, нежели потребует затратить на войну.

Традиционная фаза развития

Эта фаза распаковывает смыслы фазового кризиса.

Цель войны – захват ресурсов, а именно: пищи и женщин (ранняя стадия), золота и драгоценностей (промежуточная стадия), земли и рабов (продвинутая стадия), иных ресурсов (поздняя стадия).

Содержание войны – собственно война в общепринятом смысле этого слова: массовое убийство людей людьми.

Инструменты войны – организованности (армии) и люди.

Оружие – каменное (первичная стадия), холодное металлическое (промежуточная и продвинутая стадии), огнестрельное (поздняя стадия).

Принципы стратегии – известны и выполняются (кроме пятого).

Важно, что в традиционной фазе борьба идет за ресурсы, причем за ресурсы измеримые. Именно это и делает работоспособными принципы стратегии и прежде всего – принцип минимизации критического ресурса: этого ресурса должно быть захвачено больше, нежели затрачено. Последнее связывает принципы стратегии с принципами экономики.

Античный кризис

Происходит заметное упрощение войны, военное искусство деградирует. Насколько можно судить, принцип минимизации критического ресурса продолжает действовать, но ресурс, ради которого имеет смысл воевать, остался один – человеческая организованность, воплощенная в Римской Империи.

Цель войны – сохранение Империи, то есть опять-таки стабилизация фазы и возврат к «прежним временам».

Содержание войны: социокультурная переработка варваров лимеса, их использование против варваров пустоши. Это война чужими руками за чужие интересы.

Инструмент войны: техническое, организационное и коммуникативное (дипломатическое) превосходство Цивилизации над варварством.

Оружие – то же, что и в традиционной фазе.

Индустриальная фаза развития

Возрождение привело к ренессансу классического традиционного военного искусства, которое Клаузевицем, Мольтке, Стейницем и другими было переписано на языке, совместимом со сциентическим форматом мышления.

Соответственно, первые индустриальные войны во всем, кроме оружия, копировали античные войны.

После Первой мировой войны игнорировать очевидные нестыковки военной теории и боевой практики было уже невозможно, тем не менее пересмотра представлений о стратегии не произошло вплоть до наших дней.

Ретроспективно понятно, что целью индустриальной войны является не захват измеримых ресурсов, а борьба за ресурсы неизмеримые. В предельно упрощенном языке речь идет о господстве над миром.

Содержанием войны оказывается экономический контроль в форме контроля над финансовыми, товарными, денежными и человеческими потоками.

Инструменты войны: экономическое, дипломатическое и технологическое превосходство. Господство на море! Господство в воздухе!

Оружие: все формы оружия массового поражения – автоматическое огнестрельное оружие, экономическая блокада, химическое, биологическое, ядерное оружие.

Заметим, что ядерное оружие не рассматривается здесь как принципиальная инновация. Это просто – предельное оружие данной фазы развития.

В индустриальную фазу развития первый принцип стратегии не работает! На это впервые, по-видимому, обратил внимание Р. Исмаилов, заметив на примере Первой мировой, что устойчивость системы «война» оказалась выше, нежели устойчивость государственных организаций, которые вели эту войну.

А ведь с точки зрения классической стратегии так просто «не может быть»!

Во Вторую мировую войну с точки зрения классического военного искусства Британская империя должна была в 1940 году, после поражения Франции, пойти на мир с Гитлером: продолжение войны для Великобритании создавало отчетливый (и реализовавшийся!) риск потери империи, что ни при каких условиях не могло быть компенсировано за счет Германии: попросту весь Рейх с союзниками стоил в разы меньше, нежели Британская империя. Но в рамках борьбы за неизмеримые ресурсы и, в конечном итоге, за мировое господство закончить войну младшим партнером США было для Великобритании более приемлемым результатом, нежели формальное продление существования Третьего Рейха, культура которого была несовместна с англо-саксонской картиной мира. Таким образом, расчеты Гитлера, базировавшиеся на обязательности учета противником первого принципа стратегии, потерпели крах.

Принцип тождественности в индустриальной фазе действует и даже распространен на всю экономику. Принцип непрямых действий работает и распространен на политику, дипломатию и экономику. Принцип безальтернативности не был известен. Принцип двух слабостей в индустриальной фазе имеет, по-видимому, более сложную форму, чем в традиционной, и должен быть записан, как вариационный принцип не для связности позиции, а для темпа операции.

Постиндустриальный кризис

В период постиндустриального кризиса мы, разумеется, вновь встречаемся с видимой деградацией военного искусства, практикой войны чужими руками и за чужие цели и широким использованием лимеса.

Цель войны – опять-таки стабилизация фазы, то есть остановка времени и возврат к нормальной колониальной структуре мира, возглавляемой англо-саксонской (белой) элитой. Это проявляется, как борьба за сохранение мирового господства США любыми методами и любой ценой.

Содержание войны – борьба за время и разнообразие, а не за пространство.

Инструменты войны: технологический и прогностический контроль мира.

Оружие: индустриальное, информационное, прогностическое, культурное – оружие системного поражения.

Формулируется пятый принцип стратегии (принцип безальтернативности). Нет никакой уверенности в том, что остальные принципы работают – по крайней мере, в известной нам форме. По крайней мере, очень сомнительно, что работает принцип наименьшего действия.

Когнитивная фаза?

Можно предположить, что для когнитивной фазы развития целью войны станет монополия на «новый (продвинутый) синдром разумности». «Люденности»?

Содержанием войны будет уничтожение неприемлемых когнитивных признаков – у отдельных людей или у сообществ, наций и стран. Исходя из характера войны как преднамеренного убийства – вместе с носителями.

Инструмент войны: когнитивное, прогностическое и информационное превосходство.

Оружие войны либо станет «социосистемным», либо – избирательным и «личным». Первая версия реализует тренд масштабности: оружие индивидуального поражения – оружие группового поражения – оружие массового поражения – оружие системного поражения – оружие социосистемного поражения. Вторая – тренд интеллектуальности: простое оружие – механическое дальнодействующее, площадное оружие, ограниченное интеллектуальное оружие – сверхточное «точечное» оружие – противобличностное высокоинтеллектуальное оружие.

По-видимому, первый принцип стратегии сольется с пятым – наличие альтернативности развития станет критическим ресурсом. Неясно, что произойдет при этом с остальными стратегическими принципами.

Фазовая доминация

Изменение характера войны при фазовом переходе, по-видимому, объясняет эффект фазовой доминации: абсолютная невозможность ни при каком соотношении сил противостоять вооруженным силам более высокой фазы развития.

Архаичное племя, «доедающее» «совсем чужих» – альтернативных антропов – во имя монополии на разум, не готово к тому, что у них будут отбирать пищу «совсем свои», «люди», и при этом будут их убивать.

Германия перед 1914 годом была готова выиграть ограниченную войну за колониальные ресурсы и рынки сбыта. Но немцы не понимали, что речь идет о совершенно другой войне и результатом ее будет не повторение 1870 года (пусть и с обратным знаком), а национальная катастрофа.

Сейчас никто не понимает, что США ведут борьбу не за мировое господство, а за синдром новой разумности и монополию на него.

Можно сказать с уверенностью, что фазовая доминация ломает ядерный щит! Просто потому, что этот щит – из индустриальной фазы.

Весьма вероятно, что и партизанская война, пусть и в форме насыщающего терроризма, также не будет работать: такой терроризм действительно приводит к потерям, но эти потери неприемлемы только в логике принципа минимизации критического ресурса, то есть – для традиционной фазы.

Следовательно, у нас сегодня нет адекватной стратегии слабого против сильного.

Что в итоге?

России, например, не помешало бы новое 22 июня, как бы ни кощунственно это звучало. Там, по крайней мере, было все ясно: кто чего хотел и кто чего добился умом, хитростью, подготовкой.

Кроме того, мгновенно сложившаяся катастрофическая ситуация была осознана всеми как кризис – и высшим руководством, и непосредственными ис-

полнителями. Это привело к эффективной «иммунной реакции» социальной системы.

Но классическая теоретическая стратегия, в которой каждый русский подна-торел из-за перипетий жизни, уже не работает.

Единственной надеждой является отказ от стратегии как формы динамического управления вообще. Альтернативой является спонтанное управление, то есть за-стратегия, но у нас нет даже намека на соответствующую теорию и доктрину.

Речь идет, конечно, о проектном создании позиций, не имеющих предшественников и не оцениваемых ни в языке связности, ни в языке темпа ...

За корпорациями

Владимир Никитин, Юрий Чудновский

Тезисы доклада на встрече КДКД № 167. Киев, 7 февраля 2012 года

Корпорации возникли в определенный исторический момент и в определенный исторический момент исчезнут как ведущая форма мыслимости экономики и хозяйствования, как та форма, которая задает пределы понимания современных организованностей, а также определяемых ими картин мира и устремлений. Они станут, может быть, важной, но второстепенной формой социальной организации. Обратите внимание, что практически во всей несоветской фантастике, если говорят даже об отдаленном будущем, все равно присутствуют корпорации как главные игроки, например, у Олдоса Хаксли в «Бравом новом мире». Фильм про новую медицину (снятый ВВС с участием проф. Каку) о том, какой она будет через 50 лет, демонстрирует, что все с точки зрения технологий изменилось, но незыблемой осталась власть страховых корпораций, которые определяют все течение общественной жизни.

Утверждение первое. Корпорации живут только в мире Больших денег.

Стабильный рост количества и типов локальных финансовых систем делает их заметным фактором современной глобальной финансовой системы. Причем – с динамической тенденцией к росту значения по мере углубления понимания принципиальной порочности фундаментальных основ существующей финансово-экономической системы.

Нарастающая частота и глубина кризисов (речь идет о частоте не только финансовых кризисов, но и, казалось бы, прямо не связанных с ними экологических, продовольственных, культурных и даже демографических) вывела проблему на самый передний край выработки иных оснований человеческо-

го общежития, смысла и содержания взаимных обменов членов сообщества и их объединений.

Сегодня проблема уже доросла до уровня альтернативы: или будет найден иной смысл жизни и общежития (по отношению к потребительству), или существующая система приведет к краху цивилизации.

Даже при беглом знакомстве с типологией локальных финансовых систем можно выделить некоторые основные типы или подходы к их организации.

Первый – самый распространенный, его стержнем является базовая услуга, вокруг которой строится дисконтная система (полетные бонусы). Есть и более развитые формы, системы взаимосвязанных услуг, формирующих дисконтное сообщество («Е-мир»).

Дальше – территориальные финансовые системы; игровые финансовые системы. Очень интересная форма – сообщества взаимного ресурсного обеспечения: у меня есть (я умею делать) то, что может быть кому-то нужно; у кого-то есть то, что нужно мне; строим широкую систему обменов, где всем потребностям и всем ресурсам находится место.

Особняком ко всем этим локальным системам стоят привычные электронные деньги, которые тоже уже приобретают черты локальной (хотя и доминирующей) финансовой системы, поскольку это уже не совсем деньги в обычном их понимании.

Важно, что все локальные финансовые системы снимают противоречия Большой финансовой системы по-своему. Но существовать они могут только в виде «островов» в океане «настоящих» денег. Главный вопрос: почему?

Ответ: потому, что настоящие деньги дают возможность транслокального взаимодействия между локальными финансовыми системами. И современные корпорации живут именно за счет этой транслокальности.

Самый главный вопрос: а можно ли обеспечить транслокальное взаимодействие не через Большие деньги? И что может выступить в роли всеобщего эквивалента для транслокального обмена и взаимодействия?

Понятно, что проблема создания сферы локальных денег принципиально не решается в рамках сферы Больших денег. Нужно строить саму сферу Локальных денег на других основаниях и других задачах. Новые технологии сами по себе проблему соотношения локальных денег тоже не решают. Они нужны как средство организации взаимодействия внутри сферы локальных денег и со сферой Больших денег.

Поэтому первым шагом «За...» должно выступить строительство общих идеологических, социальных и культурных оснований, на которых может быть организована сфера локальных денег.

Утверждение второе. Современные корпорации – это организованные кооперационными связями единицы сферы Больших денег, которые живут только в мире конкуренции.

Если современному человеку сказать, что «Университет» и «Корпорация» употреблялись ранее как синонимы, то он вряд ли поверит. Но это так. Термины *corpus* и *universitas* имеют очень схожее значение, связанное с социальной общностью. Если первое переводится как «тело, телесная вещь», а иногда используется в значении «целое, состоящее из отдельных частей», то последнее означает «целое, единство». Само слово «университет» – это вовсе не *universitas litterarum* (всеобщие знания), а корпорация преподавателей и студентов (*societas magistrorum et discipulorum*).

Разновидности социальных общностей или корпораций в Средние века можно условно разделить на:

- имеющие только личную организацию, но не имущественную (церковь, ложи, университеты, торговые ассоциации и т.п.);
- имеющие и ту и другую форму организации (ремесленные цеха и т.п.);
- имеющие только имущественную организацию, но не личную (первые морские товарищества, банки и т.п.).

Примат личностного начала в средневековых корпорациях определялся необходимостью взаимопомощи в условиях их локального существования в

контексте непрекращающейся войны. Средневековые корпорации порождали вещи и создавали через них некоторое вещное окружение жизни в определенном месте. Торговля только дополняла это окружение отдельными вещами, но не определяла целое. А работа с таким локальным целым требовала общения участников этого процесса в цехах, ложах, университетах за совместными трапезами и в общих собраниях.

Новое время принесло иную форму организации – акционерные общества или компании. Например Ост-Индская компания (1602 г.), Английская Ост-Индская компания (1613 г.), Французская Compagnie de la Nouvelle France (Компания Новой Франции), учрежденная в 1628 году Арманом Ришелье и т.п.

Компании вершили суд, владели армиями, имели право объявлять войну и заключать мир, издавали собственные законы. Они были главным орудием колонизации и осуществляли ряд функций государства на отдаленных от этих государств новых территориях, прорисовывая иную карту мира.

Развитие капитализма привело к созданию производственных компаний, которые быстро стали транснациональными корпорациями и ныне у большинства людей ассоциируются с понятием «корпорация».

Гуру современного бизнеса настаивают на принципиальных новациях в организации корпораций в сторону неиерархичности, гибкости, мобильности и т.п. Но какую бы форму организации корпораций мы ни взяли – это замкнутая, хорошо связанная кооперацией, управляемая из центра организованность.

Чтобы работать на конкурентном рынке, где все сталкиваются друг с другом, где происходит некоторое регулируемое, но неуправляемое и неопределимое взаимодействие между игроками, нужно быть организованным принципиально иным, нерыночным образом. Внутри корпорации конкуренция есть некоторое неизбежное следствие социальной жизни, но не есть принцип ее организации.

Корпорация – это некая целостная организованность, имеющая границы и такое устройство, которое предполагает, что она есть единое целое. Это не-

кий принцип: что есть окружение и что есть организованность, которая с этим окружением работает. И они не могут быть устроены одинаковым образом. Иначе возможность влияния исключается. Даже в биологии организм со средой очень тесно связан, но не является ее подобием.

Современные корпорации порождают собственные производственные регионы: «Регион Mitsubishi», нефтяные, автомобильные регионы и т.п. Когда говорят о крупных корпорациях, их соотносят с теми регионами, которые они породили.

Корпорации эволюционировали от жестко-иерархических структур до нынешних очень свободных. Но идея корпораций как того, что управляется и формирует собственные регионы, остается.

Каждый раз надо указывать, какая среда, какое окружение соответствует той или иной форме. Стабильному сословному обществу соответствуют цеха. Колонизации и расширению границ «цивилизованного» мира – компании. А современные корпорации – провайдер либерального рынка и глобальной экономики.

Утверждение третье. Происходит смена базового мотива: от конкурентного противостояния – к дополнительности.

Мы выделяем две альтернативные идеологии общежития. В рамках первой мир един, время линейно, ресурсы исчерпаемы (по принципу), люди одинаковы (в принципе, биологически одинаковы, все хотят одного и того же, есть общечеловеческие ценности). Поскольку все одинаковы, всем нужно одно и то же, все борются со всеми за единый ресурс. Значит, основополагающий принцип такого общежития – конкуренция.

В координатах второй идеологии базовый принцип человеческого общежития – дополнительность. Основанием для такого способа общежития должны стать принципиально иные идеологические послышки. Если – дополнительность, то люди – разные. По принципу.

Это должно быть признано изначально. Если разные, то, чтобы взаимно дополниться, им нужно выстроить пространство деятельности, а вероятнее –

мир, где каждый в своих интересах может дополнить свою неполноту путем привлечения другого или, в более сложном случае – других людей. А в еще более сложном случае – других людей, сообщества и организованности. Главной проблемой тогда становится «изобретение» такого мира, где каждому, кого я в него приглашаю, есть место, и это место соответствует его самоопределению.

Тогда – мир не един. И не пред-задан. Миров много. Их можно строить по своему желанию. И каждый для каждого – возможный ресурс. Тогда и ресурсный потенциал ограничивается лишь моими возможностями и/или желанием создать с кем-то новую полноту. Или, иначе говоря – мой ресурсный потенциал ограничен лишь моим творческим потенциалом.

Гипотеза: мир Больших денег базируется на первой идеологии – идеологии единства мира и однообразия людей, ограниченности ресурсов. И, как следствие, базовый принцип человеческого общежития и обмена – конкуренция. Мы все одинаковые и нам всем нужно одно и то же. Все проблемы существующей финансово-экономической системы являются прямым и неустраняемым следствием такой идеологической платформы.

Сегодня активно обсуждается, как будет устроена новая экономика или даже как может быть организована совместная деятельность людей в иных «неэкономических» условиях.

В методологии «За... идеология дополнительности может быть надстроена над существующей. Принцип дополнительности может стать основополагающим для иной системы человеческих отношений.

Единственный рабочий подход: мы делаем «вот так» и всегда рискуем. И стараемся эти риски сделать новой возможностью. Сделать то, что маловероятно, но возможно.

Возвращаясь к локальным финансовым системам: пространство взаимодействия между локальными финансовыми системами может быть выстроено на принципе дополнительности – дополнительности создаваемых ресурсов.

В идеологии дополнительности основу потенциала составляют новые связности и организованности и их взаимодействие. Если представить, что в сфере дополнительности существуют два разных субъекта, можно помыслить, что каждый из этой пары является ресурсом для другого. Остается лишь изобрести некий проект или некий «мир», где эта разность стала бы взаимным потенциалом. При этом сначала надо увидеть, что субъекты разные, в каких-то языковых форматах определить эту разность и каким-то образом надстроить над этим систему организации деятельности, которая утилизирует эту разность. Понятно, что при таком подходе мои ресурсные возможности, то есть возможности использовать *иных* по отношению ко *мне*, оказываются беспредельными, и я могу строить множественные миры. Миры, в которых я смогу использовать «не такого, как я» в качестве собственного ресурса.

Утверждение четвертое – то, что будет за корпорациями сформируется вне сферы Больших денег.

Свободные временные структуры, живущие в мире коммуникаций на основе сетей, «облаков», фокусов. Происходит смена акцента от создания регионов производств и услуг к творению коммуникативных сред и отношений, в которых оформляются множества персональных миров.

Что изменилось? Пока еще в небольшом количестве, но появилась совокупность свободных игроков, которые образуют некоторые неконкурентные среды, прежде всего в системах интернета, виртуальных системах, плюс в коммунах. Очень много людей уже живут вне потребительского общества. Еще двадцать лет назад в Америке 14 миллионов человек жило в коммунах, по своим правилам. Это пошло от сообществ хиппи, но и сейчас это массовое явление. И вот в этой свободной среде свободных игроков корпорация выглядит чужеродной. И начинается конфликт, с которым мы сейчас сталкиваемся – это попытки корпораций удерживать в новой среде старые правила игры. В ряде стран прошли протесты против принятия актов об ограничениях в интернете. У нас протест произошел против закрытия ex.ua. Была организована забастовка в Википедии. Борьба здесь развернулась жесткая, и, на

наш взгляд, корпорации здесь неминуемо проиграют. Они могут еще долго тянуть, пытаться лавировать, но соотношение между средой и тем организмом, который пытается этой средой управлять, нарушено. Нужен другой род «организмов», которые будут в этой среде иметь организационные преимущества, соответствовать этой среде и работать на нее.

При этом понятно, что действительно свободных людей мало. Принцип действия в поле конкурентности – управление (включающее руководство, администрирование и организацию). А в поле дополненности действует принцип самоорганизации. Это означает, что игроки из свободной среды будут находить друг друга как те, кто самодвижется и нуждается друг в друге. Произойдет коммуникативная самоорганизация по поводу взаимных проектов и интересов. Но для того чтобы это произошло не в виде разовых контактов, начинают формироваться организованности, у которых внутри есть собственные сложные коммуникации, исследования, которые определяют формы отношений со средой, каким-то образом понимают заново, что это за среда. И создается иное образование, как то, что определяет возможность этим людям между собой найти общее.

Образование является в этой ситуации не способом научения и передачи знаний. Знания это то, что устойчиво, что говорит о некоторых универсалиях. Здесь же идет передача и обмен опытом самоорганизации, предъявление его друг другу. И за счет этого выявляется возможность дополнительных отношений. В корпорациях результатом их деятельности являются регионы, а «за корпорациями» (в сетях, облаках, фокусах) – коммуникативные среды, в которых «оплотняются» персональные миры. Чтобы это произошло, нужна самоорганизация, построенная сложным образом. Корпорация этого сделать не может, потому что в ее основаниях лежат совершенно другие принципы. Корпорация может только попытаться уничтожить свободу отношений в той среде, в которой она работает. И мы сейчас это видим.

Самые быстрорастущие корпорации сегодня – это IT-компании, в том числе те, которые обеспечивают существование социальных сетей. Но они не являются «сетевыми корпорациями», а только формируют сетевые инфраструк-

туры, оставаясь по форме «традиционной» акционерной корпоративной организацией.

Утверждение пятое. Базовым эквивалентом обмена становится способность жить в мире дополненности.

При этом реализуется принцип со-творения. В конкурентности то, что раз возникло, закрепляется и транслируется по прототипу. В среде дополненности процесс трансляции практически отсутствует (или является вторичным), а действие творения повторяется многократно. В мире дополненности нет закономерностей, выделенных наукой, для конкурентной борьбы. Работают механизмы перспективных деятельностей (проектирование, программирование, сценарирование, стратегирование, онтологическое конструирование, смена пределов...). И через эти механизмы станут реальностью формы обретения дополненности, сформируется новая социальность и ее организующие единицы, такие как коммуникативные сети, облака содержания, фокусы порождения и развертывания новых смыслов.

Итак, с нашей точки зрения, платформой для обсуждения темы «За корпорацией» является мир, организованный на принципе дополненности.

За технологиями

Владимир Никитин

Когда-то, когда способ регулирования жизни племен или общин через непосредственное руководство их верхушкой вошел в противоречие с необходимостью разрешать межплеменные конфликты, обеспечивать безопасность территорий или торговли, жить в многонациональных городах, возник такой способ, как администрирование, то есть регулирование через формальные правила. Администрирование с периода роста городов обеспечивалось подготовкой в университетах. В свою очередь столкновение культур, развитие колонизации и становление индустриализации потребовали более мощных и гибких форм регулирования. Актуальным стало становление форм управления, то есть регулирование через проекты, программы, стратегии. И основным местом применения управленческих средств стали корпорации, а не государство, которое опирается преимущественно на администрирование.

Сегодня господство управленческой идеологии или менеджмента бесспорно. Именно управление сделало акцент на развитие технологий и само стало технологией, а не искусством принимать решения в сложных ситуациях. И это господство управленческих технологий породило свои противоречия и негативные последствия.

Технологии есть результат завершения большого цикла естественнонаучных и гуманитарных исследований, начатых в период индустриальной революции. Продукты исследований были реализованы во множестве технических и социальных проектов, и по отношению к ним были проведены процедуры выделения и стандартизации лучших решений, которые и легли в основу технологий.

У технологий есть несколько важных качеств, которые и обеспечили их распространение:

- Технологии опираются на стандарты, протоколы и прочие формы жесткой унификации.
- Технологии обеспечивают устойчивый уровень качества.
- Технологии пригодны для трансляции, даже в другие культуры.
- Технологии привлекательны, так как их применение наглядно демонстрирует продвижение в ряде важных параметров (увеличение скорости, большие объемы работ, доступность для пользователя, увеличение мощности отдельного человека и разных групп ...)

Но современные технологии несут в себе идеологию времени формирования этого большого цикла, то есть идеологию прогресса, безграничных ресурсов и стремления к универсальности. Сегодня эта идеология прогресса уже не является господствующей, подвергается критике и отторгается в условиях радикального сомнения в нравственном прогрессе, достаточности ресурсов и стремления к персональности и множественности.

С технологиями связано оформление идеологии менеджмента. Менеджмент – это интеллектуальное сопровождение технологий. Он пришел на смену профессиональному сопровождению проектирования и исследований.

Негативной чертой технологий является их нечувствительность к особенностям ситуаций. По сути, технологии формируют одну универсальную ситуацию их использования, фактически уничтожая все зародыши нового или традиции места. Сегодня мы начинаем остро ощущать последствия применения технологий постиндустриальной волны. Разнообразие мира уничтожается, а смыслы ситуаций и локусов исчезают в общем немиссии – ведь «мыслить» должны технологические комплексы.

Все надежды футурологов и политиков построить светлое будущее возлагаются на новые технологии. Но мне представляется, что необходимо запустить и поддерживать новые исследования, которые ответят на вопросы о возможности преодоления тех умонастроений и стратегий, которые господствуют сегодня в мире, в том числе на вечные вопросы о смысле нашего су-

ществования, о возможности любви, и вообще целого, а не только измеримых фрагментов этого целого.

Технологии – только инструменты, и они не могут быть хорошими или плохими. Вопрос в том, как они используются. А используются они в старых ценностных ориентациях и представлениях о социуме. Прежде чем внедрять технологические инновации, следует осуществить новации социальные и гуманитарные.

Но гуманитарные сдвиги не осуществляются только мыслью. Метафорически говоря, Человек – существо, которое ощущает кожей, мыслит руками, рефлексивирует внутренностями, понимает сердцем и рассчитывает мозгом. Именно эмоциональные всплески останавливают расчеты и начинают новое. И здесь, а не в мощи цифровых преобразований, лежат истоки иных способов совместной жизни, иной социальности и гуманитарных перспектив.

Внутри технологической парадигмы образования создается человек, приспособленный к быстрой перенастройке способов действия и поведения в унисон со сменой технологических устройств, как интегрированная часть больших технологических систем.

В современном образовании произошел переход от профессиональной идеологии к менеджерской. И в этом проявилась общая тенденция. И критерии успеха, и показатели качества, и опора на рейтинги – это все менеджерские инструменты, а не педагогические. Но беда в том, что сами формы менеджерской деятельности редуцировались до администрирования и тем самым разрушают все сложные формы организации образования. Билл Ридингс в книге «Университет в руинах» прекрасно этот процесс описал.

Судя по всему, этот недостаток присущ и корпорациям. Новые сетевые формы организации уже не могут быть реализованы в формате корпораций: они приспособлены к работе в коммуникативной среде, в идеологии дополненности, а не конкуренции.

Запуская свой вариант нового интеллектуального цикла (от вопрошаний к исследованиям, от новых имен к проектам и далее, к иным гумани-

тарным технологиям), мы видим смысл строить новые образовательно-исследовательские комплексы в идеологии со-творения множества миров человеческого существования.

Базовым принципом, задающим возможность участия в со-творении, является принцип самоорганизации в его развертке и итерациях, от самоотнесения до самоотрицания. Этот принцип лежит в основе всех наших исследований и проектов.

Нужно, думаю, остановиться, стать наивным и начать задавать детские вопросы о мире и нас самих. И основным полем вопрошания и исследований станет коммуникация между носителями жизненного опыта, знаний и перспективного видения. Отсюда можно породить идеи новых проектов и только затем – иные технологии. Но эти технологии будут уже про самоорганизацию и ее возможности. На этом принципе исследования и проектирования возможностей самоорганизации мы строим идею непрерывного образования в течение жизни в формате Персоналитета³.

Кажется, что мы говорим про утопию. Нет. Это уже реальная практика для некоторых локальных групп и сетей.

3 www.personalitet.ch

За МЕНЕДЖМЕНТОМ

ВАЛЕРИЙ ПЕКАР

Тезисы доклада на встрече FFF № 24. Киев, 6 декабря 2011 года

В данной статье рассматривается эволюция парадигм мышления и систем ценностей и показывается, что ей соответствует эволюция управленческих культур. Мы будем различать понятия «управление» и «менеджмент». Под управлением мы будем понимать процесс, существующий во всех социумах, от первичных социумов прошлого до Иных социумов будущего. Словом «менеджмент» мы будем обозначать текущую, общепринятую на данном этапе исторического развития управленческую культуру. Если учесть, что к нам она пришла с Запада, вполне логично обозначать ее этим словом, заимствованным из английского.

Примем в качестве исходного постулата, что управление является базовым социосистемным процессом, то есть процессом, формирующим социум (другими базовыми социосистемными процессами, согласно С.Б. Перелсегину, являются производство, познание и обучение). Там, где появляется социум, сразу появляется управление. Там, где возникает управление, неминуемо возникают общественные отношения – возникает социум. Таким образом, управление было всегда и будет всегда. Очевидно, что управленческие культуры эволюционируют. Вторым исходным постулатом данной статьи будет: ключ к пониманию эволюции управления лежит в понимании эволюции систем ценностей и парадигм мышления.

Парадигмы мышления – это понятие, сформировавшееся при изучении существенно различающихся картин мира и систем ценностей людей. Картины мира работают как фильтр – фильтруется всё, что мы видим, слышим, ощущаем, поскольку сознание и подсознание натренированы обрабатывать информацию определенным образом. Люди, имеющие разные картины мира, могут

столкнуться с одними и теми же реалиями жизни и совершенно по-разному их интерпретировать. В спектре картин мира есть «чистые цвета», их мы и называем парадигмами мышления. Безусловно, это абстракция, точно так же как абстракцией являются семь чистых цветов радуги в оптике. Однако в практической жизни мы точно знаем, что листва зеленая, а небо голубое.

Теорию, изучающую классификацию и эволюцию парадигм мышления, ее создатель Клэр Грейвз (Clare W. Graves) назвал «спиральной динамикой». Заметим, что Грейвз использовал термин «ценностный мем» (цМем, vMeme) для того, что мы будем называть парадигмой мышления.

Спиральная динамика утверждает: человеческое мышление поступательно развивается от одного сбалансированного состояния к другому. Каждое из этих состояний, которые мы и будем называть парадигмами мышления, задает свой уникальный способ восприятия и постижения мира, и каждое является основой для следующего. Парадигмы мышления не бывают добрыми или злыми, хорошими или плохими – они отражают способ, каким мы думаем, а не во что мы верим или что ценим. На основе наших ценностей мы совершаем хорошие или плохие поступки, а парадигмы являются способами преобразования наших ценностей в наши поступки.

Способ восприятия мира (парадигма мышления) определяет особенности принятия решений, принципы организации и управления любыми социальными структурами (коммерческими, общественными, религиозными, военными, политическими), идеи и способы приспособления к реальности и т.п. Парадигмы мышления характерны для людей, коллективов и больших социальных систем.

Парадигмы мышления не дискретны – процесс перехода между ними сложен и продолжителен. Парадигмы мышления не могут служить для классификации людей – как мы увидим, в каждом человеке одновременно присутствует множество различных парадигм мышления, целый спектр; тем не менее, одна из парадигм мышления доминирует.

Эволюция парадигм мышления

Перейдем к беглому рассмотрению изученных на сегодняшний день парадигм мышления. Цветные маркеры для их обозначения придумали ученики Грейвза К. Кован и Д. Бек; и ими удобно пользоваться.

1. **БЕЖЕВЫЙ (ИНСТИНКТИВНЫЙ)**. Это, вообще говоря, человек, в котором мало человеческого. Поведение на этом уровне полностью диктуется инстинктами: безопасность, еда, тепло, секс. Осознаваемая цель только одна – выживание, физическое самосохранение. Социума как такового еще нет, у одиночки нет социальных отношений. Это парадигма мышления новорожденных младенцев и умственно неполноценных. Антропологи описали такой тип архаичных людей, «не доросших» до родоплеменного строя (охотники-одиночки). В так называемом «цивилизованном мире» это бомжи и «выживалы» во времена бедствий и страданий (войны, массового голода). К счастью, так живет не более 0,1% взрослого населения мира.
2. **ФИОЛЕТОВЫЙ (МАГИЧЕСКИЙ)**. На этом уровне у человека уже есть картина мира. Согласно ей, миром управляют явные и скрытые силы, и нужно лишь завоевать и поддерживать их расположение. Это парадигма мышления примитивного племени дикарей – однако, здесь уже существуют социальные отношения и управление, есть организация и структура. Племя связано общими представлениями, ритуалами и табу, мистикой родственных связей, круговой порукой, верностью «духам предков» – и всё это ради коллективного выживания. Магическую парадигму мышления прекрасно описал Дж. Фрэзер в книге «Золотая ветвь». Ради выживания члены племени не просто отказываются от индивидуальности – они как бы «растворяются» ее в коллективе, жертвуя собой ради родичей и традиций. Первобытные племена в заброшенных уголках земли, экзотические секты-суеверия и подростковые банды крупных городов – это организации «фиолетового» уровня, в которых живет до 10% населения мира, но им принадлежит только 1% власти.
3. **КРАСНЫЙ (ГЕРОИЧЕСКИЙ)**. С этой парадигмой мышления нам приходилось сталкиваться чаще. Для подобного человека мир – это

джунгли, где побеждает сильнейший и хитрейший, удел слабого – рабство в той или иной форме. «Делай, что хочешь, и наплюй на остальных» – вот девиз «красной» парадигмы. Цель здесь проста – жизнь «на всю катушку» здесь и сейчас, власть и слава, максимальное удовлетворение потребностей. Последствий не существует, ибо горизонт времени крайне мал. Варварские королевства, конкистадоры и солдаты удачи, бандитские сообщества и азиатские диктатуры – сегодня так живет 20% населения мира, но им принадлежит всего 5% власти. В отечественном фольклоре такой тип получил название «новых русских». Однако данная парадигма мышления характерна не только для «хищников», но и для их многочисленных «жертв», смиряющихся перед обстоятельствами.

4. **СИНИЙ (АБСОЛЮТИСТСКИЙ)**. Согласно этой парадигме мышления, в жизни есть смысл и порядок – даже более того, Смысл и Порядок с большой буквы. Есть верный путь и цель, определяемые Высшим Порядком; он же устанавливает кодекс поведения. Нарушивший кодекс поведения должен испытывать чувство вины и понести заслуженную кару, а соблюдающий все предписания – молодец и достоин поощрения. Можно пожертвовать чем-то сейчас, чтобы получить награду потом. С подъемом на «синий» уровень в социальной структуре сразу появляются стабильность и порядок. Таковы исламский и христианский фундаментализм, конфуцианский Китай, викторианская Англия, средневековый рыцарский мир «кодекса чести» и советский мир «морального кодекса строителя коммунизма». Сегодня так живет примерно 40% населения, причем под властью «синих» социальных систем – около 30%.
5. **ОРАНЖЕВЫЙ (РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ)**. В рамках этой парадигмы мышления мир представляется рациональным и хорошо смазанным механизмом, который функционирует согласно законам природы. Человек может познать эти законы и, таким образом, поставить мир себе на службу. Этот мир – «великая шахматная доска», где можно выиграть, если знать законы, избрать верную стратегию, овладеть технологиями, опередить конкурентов. «Успех» – вот ключевое слово этого мира, цель населяющих его людей, борющихся «по пра-

вилам» за влияние и ресурсы, за доказательство себе и другим тезиса «я способен». Соответственно, и внешние символы успеха также пользуются почетом и популярностью. Эпоха Просвещения, либеральный индивидуализм, мир науки, классический капитализм – здесь мы встречаем представителей этой парадигмы мышления. Они составляют примерно 30% населения земли, но под властью «оранжевых» социальных систем живет 50% населения.

6. **Зеленый (экологический).** Это парадигма мышления, стремящаяся к идеалам гармонии и взаимозависимости, взаимосвязанности и консенсуса, гуманизма и взаимной заботы. Совместное развитие как цель жизни – вот идеал «зеленого» мира. Здесь мы встретим множество общественных организаций и просто сообществ с идеалами. Это уровень «прав человека» и «прав животных», политкорректности и социального равенства не в декларации, а здесь и сейчас («скандинавский социализм»). На «зеленом» уровне живет 10% населения, это 15% власти.
7. **Желтый (интегративный).** Эта парадигма мышления сегодня часто встречается в сетевом сообществе, вырвавшемся за тесные рамки небольшой группы «зеленых» идеалистов. Мир видится как калейдоскоп систем и форм, в нём знания и компетентность важнее ранга и статуса. Изменения являются нормой жизни, для человека естественно быстро и безболезненно адаптироваться к ним. Человек «желтого» уровня живет множеством жизней одновременно: он объединяет в себе множество индивидуальностей и может предстать перед «синим» человеком таким же «синим» правоверным, перед «оранжевым» – таким же «оранжевым» честолюбцем, перед «зеленым» – таким же «зеленым» источником всеобщей любви. Но всё это для него – лишь роли, не затрагивающие внутренней сущности. Независимость, свобода, достоинство – вот единственные цели. Деньги даются «желтому» человеку без особого труда и не слишком ценятся – они важны только как инструмент достижения свободы, а к внешним признакам он равнодушен. Это всего 1% населения, но уже 5% власти. Важно, что «желтый» может добиваться своих целей, никому не вредя, в то время как «красному» принад-

лежит только то, что он отнял у других, а «оранжевому» – то, что он выиграл.

8. **Бирюзовый (холистический).** Мир – это единый организм, души всех людей происходят из одного корня. Мы сегодня еще не доросли до этого уровня, потому не будем углубляться – всё равно организаций «бирюзового» уровня в сегодняшнем мире нам не встретить.

Возможно, имеет смысл еще раз подчеркнуть, что парадигмы мышления не дискретны и не дают повода для классификации людей, поскольку имеются в разнообразии в каждом человеке. Безусловно, спиральная динамика является лишь моделью, которая всегда беднее жизни в ее разнообразии. Однако эффективность этой модели может быть легко проверена на практике применением основанного на ней инструментария. Немаловажно, что сама модель не является «кабинетным изобретением», а появилась в результате обработки обширного эмпирического материала.

Система является открытой: новые парадигмы возникают на базе новых условий жизни. Парадигмы мышления «движутся зигзагом» между темами самовыражения и служения (самопожертвования). Теплые цвета маркируют парадигмы самовыражения (индивидуалистические, материалистические), а холодные – парадигмы служения (коллективистические, идеалистические). Собственно, именно поэтому модель называется «спиральной динамикой» – каждый раз идет возврат к предыдущему, но на более высоком уровне.

Парадигмы мышления могут сосуществовать в рамках сознания одного человека, не пересекаясь, поскольку относятся к разным сферам его жизни. Человек может быть «оранжевым» предпринимателем на работе и строгим «синим» отцом семейства, а приходя на стадион, совершенно по-«красному» болеть за свою команду. Хотя, как правило, одна из парадигм доминирует.

Развитие всегда идет в сторону усложнения жизни. Расширяется психологическое пространство, широта взгляда на мир и горизонты планирования, растет число «степеней свободы» и граней личности, разнообразие альтернативных способов сделать что-то, усложняются потребности человека.

Каждая последующая парадигма мышления – это большая свобода, большая структурность (меньшая энтропия), более высокая степень рефлексии, больший энергетический потенциал.

Движение происходит под влиянием факторов внешних (условия жизни, общество) и внутренних (личный духовный поиск). Важно отметить, что индивидуальное развитие каждого человека с момента рождения последовательно проходит стадии, начиная с «бежевой», но далеко не всем удается пройти большой путь и не «застрять».

Каждый шаг решает одни проблемы, но порождает другие. «Бежевый» одиночка прибавляется к «фиолетовому» племени и принимает его правила игры, потому что выживание одиночки проблематично. Осознание собственной индивидуальности и стремление удовлетворить вождения своего эго выбрасывают человека из «фиолетового» племени на «красный» уровень мира-джунглей, где есть место для собственного Я и есть социальная динамика. Однако мир-джунгли – это война всех против всех. Неужели же в жизни нет смысла и порядка? Этот вопрос приводит человека на «синий» уровень, где спокойно и комфортно. Но со временем появляется стремление к независимости и лучшему выбору для себя, накапливается понимание того, что и Авторитеты «синего» мира делают ошибки. Результатом является переход на «оранжевый» уровень «мира-механизма», «великой шахматной доски». Здесь можно выиграть и проиграть, упасть и опять подняться – главное знать правила и схватить за хвост удачу. «Оранжевый» человек по мере своего духовного роста и/или роста благосостояния может (конечно, совсем не обязательно) прийти к неудовлетворению от вечной гонки, конкуренции, бездуховности и неравенства, и тогда он ищет спасения на «зеленом» уровне гармонии. Однако зеленый цвет гармонии со временем начинает напоминать болото – решения принимаются медленно и стоят очень дорого. И тогда эго опять вырывается из тисков коллектива и, подобно серфингисту, скользит по поверхности этого мира. «Желтый» человек не дает миру поймать себя ни деньгами, ни властью, ни статусом. Можно скользить так бес-

конечно, пока не надоеет хаос, и тогда с целью найти в нем порядок человек идет дальше – на «бирюзовый» уровень, который мы еще не можем описать.

Важно заметить, что каждая последующая парадигма мышления не отменяет предыдущую, а включает ее. Поэтому в работах по спиральной динамике часто изображают расширяющуюся спираль. Это означает, что внутри каждого из нас есть все освоенные нами за прожитую жизнь парадигмы мышления, а также присутствуют в непроявленном виде будущие парадигмы, которые мы «примеряли на себя» лишь в пиковые моменты особых состояний сознания. Каждый уровень должен быть освоен и заполнен, поскольку снабжает человека важными жизненными навыками, без которых он не сможет дальше развиваться.

Опытный руководитель знает о наличии в его организации людей с разными парадигмами мышления и системами ценностей и понимает необходимость разных подходов к ним. Все инструменты управления персоналом должны быть глубоко персонализированы на основе жизненных ценностей и целей сотрудников. Поэтому существует большой спектр подходов к постановке задач и мотивации на их выполнение, стимулированию побед и наказанию за неудачи и т.д.

Управленческие культуры

Управленческая культура организации осознанно или неосознанно определяется руководителем. Бывает и так, что новый руководитель приходит в уже сложившуюся управленческую культуру, – тогда у него лишь две возможности: или сломать, или принять то, что есть. На разных стадиях жизненного цикла организации, а в большой организации – в разных подразделениях, – как правило, мы увидим разные управленческие культуры. Управленческая культура определяет организационные формы и механизмы, принципы и приемы коммуникации и принятия решений и т.д. Далее автор не ставит кавычек при употреблении цветowych маркеров в надежде, что читатель уже освоился с ними.

ФИОЛЕТОВАЯ СЕМЬЯ – КУЛЬТУРА ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Фиолетовую организацию мы встретим довольно редко – ведь она может состоять только из людей с фиолетовой парадигмой (носители красной парадигмы не уживутся, для носителей синей парадигмы неприемлемы фиолетовые суеверия), а такие в развитых странах встречаются не так часто. Культура принадлежности характерна для небольших частных или семейных фирм. Фиолетовая организация – это организация-семья, возглавляемая вождем. Авторитет вождя основывается не на знаниях, не на силе, а на неких нерациональных характеристиках. Фиолетовым людям работать в такой организации очень хорошо: все друг о друге заботятся и оберегают. Источником энергии для фиолетовой организации является преданность ее членов друг другу. Ключевыми компетенциями руководителя в фиолетовой управленческой культуре являются личное влияние и личная поддержка, эмоциональная стабильность.

КРАСНЫЙ КЛАН – КУЛЬТУРА СИЛЫ

Красная организация – это лидерская организация. Ее еще можно назвать кланом. Во главе такого клана стоит лидер, сам принимающий все решения и подчиняющий всех своей воле. Такой лидер – суровый и требовательный, но сотрудники нередко обожают его («боятся – значит, уважают»). Именно воля и видение лидера являются источником энергии такой организации. Красные организации – это самый простой из распространенных типов организаций. Таковы, как правило, маленькие компании – в частности, начинающие. Хотя часто бывает, что зрелая организация не может вырваться из красной управленческой культуры – Ицхак Адизес называет такую распространенную ситуацию «ловушкой основателя». Размер красной организации ограничен количеством людей, которых лидер способен контролировать лично или через небольшое число доверенных («а доверять никому нельзя», полагает он). Если всех контролировать нельзя напрямую, этого можно добиться, используя принцип «разделяй и властвуй». Авторитет красного лидера основан на его воле, непременно подкрепленной ссылками на прежние успехи. Если удача отворачивается от красного лидера, от него могут отвер-

нуться и соратники. Красные увидят слабость там, где фиолетовые – влияние мистических сил, синие же – нарушение правил.

Красную организацию нельзя изобразить в виде пирамиды. Ее структура – это концентрические круги (круги власти) вокруг лидера. Сила и власть определяются только степенью близости к лидеру; как правило, они тем больше, чем больше времени лидер проводит с тем или иным человеком и чем больше ему доверяет. Ближайший круг власти («двор») особенно важен, и здесь идет напряженная и непрекращающаяся борьба за близость «к телу». Об этой борьбе посторонние могут судить только по официальным мероприятиям и корпоративным фотографиям – вспомните, как четверть века назад мы наблюдали за перемещениями лиц на Мавзолее.

Красные организации совершенно незаменимы в экстремальных ситуациях – сложная экспедиция, спортивная команда, правоохранительная или военная операция. Демократия здесь противопоказана. Именно в такой экстремальной ситуации находится, например, недавно созданная частная компания, перед которой стоит проблема выживания. И как бы ни развивался мир, молодые компании всегда будут таковы. Небольшие компании, предоставляющие профессиональные услуги (консалтинговые, финансовые, юридические и т.п.), могут успешно сохранять красные управленческие структуры многие годы.

От сотрудников красной организации ожидают две вещи: подчинение и результаты. Исполнителей поощряют или наказывают на основании личных оценок руководства. В красной организации могут быть синие и фиолетовые люди – но только подальше от власти, там, где безопасно.

Красная управленческая культура имеет ряд преимуществ. Прежде всего, это простота и оперативность управления, преданность членов организации, умение концентрировать энергию и энтузиазм и направлять их на достижение целей. За счет этого красная организация может быть чрезвычайно эффективной, хотя постоянная борьба истощает членов организации. Красные организации чувствуют, что призваны изменять мир, и они нередко с успехом это делают. С другой стороны, лидер тоже человек и может ошибаться. Крас-

ное окружение лидера сразу делает выводы, если «Акела промахнулся», и может не простить ошибки. По отношению к сотрудникам красная организация часто несправедлива, но если вождю верят, ему прощают всё. Ключевыми компетенциями руководителя в красной управленческой культуре являются директивное лидерство, решительность, умение держать удар.

Синяя иерархия – культура правил

Синяя организация – это иерархия, управляемая правилами. Такую организацию часто называют бюрократической, придавая этому слову негативный оттенок, хотя бюрократия совершенно незаменима во многих ситуациях. Бюрократические организации впервые появляются, когда организация разрастается и лидер уже не может единолично эффективно ею руководить. Значительная часть синих организаций была создана людьми с доминирующей синей парадигмой мышления. Например, таковы церковные структуры, объединяющие религиозные общины. Синими являются (в идеале) очень большие и разветвленные организации – армия, правительство. Источник энергии синей организации – преданность ее членов Высшей Цели. Однако со временем Высшая Цель забывается или уходит из фокуса внимания, и ее место занимают традиции и кодекс поведения («честь мундира»).

Типичные признаки синей организации – организационные диаграммы, должностные инструкции, планерки и отчеты, процедуры и регламенты, миссия и документированные бизнес-процессы. Интересным примером является армия: имеющая множество красных людей и, по сути, красные цели, она нуждается в синей структуре организации и управления. Отсюда множество синих принципов, методов и подходов в (идеальной) армейской жизни: строгая иерархия, уставы, дисциплина. В противном случае красная структура представляет собой просто большую банду, опасную для себя самой и своего народа. К сожалению, Советская Армия времен распада СССР была очень близка к этой картине. Каждый гражданин хотел бы видеть синими все правительственные и муниципальные организации, с которыми ему приходится сталкиваться – начиная с ЖЭКа и райотдела милиции.

Однако не стоит думать, что синяя управленческая культура – прерогатива государства, церкви и армии. Такая управленческая культура неплохо подходит для компаний, работающих в сравнительно стабильной среде – например, транспортных, добывающих, в государственных монополиях. Она незаменима везде, где есть опасные или сложные производства. В жизненном цикле компаний организация превращается в синюю (бюрократическую) на этапе поздней зрелости, когда правила становятся важнее результатов. И, конечно, синяя управленческая культура желательна в определенных подразделениях каждой крупной компании, как будет показано ниже. Только в синей среде носителю синей парадигмы мышления будет действительно приятно, надежно и комфортно. Носители красной парадигмы в синей организации могут быть на периферии, там, куда тяжело добраться начальникам. Часто их держат для выполнения специальных функций. Носителей оранжевой парадигмы в синей организации терпят с трудом, но они бывают необходимы для решения творческих задач, и с их существованием приходится мириться.

Власть, полномочия и ответственность в синей управленческой культуре целиком и полностью определяются позицией в иерархии. От сотрудников в синей организации ожидается четкое и неукоснительное соблюдение правил. Достоинствами такой управленческой культуры являются стабильность, дисциплина и порядок, отсутствие конфликтов, а также неограниченный размер организаций (ведь любая часть иерархической пирамиды является также пирамидой), этим не могут похвастаться другие управленческие культуры. Недостатками синей организации являются удушение инициативы, высокие издержки и изоляция сотрудников друг от друга и от клиентов («как бы мы могли хорошо работать, если бы клиенты нам не мешали»). Рекомендуемая для лучшего понимания литература по синим организациям – С.Н. Паркинсон, «Законы Паркинсона». Ключевыми компетенциями руководителя в синей управленческой культуре являются системное мышление, планирование, управление исполнением.

ОРАНЖЕВАЯ КОРПОРАЦИЯ – КУЛЬТУРА УСПЕХА

Оранжевая организация – это «корпорация» современного мира: ориентированная на результат, управляемая людьми, выдвинувшимися благодаря заслугам. Источником энергии в таких организациях является всеобщее стремление к успеху. В таких организациях, как правило, нет строгой иерархии – система управления (включая постановку задач, контроль исполнения, отчетность) может быть либо матричной, либо проектно-ориентированной, либо адхократической, с изменчивой, неформализованной оргструктурой. Поскольку нет нужды в иерархии, такая компания является почти плоской – но это не значит, что все сотрудники в ней на одинаковом положении. Место человека определяется не должностью, а квалификацией и тянущимся за ним шлейфом его успехов. Принятие решений в оранжевой компании происходит в специально созданных группах, нацеленных на решение конкретной задачи ad hoc, которые после ее выполнения распускаются, а сотрудники вливаются в новые группы по выполнению новых задач. Проектные команды и специальные группы включают сотрудников различной функциональной специализации и в своей деятельности в большой степени автономны, а сотрудники вполне могут работать в нескольких командах одновременно.

Типичные признаки оранжевой управленческой культуры – сложная внутренняя структура, проектные кросс-функциональные команды, мозговые штурмы, высокие затраты на обучение и развитие персонала. В оранжевой компании тоже есть формализованные бизнес-процессы – но движение информации и принятие решений осуществляются на разных горизонтальных уровнях, минуя иерархию, в то время как в синей компании – только по иерархическим ступеням.

Ключевой признак оранжевой управленческой культуры – постоянные перемены (совершенно неприемлемые для синих). Вместо должностных инструкций в оранжевой компании существуют корпоративные легенды, рабочий день слабо нормирован, условности отсутствуют (например, часто все обращаются друг к другу на «ты» и по именам), границы между подразделениями размыты (миграция сотрудников – дело обычное), двери открыты, и каждый

может высказывать свое мнение. Разница между оранжевой и синей организациями – это как разница между фалангой и спецназом (или между галерной командой и футбольной командой). Парадоксально, но такие функции, как маркетинг, PR, управление персоналом в оранжевой компании разпылены среди множества людей по всей организации.

Понятно, что для создания оранжевой организации нужно иметь некое критическое количество людей с доминирующей оранжевой парадигмой мышления, поскольку оранжевая компания строится не на подчинении, а на одинаковом понимании целей и задач. В то время как синими людьми правит долг, оранжевыми – стремление к победе и совершенству. Проблема с оранжевым руководителем заключается в том, что он считает всех вокруг подобными себе по мотивации и не воспринимает другие парадигмы мышления.

Преимущества оранжевой компании – высокая эффективность, минимальное «организационное трение», оперативность принятия решений, инновационность. Поскольку оранжевая структура гибкая, в ней находится место и синим, и красным, и зеленым – главное создать для каждого «цвета» соответствующий «заповедник». Недостатки оранжевой организации – эмоциональное выгорание людей, дефицит отношений, а также ограниченный размер. По ряду источников можно судить о том, что максимальный размер оранжевой организации – 150 человек – определяется ограничениями человеческого мозга. Поэтому в больших компаниях оранжевая структура может быть управляющей надстройкой над синей (синий завод + оранжевый офис).

Интересно, что оранжевая организация является более «женской» как минимум в двух смыслах. Во-первых, в ней реально достигается гендерное равенство – не стирание различий (женщины остаются женщинами, мужчины мужчинами), а именно равенство возможностей и вознаграждений. В синей же организации (и тем более в красной) обычно доминируют мужчины либо мужеподобные женщины. Только начиная с оранжевого уровня организации современная женщина чувствует себя вполне комфортно. Во-вторых, оранжевый стиль управления более «женский»: сотрудничество вместо конкуренции, вопросы вместо приказов, подсказки вместо инструкций, и т.д.

В современной динамичной экономике в высококонкурентных отраслях (хай-тек, банковское дело, рекламный и медиа-бизнес и т.п.) оранжевые организации могут достичь весомого успеха. В отечественной деловой среде яркими представителями оранжевой культуры являются местные офисы транснациональных компаний (импорт оранжевой культуры), крупные успешные отечественные производители товаров массового спроса, управляющие компании некоторых финансово-промышленных групп, ряд крупных банков и медиа-холдингов. Для компании с местными корнями дорасти до оранжевого уровня непросто, хотя имеются сотни таких примеров. Исторически первым автором рецептов по реорганизации синей компании в оранжевую является, пожалуй, Роберт Таунсенд, а наиболее последовательным и убедительным автором – Том Питерс. Ключевые компетенции руководителя в оранжевой управленческой культуре – стратегическое мышление, мотивация достижений, умение вдохновлять и убеждать.

ЗЕЛЕНАЯ СООБЩЕСТВО – КУЛЬТУРА СОГЛАСИЯ

Зеленая организация по своей природе больше всего похожа на амёбу: со стороны никакой внутренней структуры разглядеть невозможно. Никто не командует, каждый делает, что хочет, хотя каким-то необъяснимым образом всё, что должно быть сделано, оказывается сделанным. Зеленые организации нечасто встретишь в коммерческой среде. Однако по зеленому принципу строятся многие общественные организации и социальные проекты, творческие коллективы и множество других видов сообществ. Тем не менее, есть и коммерческие компании с зеленой управленческой культурой – как правило, в сфере творческих профессиональных услуг: исследовательские команды, коллективы программистов, дизайнеров, архитекторов, адвокатов. Наиболее выразительными примерами зеленой культуры являются представители «викиномики»: сообщества разработчиков открытого кода, авторы Википедии и т.д.

Зеленая организация, требующая от ее членов тесного взаимодействия, ограничена в размерах. Дело в том, что зеленая управленческая культура предполагает равное участие всех её членов в управлении, то есть все собираются и

принимают необходимые решения, причем, как правило, на основе консенсуса. Требуемое для этого время нелинейно растет по мере роста численности организации, и в какой-то момент организация просто перестает поспевать за событиями. Ничего страшного с ней не случится – как амёба, зеленая организация просто разделится на две или больше, без конфликтов и страстей.

С красных или синих позиций совершенно непонятно, как может существовать зеленая организация. Ведь никто не говорит людям, что нужно делать, и никто их не контролирует! Для понимания зеленой управленческой культуры вспомним, что носители зеленой парадигмы мышления более развиты в личностном плане, чем носители красной или синей. Они обладают не только более высоким уровнем сознательности («правила внутри», а не снаружи, как в синей культуре), но и более глубоко понимают цели и задачи организации, её внутреннюю и внешнюю среду. В принципе, каждый из сотрудников зеленой организации мог бы быть начальником. Глубоко чувствуя друг друга и испытывая потребность в гармонии и компромиссе, они непременно найдут общий язык. В зеленой организации могут успешно сосуществовать люди других цветов – но только если они в меньшинстве и принимают «правила игры». Принципы зеленой управленческой культуры – взаимное доверие и уважение, взаимопонимание и терпимость, открытость, право на ошибку, умение брать на себя заботу.

Преимуществами зеленой управленческой культуры являются гармония и справедливость. Ее недостатки – низкая продуктивность, высокая стоимость и медлительность принятия решений. Источник энергии в зеленой управленческой культуре – эмоциональный резонанс от совместной деятельности. Ключевыми компетенциями руководителя в зеленой управленческой культуре являются глобальное мышление, терпимость, эмоциональный интеллект, фасилитация.

ЖЕЛТАЯ СЕТЬ – КУЛЬТУРА ТВОРЧЕСТВА

Если в зеленой организации власти как таковой нет – то в желтой она есть, но она везде. Желтая организация более всего напоминает сеть, однако в этой

сети некоторые узлы более важны, чем другие. В повседневной жизни нам не приходится встречаться с желтыми организациями хотя бы потому, что для их создания нужны люди с доминирующей желтой парадигмой мышления, которых вокруг нас немного. Лично мне лишь однажды удалось увидеть, и то краем глаза, внутреннюю жизнь желтой организации – в центральном офисе Yahoo!

В желтой организации нет структуры как таковой. Каждый сотрудник вовлечен во множество проектов, которыми занимается множество рабочих групп. «Жизнь как портфель проектов» – это про сотрудников желтых организаций. При этом часть проектов сотрудник инициирует сам, поэтому в соответствующих группах является «руководителем». Группы не аморфны, роли в них расписаны. Статус сотрудника является невероятно текучим – каждый день каждый успех или неудача изменяют его/ее статус внутри организации, хотя сотрудник сидит всё на том же стуле в том же офисе и никуда не двигается. При этом в проекты вовлечено еще множество людей, формально не являющихся сотрудниками, работающих, возможно, в других компаниях или дома. Желтая организация в полной мере являет собой «трилистник» Чарльза Хэнди (штатные ключевые сотрудники, квалифицированные подрядчики и наемные временные вспомогательные работники). Ее миссия – создавать миры, а не завоевывать их. Ключевыми компетенциями руководителя в желтой управленческой культуре являются творческое мышление, перспективное видение, умение увлечь мечтой. Суть желтой управленческой культуры прекрасно выразил Антуан де Сент-Экзюпери: «Если вы хотите построить корабль, не созывайте людей собирать деревья, не давайте им поручений и не нагружайте работой, но вместо этого научите их страстно мечтать о бесконечной необъятности моря».

Итоговые замечания

Поскольку любая модель есть упрощение, можно заявить, что в чистом виде описанные выше управленческие культуры не встречаются. С другой стороны, они легко узнаваемы и отличимы друг от друга.

Почти в каждой организации мы найдем признаки тех или иных управленческих культур, причем их соотношение может меняться в зависимости как от стадии жизненного цикла организации, так и от текущей ситуации. А в крупной организации разные подразделения будут иметь свои управленческие культуры. В идеальной организации мы найдем синюю культуру на производстве, в бухгалтерии, отделе кадров, службе безопасности; оранжевую – в отделе продаж, в маркетинге, разработках, финансовом менеджменте; зеленую – в службе персонала. Целостность организации обеспечивает коллегиальный орган управления (совет директоров, правление). В одиночку даже самому талантливому лидеру не собрать корпоративную мозаику, это может сделать коллегиальный «лидер». Однако для достижения идеала членам такого коллегиального управленческого органа нужно быть как минимум «людьми с двойным дном»: если члены совета директоров являются одновременно и руководителями соответствующих функциональных подразделений, им придется одной стороной быть обращенным к своим подчиненным, а другой стороной – друг к другу. Представьте, что директор по персоналу будет зеленым, главный бухгалтер – синим, а директор по маркетингу – оранжевым. На взаимопонимание в таком коллективе надеяться не приходится. Поэтому в современной идеальной организации на совете директоров преобладает одна избранная управленческая культура (обычно оранжевая или зеленая), а членам этого коллегиального органа перед заседанием и после него приходится «перекрашиваться».

Каждой управленческой культуре соответствуют определенные организационные структуры и механизмы, принципы и приемы коммуникации и принятия решений. Такие обычные процессы, как планирование и бюджетирование, контроль исполнения и стимулирование, различны для разных управленческих культур.

Вершиной управленческой квалификации является способность использовать в одной организации разные управленческие культуры, в зависимости от задач: синее заседание по вопросам бюджета, оранжевый мозговой штурм по новому продукту, красную «накачку» в проблемной ситуации, зеленую стратегиче-

скую сессию и даже фиолетовую корпоративную пьянку. Понятно, что методы подготовки и проведения таких мероприятий будут совершенно различны.

Сознательное использование разнообразного управленческого инструментария повышает эффективность и руководителя, и организации в целом, её приспособляемость, устойчивость и темп развития. В деятельности развитой организации могут гармонично присутствовать элементы всех управленческих культур, например:

- фиолетовая: корпоративные мероприятия и ритуалы;
- красная: здоровая конкуренция между сотрудниками, материальные поощрения и взыскания;
- синяя: правила и процедуры, бизнес-процессы и должностные инструкции для исполнителей;
- оранжевая: статусные награды и наказания; свобода руководителей от должностных инструкций; забота о развитии сотрудников;
- зеленая: взаимопонимание в совете директоров; открытые и дружеские отношения в микроколлективах подразделений.

Безусловно, появлению и распространению тех или иных управленческих культур способствовали как изменения в производительных силах, так и духовный прогресс общества. Развитие скотоводства и появление примитивного земледелия в своё время привели к созданию первых племенных объединений и городов-государств, основанных на «красных» принципах управления. Дальнейший рост производительности труда в земледелии и появление монотеистических религий привели к возникновению «синих» управленческих систем. Индустриальная революция, развитие науки и техники, гуманизм и просвещение создали предпосылки для «оранжевой» управленческой культуры, а дальнейший рост производительности труда в сочетании с социалистическими и гуманистическими идеями поднял социальные стандарты и обеспечил возникновение «зеленой». А платформой «желтой» управленческой культуры является Интернет – там возникли и живут первые «желтые» сообщества.

Выводы

Идея классификации управленческих культур, в принципе, не нова. Чарльз Хэнди еще в 1978 описал четыре типа управленческой культуры, условно назвав их именами «богов менеджмента»: Афина, Аполлон, Дионис, Зевс. В классификации Хэнди Зевсу соответствует красная культура, Аполлону – синяя, Афине – оранжевая. Именем Диониса были названы все культуры, еще не проявившиеся в полной мере и потому непонятные на тот момент.

В начале статьи мы постулировали, что управление является одним из базовых социосистемных процессов. Управление эволюционирует, и этапы этой эволюции можно описать следующими метафорами:

Парадигма мышления	Культура	Метафора организации	Метафора управления
бежевая	–	–	–
фиолетовая	принадлежности	«семья»	–
красная	силы	«клан»	управление людьми
синяя	правил	«иерархия»	управление структурами
оранжевая	успеха	«корпорация»	управление проектами
зеленая	согласия	«сообщество»	управление взаимоотношениями
желтая	творчества	«сеть»	управление мечтой

Из вышеизложенного понятно, что «за менеджментом» нас ожидает «зеленая» управленческая культура – управление взаимоотношениями. Ее элементы проявляются всё чаще, порой в неожиданных местах. Овладение этой управленческой культурой позволяет включиться в наиболее перспективные экономические механизмы, такие как викиномика, разработка на принципах открытого кода, экономика дарения и распределенного пользования, механизмы со-конкуренции (эконоценозы), краудсорсинг и краудфандинг, социально интегрированный бизнес. Именно на путях использования этих экономических механизмов будет преодолен кризис традиционного «оранжевого» мира, наблюдаемый нами в последние годы.

За МАРКЕТИНГОМ

ЖАНН СМОТРИЧ

Тезисы доклада на встрече FFF № 27. Киев, 27 января 2012 года

«... Мастера не могут пользоваться деньгами в расчетах друг с другом, потому что деньги – ничто по сравнению с тем, что мастера могут дать друг другу».

(Диалог Амати и Страдивари в фильме «Визит к Минотавру»)

Для того чтобы заглянуть за маркетинг и понять, каким образом он будет развиваться дальше, нам необходимо сначала окунуться в историю и проследить эволюцию основной маркетинговой терминологии и периодизации маркетинга.

Терминология

По определению Ф. Котлера, маркетинг – это вид человеческой деятельности, направленный на удовлетворение нужд и потребностей посредством обмена. Основными категориями маркетинга являются: нужды, потребности, запросы, товары, обмен, сделка и рынок.

Основной исходной точкой, лежащей в основе маркетинга, является идея человеческих нужд. Нужда – чувство ощущаемой человеком нехватки чего-либо. Нужды многообразны. Сюда можно отнести основные физиологические нужды в пище, одежде, тепле и безопасности, социальные нужды духовной близости, привязанности, личные нужды в знаниях и самовыражении. Нужды не создаются извне, а являются исходными составляющими природы человека. В случае если та или иная нужда не удовлетворяется, человек чувствует себя несчастным и в зависимости от ее важности переживает неудовлетворенность. В такой ситуации у человека две линии поведения: либо

заняться поисками объекта, способного удовлетворить его нужду, либо попробовать ее заглушить каким-либо способом.

Вторая категория, с которой работает маркетинг, – человеческие потребности. Потребность – это нужда, которая принимает специфическую форму в соответствии с культурным уровнем и личностью человека. Так, например, проголодавшемуся жителю тропического острова для удовлетворения голода достаточно плодов манго и фасоли. В то же время проголодавшемуся жителю США необходима будет булочка с бифштексом, картофель фри и стакан кока-колы. Потребности выражаются в тех объектах, которые способны удовлетворить нужду способом, присущим культурному укладу данного общества.

По мере развития общества растут и потребности его членов. Людям необходимо все большее количество продуктов и услуг, пробуждающих их любопытство, интерес и желание. Производители, со своей стороны, предпринимают целенаправленные усилия для стимулирования желания обладать товарами. Соответственно, товар пропагандируют как средство удовлетворения одной или ряда специфических нужд. Зачастую нет четкого различия нужды и потребности. Так, например, человеку необходима дырка в стене, а производители рекламируют дрель. То есть в данном случае у человека есть нужда получить результат в виде дырки и поэтому производителю необходимо сформировать предложение, адекватное потребности.

Потребности людей практически безграничны. Но ресурсы для их удовлетворения ограничены. Поэтому человек будет выбирать те товары и услуги, которые доставят ему наибольшее удовлетворение в рамках его финансовых возможностей. Здесь возникает понятие запроса – то есть потребности, подтвержденной покупательной способностью. Человеческие нужды, потребности и запросы требуют товаров для их удовлетворения. Товар – все, что может удовлетворить потребность или нужду и предлагается с целью привлечения внимания, приобретения, использования или потребления. Так, например, женщины испытывают нужду быть красивыми. Соответственно товары, способные удовлетворить эту нужду, называются товарным ассортиментом выбора. Этот ассортимент включает в себя косметику, новую одежду,

курортный загар, услуги косметолога, пластические операции и т.д. Не все эти товары желательны в одинаковой степени. С большой долей вероятности в первую очередь будут приобретаться товары и услуги более доступные в соответствии с имеющимися ресурсами, такие как косметика, одежда или новая прическа. Чем полнее ассортиментный ряд соответствует потребностям потребителя, тем большим и более эффективным будет результат для производителя. Таким образом, основная задача маркетолога – определить потребителя, которым необходимо реализовать определенную группу товаров, выяснять их потребности, а затем создавать товары и услуги, как можно более полно удовлетворяющие эти потребности.

Удовлетворение потребностей происходит с помощью акта обмена, то есть получения от кого-либо желаемого объекта с предложением чего-либо взамен. Для того чтобы обмен произошел, необходимо соблюдение пяти условий, а именно:

- должно быть две стороны, совершающих обмен;
- каждая из сторон должна обладать чем-то, что представляет ценность для другой стороны;
- каждая сторона должна быть способна осуществлять коммуникацию и доставить товар по требованию;
- каждая сторона должна быть совершенно свободной в принятии предложения другой стороны;
- каждая сторона должна быть уверена в целесообразности обмена.

Эти условия всего лишь дают потенциальную возможность обмена, а состоится ли обмен, зависит от соглашения между сторонами. Если соглашение достигнуто, то в результате происшедшего обмена все его участники получают выгоду. Еще одно маркетинговое понятие – сделка, коммерческий обмен ценностями между двумя сторонами.

Рынок – это совокупность существующих и потенциальных покупателей товара. В современном обществе рынок – не обязательно какое-то физическое

место, где встречаются покупатели и продавцы. Сегодня рынок отделен от места и представляет собой группу потребителей, заинтересованных в приобретении товара и удовлетворении нужды и потребности. Можно сформировать рынок товара, услуги или иного объекта, имеющего ценность. Например, рынок труда состоит из людей, желающих предложить свою рабочую силу в обмен на заработную плату или товары. Рынок денег позволяет занимать, ссужать, копить деньги, гарантировать их сохранность и с помощью денег удовлетворять людские нужды. Таким образом, маркетинг – это работа с рынком ради осуществления обменов, цель которых – удовлетворение человеческих нужд и потребностей.

Традиционная модель AIDA – это модель воздействия рекламного сообщения. Реклама в принципе должна вызывать изначально ВНИМАНИЕ (Attention), потом это внимание перерастает в ИНТЕРЕС (Interest), после этого возникает ЖЕЛАНИЕ (Desire), ну, и ДЕЙСТВИЕ (Action). Модель эта была изобретена в 1928 году, она до сих пор преподается в наших вузах и, собственно, позиционируется как основополагающая. Проблема в том, что сегодня модель изменилась, причем изменилась кардинально.

Я утверждаю, что привычная модель AIDA и маркетинг в классическом восприятии давно устарели. То, что происходит сегодня, получило название «глобальный интегрированно-коммуникативный маркетинг». Он пришел на смену маркетингу в классическом понимании. На самом деле происходит проектирование, изобретение несуществующих потребностей. Потребности эти потом навязываются аудитории, у которой создается ощущение необходимости обладания чем-то, о чем совсем недавно никто даже представления не имел, не говоря уже о необходимости обладания.

Еще несколько лет назад сложно было себе представить, что нам нужен, например, планшетный компьютер, как товар и как предмет. Огромная индустрия создала эту потребность, появился огромный рынок, благодаря гению Стива Джобса в том числе. Произошло типичное навязывание потребности, и мы видим, что дальше этот рынок начинает расширяться и в него внедряется теперь уже все большее количество производителей. Идет постоянное обновление

товаров. Каждый раз, когда такое расширение рынка происходит, происходит и ухудшение качества товаров, ибо подключаются наши замечательные друзья – китайские производители, которые производят огромное количество любых товаров под задачу, в том числе и оригинальные iPad как таковые.

Другими словами, маркетинг из инструмента удовлетворения существующих потребностей превратился в создателя несуществующих, машину, которая создает, производит и удовлетворяет несуществующие потребности. И в этом проблема маркетинга, как я ее вижу. При этом доверие потребителей, очень важный для маркетинга ресурс, упало до нуля.

Периодизация

В отношении периодизации маркетинга существуют разные мнения. Некоторые считают, что его начало относится к появлению прообраза рекламы в античных городах. Этим прообразом стали глашатаи, которые оглашали населению мегаполиса информацию разного рода, «рекламируя» товары и услуги. Другая точка зрения – маркетинг ведет отсчет от появления учебной дисциплины «маркетинг» в Мичиганском и Иллинойском университетах США в 1902 году.

Филипп Котлер в своей работе «Обзор важнейших достижений за 4 десятилетия» дал свою периодизацию маркетинга. По его мнению, начало его лежит в 50-х годах XX века, когда европейские страны и Япония были заняты восстановлением разрушенного войной народного хозяйства, а США активно торговали на внешних рынках. Это привело к росту международной конкуренции и стало стимулом развития маркетинговой теории. В 1950 году Н. Борден впервые вводит в научный оборот концепцию маркетинг-микса, которая и по сегодняшний день является основополагающей концепцией маркетинга. В этом же году Дж. Дин предлагает концепцию жизненного цикла товара. Также в 50-е годы возникают концепции имиджа бренда, сегментирования рынка, маркетинговой ориентации и маркетингового аудита.

Дж. МакКарти, используя идею Н. Бордена, создает в 1960 году маркетинговую 4Р-парадигму, которую сам Котлер позднее дополнил 4Р-парадигмой

стратегического маркетинг-микса: исследования, сегментация, целеполагание, позиционирование. Также в 60-е годы появляются концепции маркетинговой близорукости, индивидуальной работы с покупателями на основе анализа их стиля жизни и расширенная концепция маркетинга, в рамках которой утверждается, что маркетинг может и должен применяться не только к товарам и услугам, но также и к организациям, личностям, местам и идеям.

В 1971 году Ф. Котлер и Г. Зальцман представляют концепцию социального маркетинга, где технологии маркетинга применяются к таким социальным проблемам, как защита окружающей среды, планирование семьи и улучшение структуры питания. Также в 70-е годы появляются концепции таргетирования, стратегического маркетинга, маркетинга услуг, макромаркетинга, а в 1972 году Л. Райз и Д. Траут определяют процесс отражения сущности товаров как носителей потребительской стоимости в мыслях покупателей, как позиционирования.

В 80-е годы появляется целый ряд новых концепций, вызванных эпохой неуверенности. В частности – концепции маркетинговых военных действий, глобального маркетинга, локального маркетинга, мегамаркетинга, директмаркетинга, маркетинга отношений и внутрикорпоративного маркетинга.

В 1990-х концепции маркетинга были основаны на индивидуальном подходе. И в это время появляются концепции эмоционального маркетинга, маркетинга впечатлений, интернет-маркетинга, спонсорства и маркетинговой этики.

В 2000-х основным требованием к маркетингу становится необходимость быть эффективным и ориентированным на финансовые показатели, поэтому маркетинг 2000-х можно назвать результативным маркетингом. В эти годы появляются концепции маркетинга ROI, марочного капитала, клиентского капитала, маркетинга социальной ответственности; концепция компетенции потребителя, маркетинга в социальных сетях; концепция трайболизма и привлечения потребителя к созданию рекламы, маркетинга достоверности.

Общепринятой можно считать холистическую периодизацию эволюции маркетинга, которая состоит из следующих этапов:

- 1) прамаркетинг – неопределенно длительный период до начала XX века, где можно заметить явление экономической жизни, имеющее маркетинговое содержание;
- 2) становящийся маркетинг – с начала XX века по первую половину 50-х годов. Рубежом становится появление дисциплины «маркетинг» в американских университетах;
- 3) неоклассический маркетинг – с первой половины 50-х годов по рубеж 60–70-х. Начало этого периода связывается с выступлением президента АМА Н. Бордена (1953), где и был введен в обращение сам термин «маркетинг-микс». На рубеже 60–70-х происходит смена доминирующей маркетинговой парадигмы, что связано с ростом интереса к стратегическому планированию в бизнесе;
- 4) конкурентно-стратегический маркетинг – с рубежа 60–70-х годов по рубеж 80–90-х. Ключевой целью бизнеса на этом периоде становится доля рынка. Расширение доли рынка одной компании мыслится как сокращение доли рынка другой;
- 5) эмпатический маркетинг – с рубежа 80–90-х годов до середины 90-х. На указанный период приходится переосмысление самого понятия «маркетинг отношений». В этот период акцент как практических действий, так и теоретических обобщений переносится с конкурента на покупателя. Не борьба с конкурентами, а превращение покупателей в своих союзников становится главной стратегической задачей для выживания на рынке;
- 6) глобальный интегрированно-коммуникативный маркетинг – со второй половины 90-х годов по начало 2000-х. Концептуальную основу этого периода продолжает составлять маркетинг отношений. Основы появления этого этапа заложили глобальные изменения в мировой экономике: возрастающая важность международных бизнес-сетей, развитие интернета, дезагрегирование мировой экономики и ее ценностей на значительное число отдельных слоев, выдающееся положение экономик с возрастающими доходами.

Я хотел бы ввести свой вариант периодизации маркетинга, которая базируется на характере производства и соответствующей структуре общества, а так-

же учитывает кардинальное изменение экономического уклада, свидетелями которого мы с вами стали.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД – период прамаркетинга от появления торговли и товарно-денежных отношений. Для этого периода характерно ремесленное производство и сословное деление общества, предопределявшее ограничения, накладываемые принадлежностью к сословию. Учитывая ручной характер труда и сословные ограничения, не было необходимости в дополнительном стимулировании.

ВТОРОЙ ПЕРИОД – от конца XIX – начала XX века – период появления и становления индустриального массового производства. Именно в этот период появилась необходимость в стимулировании продаж массовых товаров. Классическая теория именно к этому периоду относит появление маркетинга.

Можно различить два типа индустриального общества.

ПЕРВЫЙ – западный тип, в котором главенствующую роль начинают играть растущие коммерческие компании, которые впоследствии превратятся в транснациональные корпорации. Именно в рамках данного типа маркетинг оказался чрезвычайно востребован. Здесь развилась (и утвердилась впоследствии) концепция удовлетворения потребностей, а люди стали потребителями, единственная цель которых – удовлетворение осознанных потребностей. **ДРУГОЙ** тип, сформированный на территории бывшего Советского Союза – тип плановой экономики с четким ассортиментом товаров и услуг, «положенных» каждому представителю советского общества. В такой системе маркетинг, безусловно, не был нужен. Хотя он использовался для продвижения товаров советского производства на Западе.

И в первом, и во втором типе возникла острая необходимость в каналах коммуникаций, только роль у каналов оказалась разной. Если в первом типе каналы коммуникации, помимо информирования, несли в себе также и функцию промоции товаров и услуг, предлагаемых потребителю, то в рамках второго типа функция каналов коммуникации была исключительно информационно-

пропагандистской. При этом каналы коммуникации в обоих случаях были односторонними, то есть потребители должны были выполнять простую функцию – приобретать все больше и больше товаров и услуг.

Третий тип сформировался в 90-е – в начале 2000-х. Это постиндустриальное общество, в рамках которого тип производства изменился – основным стало информационно-технологическое производство, а общество стало обществом «статусных стилей потребления», в рамках которого выстроенные средствами коммуникации стереотипные «стили жизни» стали диктовать потребителям определенный набор, обусловленный статусом в обществе. На данном этапе можно говорить о сегментировании коммуникаций, то есть массовые коммуникации начали видоизменяться и дробиться на большое количество нишевых коммуникационных каналов. В то же время каналы передачи информации становятся все более интерактивными. Особенно это относится к среде интернета, где многие люди начали создавать собственные, персональные каналы коммуникации (блоги, социальные сети и т.д.). В рамках данного этапа маркетинг становится глобальным интегрированно-коммуникативным, ориентированным на максимально точное попадание во все более узкие сегменты потенциальных потребителей, в частности, за счет использования сегментированных коммуникаций.

Четвертый этап – будущее, 2020 и далее. Его можно условно назвать Этапом персонализированных сетей. В рамках данного этапа окажется возможным для части населения производить товары и услуги по персональным заказам, то есть производство станет персонализированным производством. Общество все больше будет разделяться на множество групп (клубов), создающихся вокруг идеи, профессии и т.д. Протообразом такого деления можно считать группы в социальных сетях, которые уже сегодня определяют тип жизни и потребления человека через систему коллаборативной фильтрации (систему рекомендаций и советов от людей, мнению которых Вы доверяете в рамках своей группы).

В этой связи все большее значение будет приобретать уникальность личности, индивидуальность и наличие собственных креативных идей. На

мой взгляд, в рамках данного периода маркетинг трансформируется в СО-ТВОРЕНИЕ новых миров и позволит каждому человеку создать и развить собственный мир, привлечь в него тех, кому этот мир действительно интересен, и тех, кто захочет внести свою лепту внимания, времени и творчества в со-творение мира в группе и для группы. Именно СО-ТВОРЕНИЕ позволит каждому реализовать свой творческий потенциал и заниматься именно тем, что приносит радость и удовольствие. Хотя, конечно, не все будут готовы выявить и раскрыть свой внутренний потенциал. Поэтому можно будет констатировать на этом этапе появление нового «креативного» слоя, который и станет реальным двигателем развития и инноваций.

Перемены

На современном этапе ряд изменений в экономике, стиле жизни, поведении потребителей знаменует собой и изменение маркетинга. Попробуем очертить эти основные изменения.

С начала 2000-х годов информационные технологии проникли на основные рынки и развились в то, что теперь можно называть «технологии новой волны». Они делают возможным объединение и взаимодействие отдельных групп и людей. Технология новой волны состоит из четырех основных сил:

Дешевые компьютеры.

Мобильные телефоны.

Недорогой скоростной интернет.

Программное обеспечение с открытым кодом.

Эти технологии делают возможным кардинальное изменение стиля жизни и работы все большей части населения. Все более стандартной становится система удаленной работы, при которой люди, находясь в разных странах, а иногда и континентах, говоря на разных языках, могут совместно работать над созданием и развитием проектов, создавая добавленную ценность. При этом такого рода группа использует в своей работе другие принципы менеджмента, организации труда, взаимодействия и мотивации. Ярким при-

мером такой работы может быть компания BaseCamp, создавшая целый ряд продуктов, позволяющих пользователям из разных стран легко и просто заниматься развитием интернет-проектов, коммуницировать между собой.

Совершенно новые возможности коммуникаций, казавшиеся совсем недавно фантастическими, открыл Skype, система видеобщения через интернет-соединение. Одним из результатов использования скайпа стало активное внедрение интернета в сельской местности и вовлечение аудитории старше 50 лет, которая научилась использовать скайп для связи с детьми и внуками. Таким образом, технологии новой волны позволяют кому-то самовыражаться и сотрудничать с другими людьми, а кому-то – стать профессиональными потребителями.

Еще одним новшеством технологий новой волны стало появление и быстрое развитие средств обмена информацией онлайн или социальных медиа. Можно разделить такие средства на две широкие категории, первая из которых – представительные средства обмена информацией: блоги, Facebook, Twitter, LinkedIn и другие социальные сети. К другой категории можно отнести совместные средства обмена информацией, к которым относится, в частности, сайт Википедия.

Блоги и твит-страницы в большинстве своем принадлежат частным лицам. Через них человек делится со своей избранной аудиторией новостями, взглядами и идеями. Это позволяет людям формировать вокруг себя сообщество по интересам, а некоторым – добиваться выдающегося влияния на широкую аудиторию. Ярким примером в Рунете может служить блог Артемия Лебедева, дневная аудитория которого превышает 300 тысяч пользователей.

В свою очередь аудитория актера Эштона Катчера на Twitter достигла одного миллиона человек, что превосходит аудиторию CNN. Популярность социальных медиа сподвигла корпоративный мир обратить свое внимание на этот вид коммуникаций и перераспределить часть своих бюджетов на продвижение, включив в них социальные медиа. Отдельным видеоканалом для размещения коротких видеосюжетов стал сайт You Tube, где, в частности, и коммерческие компании рассказывают миру о своих товарах и услугах.

По мере того, как социальные медиа становятся все более выразительными, мнение и опыт одних потребителей все сильнее оказывает влияние на других. При этом параллельно сокращается влияние стандартных форм рекламы на формирование покупательского поведения.

Кроме развития технологий, серьезно повлияли на изменение коммуникационной среды также процессы глобализации, которая, в свою очередь, была обусловлена техническим развитием. Современные информационные технологии делают возможным мгновенный обмен информацией между странами, корпорациями и отдельными людьми во всем мире. Однако процессы, вызванные глобализацией, имеют и обратную сторону. Глобализация не только выравнивает правила игры для всех стран мира, но и представляет для каждого из них серьезную угрозу. Именно поэтому все более заметны тенденции защиты внутренних рынков от посягательств извне, защиты от чужого культурного и экономического влияния. Соответственно сегодня все заметнее разворачиваются процессы локализации. Все большее количество стран, защищая свой внутренний рынок, принимает протекционистские, по отношению к местным производителям, законы, поддерживает на государственном уровне предприятия, способные производить качественную продукцию, и стимулируют экспорт этой продукции вовне. Таким образом, можно говорить о взаимоисключающих процессах, которые будут влиять на развитие маркетинга.

Еще одним ярким изменением в экономической ситуации стало возникновение и развитие творческого самовыражения как общественного движения. Сегодня большое количество сотрудников офисов параллельно с работой в компании осваивают творческие профессии, самовыражаясь таким образом. Все это выливается в создание параллельных линий творческой реализации, которые зачастую становятся гораздо более успешными коммерчески, чем работа в компании. Творческие люди обычно являются новаторами, которые активно используют новые технологии и принимают новые идеи. Именно они становятся своего рода узлами, связывающими потребителей между собой, а их стиль жизни, зачастую неприемлемый на первоначальном этапе для большинства, постепенно становится массовым явлением и оказывает

влияние на все общество. Передовые представители поколения, творческие личности отдают предпочтение креативным брендам, склонным к сотрудничеству с окружающими сообществами. Можно констатировать, что сообщество творческих людей растет во всем мире.

Одна из ключевых особенностей креативного общества состоит в том, что люди не ограничиваются удовлетворением первичных потребностей и стремятся к самореализации. В соответствии с классической пирамидой Маслоу, которая изображает иерархию потребностей, потребности в самореализации могут быть удовлетворены только после удовлетворения первичных потребностей. Однако творческие личности считают первичными именно потребности в самореализации. Ученых, людей искусства и творческих личностей становится все больше, и это меняет восприятие человеком его потребностей и желаний. Духовные потребности все чаще вытесняют потребности выживания. Можно констатировать, что современное общество все больше озабочено поиском духовных ресурсов, а не материальных благ.

Налицо рост затрат на обработку информации: сегодня они превысили затраты на физическое изготовление товара, то есть товар изготовить гораздо проще, чем обработать ту информацию, которая нужна для его изготовления.

Отмечается резкий рост доли нематериальных благ в структуре потребления. Она становится все более разнообразной, индивидуализированной и изощренной. От широких категорий, которыми раньше оперировали маркетологи, структура потребления сейчас сводится практически к одному человеку. Потребление как самовыражение приведет в будущем к производству товаров и услуг, которые нужны конкретному человеку.

Повышается роль розничной торговли сравнительно с ролью производства. Сегодня произвести стоит дешевле, чем продать. Затраты на доставку продукта к конечному потребителю несоизмеримо выше, чем затраты на его производство.

Вещи выходят из употребления задолго до физического износа и даже морального устаревания. Амортизация моральная обогнала амортизацию фи-

зическую как таковую. Сегодня мы не задумываясь меняем какие-то вещи, которые на самом деле могут прекрасно использоваться и дальше.

Цена вещей все меньше связана с их универсальной ценностью и все больше отражает ценность индивидуальную, ситуационную, преломленную через восприятие других людей. Происходит как бы процесс коллекционирования, причем вещи становятся некими знаками и символами, показывающими принадлежность к той или иной группе, к тому или иному сообществу.

Утверждается консюмеризм, то есть товары теряют свою функциональную значимость и становятся лишь символами причастности к определенной группе, к определенному стилю жизни.

Можно говорить, что на смену маркетингу удовлетворения потребностей приходит маркетинг желаний. Во главе угла становится идея «Жизнь для удовольствия», «Культура для удовольствия», «Бизнес для удовольствия» и так далее.

На мой взгляд, Новый Маркетинг или то, что будет За Маркетингом – это маркетинг клубов и сообществ. Их задача будет состоять в том, чтобы прежде всего удовлетворить потребность в качественной коммуникации, и не просто в качественной, а в той, которая именно вам индивидуально нужна. А вся эта система из знаков, текстов и сигналов – это пропускная система в клубы. И здесь на самом деле мы сталкиваемся с тем, что клубы играют роль некой системы фильтров, которая позволяет человеку, затрачивая гораздо меньше времени, получать гораздо более качественный продукт в результате.

Как человек ДО момента покупки может оценить качество услуги или товара? На это работает маркетинг дарения: он позволяет добиться пост-оплаты. Так появляется новая система оценивания услуг или товаров непосредственными потребителями. Эта система гораздо более качественная, чем любые рейтинги. Потребители, получившие в дар что-либо, оценивают это, делятся впечатлением в своем клубе или в своем сообществе, и в итоге мы получаем результат, который позволяет нам фильтровать качественные товары и услуги.

Здесь и возникает, собственно, маркетинг дарения. Он предполагает совершенно иной тип отношений: изменяется сама суть понятий ОБМЕН и СДЕЛКА. Деньги перестают быть мерилем ценности. Мерилем ценности становятся ВРЕМЯ, ДОЛЯ ВНИМАНИЯ и уровень ДОВЕРИЯ. То есть деньги уже не играют той роли, которую они играли раньше.

В этой ситуации, на мой взгляд, возможна доверительная рекламная модель, которая позволит не рекламировать продукт, а прежде всего делиться впечатлениями с теми, кому такая информация действительно нужна и полезна. И, соответственно, такая модель позволит каждому индивидууму получать релевантную информацию по его запросу в его клубе. А также и вознаграждение за свою информацию от производителей в виде части рекламных отчислений. Это сейчас уже происходит, есть такие примеры. Вы можете получить деньги за просмотр рекламных роликов, которые вам действительно интересны, то есть за ту информацию, которую вы готовы потреблять.

Новые модели маркетинга связаны с появлением WEB 3.0: интернет становится семантическим. Новое поколение поисковиков, в отличие от Google, должно производить поиск не по ключевым словам, а по ключевым смыслам. Их задача – распознавать смысл сообщений, фильтровать эти сообщения и выдавать как результат только то, что будет действительно осмысленно для вас индивидуально. WEB 3.0 (интеллектуальная сеть) станет очередным новым этапом использования интернета, который поможет нам совладать с переизбытком информации. Ведь количество новой технической информации удваивается и обновляется каждые два года. Для студентов технических специальностей это означает, что половина того, что они узнают на первом курсе, устаревает к третьему.

За маркетингом, на мой взгляд, находится МАРКЕТИНГ СМЫСЛА или коммуникация по поводу обмена смыслами: СМЫСЛООБМЕН. К сожалению, сегодня он в маркетинговой парадигме утрачен.

Основной механизм Маркетинга Смысла – клубная фильтрация, которая обеспечит доступ к осмысленной и отфильтрованной бесплатной информа-

ции. Инструментом такой фильтрации смогут стать социальные сети следующего поколения. Мы с вами, так или иначе, все равно будем присутствовать в интернете. Общение в сетях, рейтингование товаров и услуг в этих сетях будет генерировать результат для вас как для индивидуума и доверие к этому результату. Онтология сформирует семантику, стоящую за семантической паутиной. Наши запросы будут выполняться благодаря работе интеллектуальных агентов, действующих автономно, способных реагировать и выходить на связь со своим индивидуальным Заказчиком.

За МАРКЕТИНГОМ

Юрий Чудновский

Как и все в нашем мире, маркетинг возник не случайно: он призван был решать некие конкретные актуальные задачи. Но задачи, как и все в нашем мире, меняются. И на каком-то этапе возможностей маркетинга окажется недостаточно для решения новых прагматических задач.

Это утверждение может быть распространено на различные профессиональные либо же социальные институты. Оно лежит в основании подхода «За...». Маркетинг, экономика, образование, наука, социальная организация – появление каждой из этих структур было обусловлено конъюнктурой эпохи, и соответствовало ей. Более того, каждое из этих явлений вошло в соорганизацию с другими явлениями, оказалось прямо и непосредственно связано с множеством других, не перечисленных, организованностей. Все вместе они составляли некое единство, находились в динамическом равновесии и оправдывали существование друг друга, «прикрывая» тем самым слабые стороны и алогизмы, свойственные ситуативным образованиям.

Условия появления

Чтобы нарисовать картину «За маркетингом», придется построить представление о той ситуации, в которой маркетинг возник как необходимость, и о том моменте, когда его возможности уже не смогут отвечать по-новому поставленным задачам.

Маркетинг решает проблему «как продать». То есть он жестко привязан к специфике пост-индустриальной фазы, когда проблема массового производства находит окончательное решение. Произвести сколько угодно и чего угодно, быстро доставить произведенное куда угодно – все это больше уже не проблема. Продать – вот проблема. Рост массового производства захлест-

нул рынок, возможности произвести товар стали практически бесконечными. И товаров оказалось гораздо больше, чем покупателей.

Маркетинг возник, когда формула «спрос рождает предложение» была дополнена идеей «предложение формирует спрос». Достаточно быстро стало понятно: число покупателей более или менее стабильно, но объем покупок – величина управляемая. И на первый план вышел вопрос скорости потребления.

Интересно, что с течением времени скорость потребления постоянно нарастала. В сословном (достаточно стабильном) обществе принадлежность к сословию задавала образ жизни и, соответственно, перечень и цикл использования вещей. Вещи, будучи сословным атрибутом, использовались на протяжении нескольких поколений. При переходе к индустриальному обществу скорость потребления увеличивается: теперь производство предлагает товары на всю жизнь, то есть на одно поколение. В условиях потребительского общества скорость потребления максимальна. Появляется широкий спектр одноразовых товаров, например, одноразовая посуда. И даже высокотехнологичные гаджеты требуют обновлений сообразно той скорости, которую может обеспечить производство.

При этом речь идет, разумеется, о товарах массового спроса – а значит, одинаковых для всех. А это, в свою очередь, означает, что одинаковые товары должны потреблять «одинаковые люди». Поэтому задаче унификации товаров сопутствует задача унификации людей.

Потребности

Инструментом такой унификации стало понятие потребностей. основополагающая (и, надо признать, гениальная) идея маркетинга состояла в том, что понятие спроса было привязано к понятию потребности. До этого долгое время цену товара определял баланс спроса и предложения. А с выходом на авансцену понятия потребности необходимость для покупателя в том или ином товаре определялась уже не его нуждой или желанием, а «потребно-

стями», якобы «естественными». Для потребителя потребности представлялись как закон природы. Для продавцов же они были способом манипуляции. В этом – двойственная природа понятия потребности.

Прежде всего, покупателей внушают, что именно ему «нужно». Кроме того, список «естественных потребностей» постоянно пополняется (понятно, чьими усилиями ...). Некоторое время это давало возможность расширять объем потребительского спроса. Как казалось – до бесконечности.

Однако уже сегодня очевидно, что пределы роста потребления подлежат ограничению. Но это ограничение приходит из другой сферы – из представления о конечности ресурсов производства. В первую очередь – так называемых «природных» ресурсов.

С другой стороны, на пути бесконечно расширяющегося потребления стояло еще одно препятствие – потребители не зарабатывали столько, сколько готовы были потратить под воздействием маркетингового инструментария. Эта проблема была решена за счет введения механизмов финансового заимствования, практически бесконтрольного. Основным инструментом стал разрыв прямых связей между кредитором и заемщиком. За счет этого была сведена на нет возможность реальной оценки рисков. Это, в свою очередь, спровоцировало неограниченный рост долгов. Ведь иначе невозможно было решить проблему нехватки денег (подробно об этом – в книге «Крутое пике», автор Д. Стиглиц).

Реализация идеи управления потребностями кардинально изменила ценообразование. Теперь цену вещи определяла не ее полезность, а объем средств, вложенных в ее продвижение на рынке. Маркетинг создал новую реальность, в которой основу цены составляли его – маркетинга – услуги.

Потребности – это ключевой термин доминирующей на сегодня доктрины, которая определяет отношения человека с окружающими средами. Это вытекает из лингвистически выверенной цепочки «требования – потребности – потребление – потребительство – потребительское общество». То есть потребности – это идеологическое основание потребительства. Они

являют собой, по сути, запрос человека на ресурсы жизнедеятельности. В «потребностях» учтено то, что на настоящий момент включено в систему обмена со средами обитания человека. В том, что не включено в процесс среднего обмена, «потребности» нет.

Причем имеется в виду достаточно односторонний «обмен»: лишь получение чего-то из среды (материальной, культурной, информационной и других). Потребности – это то, что нужно взять извне.

Взять, а не дать

Идеология потребностей односторонняя: это про то, что нужно получить или взять. Она не обсуждает обратное направление среднего ресурсного обмена – вектор «дать».

Идеологическая основа «человеческих потребностей» переносит инженерный подход, позволяющий обеспечивать функционирование простых производственных систем, на обеспечение человека. В отношении человека или сообществ такая редукция недопустима. Хотя бы потому, что до сих пор нет ни одного устойчивого ответа на вопрос: что есть человек?

Вообще-то ответов на этот вопрос бесконечное множество. Но все они являются проекцией каких-то частных представлений – научных, инженерных, теологических, эстетических. Человека определяют как инженерную систему, или как информационную систему, как химическую фабрику, как энергетический или энергоинформационный объект, включенный в широкий энергоинформационный обмен. Особняком стоит представление о человеке как венце божественного творения, исполнителя воли Божьей, со-творце мира. Каждая из этих доктрин по-своему описывает сущность человека и, соответственно, его способ включенности в мир.

Лишь одна из этих идеологических доктрин сводит суть человека к простому обмену с окружающей средой. Это представление о человеке как инженерной машине, причем, в основном, машине потребляющей и подчиняющей все вокруг своему потреблению. В рамках такого видения человек, если что и

отдает вовне, то только продукты своей жизнедеятельности. Интересно, что именно эта убогая идеологическая модель определила идеологию современного общества.

Впрочем, именно эта модель наилучшим образом оправдывает тезис об одинаковости людей. Именно она создает иллюзию очевидности того, что всем нужно одно и то же: есть, пить, защищаться от холода и т.п. И уже на базе этой иллюзорной очевидности делается следующий шаг – формируется идеология общечеловеческих ценностей. Инженерный подход в отношении человека требует упрощения самого человека до уровня возможностей этого подхода. То есть – редукции человеческого поведения и человеческих мотиваций, сведения их к элементарным схемам производства-потребления. Эта задача на сегодня практически выполнена: приходится признать, что идеология потребностей все-таки стала доминирующей.

Идеология потребностей определила контуры потребительского общества. Понятие «потребностей» не со-масштабно сложности человека и тем более – человеческих сообществ. Оно, по сути, является понятийной пустышкой, понятийным симулякром. Границы его применения предельно размыты, что позволяет называть потребностями все, что угодно. При этом «потребности» принято подавать как «научное понятие». Но это аргумент в рамках того мира, где наука – безотносительный авторитет и имеет привилегию давать «истинно правильные» оценки. Вся система технологического производства (товаров, информации, эмоций) и вся структура общественных институций работает на такую трактовку потребностей. В этих рамках невозможно принять тезис, что «все люди разные».

Трансляция идеологии потребностей продлевает агонию потребительского общества. Идеология потребностей игнорирует все противоречащие ей мотивы человеческого поведения – веру, любовь, дружбу, творческую волю. И только потому, что их основу составляет идея «дать». Идеология «давать» – прямая альтернатива потребительской идеологии. Ее символом веры является идея о том, что главным определителем мотивов поведения является необходимость отдавать: «Что отдал – то твое!».

Куда дальше?

Маркетинг обсуждает рыночные формы обмена как предельные. Но можно ли всерьез, на самом деле, относиться к рынку как к предельной форме, не видеть перспектив других пространств обмена и взаимодействия? Этот вопрос становится сегодня почти риторическим.

Будущее видится как раз в переходе к управлению разными, различными пространствами обмена и взаимодействия. В том числе (а может быть, и в первую очередь) – смыслового обмена и взаимодействия. Именно множественные пространства будут оформлять и взаимно увязывать разные формы и форматы обмена, взаимодействия, а в конечном счете – и общежития. В пределе речь идет о жизни в мире или мирах. Стержнем новых социальных систем и жизненных укладов должны стать смысл, осмысленность.

Одной из альтернатив потребностей являются желания. Сама идея желания относится к получению того, чего не имеешь. Правда, в отличие от потребностей, которые имеют якобы естественный всеобщий характер, желания всегда индивидуальны. И этому тренду стремится просоответствовать реклама, которая демонстрирует переход от идеологии потребностей к идеологии желаний.

От работы с желаниями логичен переход к работе с мечтами: потому «фабрики грез» имеют основательные шансы на успех даже сегодня. Весь фокус – в преодолении массового производства, в выходе к производству индивидуальному. Эта тенденция имеет 60–70-летнюю историю. Триумф уже совсем близко – мы станем его свидетелями лет через 20–30.

Работа с желаниями – это ход в направлении индивидуализации. Ведь желания индивидуальны. Массовое индивидуальное производство представляет собой новый горизонт. Актуальная задача – производить много уникального. Этот путь открывается тюнингом и понятием эксклюзива. 3-D принтеры уже не фантастика! В ближайшей перспективе появятся персональные производственные системы. Проблемой, однако, может стать осмысление и оформление желаний в формат, приемлемый для персональных производственных систем.

И здесь проступает еще один интересный феномен сегодняшнего дня – коллаборативные экспертные сети. Они подробно описаны в книге Александра Долгина «Манифест новой экономики». Уже сегодня мы обращаемся к Интернету, принимая решение о покупке того или иного товара, чтобы выяснить его реальные качества. Наметилась тенденция формирования личных экспертных групп, мнение которых вызывает доверие, на мнение которых можно опираться при выборе товара. Потребитель теперь доверяет не рекламе, а им же сформированному кругу экспертов. Вместе с этим кругом он формирует свой профиль потребления.

Но если пожелание выходит за рамки того, что предлагается, это может стать началом созидательной, творческой активности. «Я могу сам себе создавать все, что хочу!» И в этой логике естественен следующий шаг – личные консультативные группы, на которые можно ориентироваться при создании своего мира. Или – партнерские группы миро-строительства. Ведь в персонализированном производстве главной проблемой становится проектирование новой, доселе небывалой жизненной среды. А в пределе – и мира.

Вопрос: «что грядет за маркетингом?» имеет еще один аспект, не вполне очевидный. Потребительство для человека, несмотря на высокую скорость и даже ускорение потребления, имеет очень короткую активную фазу: от первых денег, оказавшихся в твоём распоряжении, до того момента, когда уже все перепробовано и счастье обладания перестает быть счастьем. Объем и скорость потребления начинают замедляться в 40 лет, а к 55–60 годам, как правило, перестают определять смысл жизни.

При средней продолжительности жизни в 75 лет это еще как-то можно пережить. Но мы сейчас стоим на пороге очередного геронтологического перехода. Сегодняшних знаний и технологий достаточно, чтобы обеспечить жизнь отдельного человека до 150 лет. Вот здесь и появляется вопрос: чему можно посвятить такую долгую жизнь? Потребительство в ней – лишь короткий период взросления. А какой смысл в дальнейшей жизни? И миро-творчество – вполне подходящий ответ на вопрос о смысле жизни продолжительностью и 150, и 200, и 300 лет.

За Игрой

ЕЛЕНА ПЕРЕСЛЕГИНА

Слово, понятие «игра» имеет негативную, позитивную и странную коннотацию. Дети, просящие папу или маму с ними поиграть, хотят радостного или интересного, юноша, с горечью признающий, что девушка с ним поиграла и бросила, считает игру неким обманом, а современный тренд коллективных игр для взрослых (например, семейные расстановки) скорее странен, по крайней мере, для обыденно мыслящего. Тренд этот еще традиционно не нравится сторонникам точных математических методов и так называемого «логичного поведения для взрослых людей», но метод работает при решении, казалось бы, насмерть запутанных расстановочных семейных клубков. Странно все это!

Игровые методы в педагогике приносят пользу креативу – да, но вряд ли рождают дисциплину и порядок. Здесь спорят – полезно или вредно? И бум образовательной игры прошел. «В игре ученик повысит креативность, но не образованность», – говорят ортодоксы. Они правы. Были. Сегодня образованность ушла целиком, а без нее креативность повисла на «мнениях» и тоже испарилась. И образование стало уделом немногих. Хотя система стоит и кормится исправно.

Игры прогнозирования – редкая и далеко не невинная штука – многих захватывают, потому что сбываются. Но где граница их применимости – Бог знает. Еще Богу приписывают слова: «Будьте как дети!» А Андрей Парибок, например, добавляет к этому: «Но не впадайте в детство!» Здесь есть некое допущение: прогностические игры хороши, когда есть их сборка, аналитика полученного в игре урожая. Если нет – это почва для домыслов и вымыслов.

Весь контекст эпитетов к игре крутится в пространстве и времени. Есть время детское – медленное, есть взрослое – быстрое, и есть божественное – сотворенное, бесконечное. Пространства существуют для покорения, для преоб-

разования и для жизни. С первым и вторым понятно: съесть или построить. Будем романтиками и назовем третье «пространством восхищения».

Первый контур человеческого сознания, по улыбающемуся с небес профессору Т. Лири, отвечает на вопрос: дружественна ли ко мне Вселенная? Восхищаясь миром, в который пришли, мы явно выигрываем по отношению к тем, которые проклинают акт своего появления на свет, будучи, например, упертыми атеистами. Однако про изначальность много думать и говорить не принято, разве что в рамках бесконечного божественного времени. И Игры восхищения жизнью не появились. А назвать молитву игрой как-то язык не поворачивается. Мистерии канули в лету или выродились во флешмобы перед выборами. Пратехнологии восхищения жизнью утрачены. Ритуалы забыты. Игры возрождают выборочное средневековье в рамках редколесья из XXI века.

Игры детского времени во всех пространствах для детей – развитие, для взрослых – отдых или эскапизм. Попадая в «детское время», взрослый попадает в мир повторяемости и безответственности, он выходит из реальности в ритуал, сложный или простой – неважно, и там отдыхает. Если он не хочет оттуда уходить, получается вечный ролевик. Восточные гуру не играют в карты и компьютерные игры.

Еще к этой мутной теме «что-то и игра» обязательно как-то относятся две важные ценности белого человека – свобода и ответственность. Третьего что-то не видно. Наверное – игра нужна, чтоб его, третье, найти. Свобода означает множественный выбор, ответственность – единственный, а игра нужна для изучения методики прыжков вверх. С прыжками – самая большая трудность, потому что вверх и потом вниз – вроде, не считается. Надо подпрыгнуть и там остаться. Или вернуться, но с чем и каким?

И вот это – Там, в конце тоннеля, над пропастью или перед стеной из Далекой Радуги Стругацких – и есть «За игрой». Наверное.

Сегодня, разбирая системы игр, видимо, можно привычно выделить: родовые, обучающие и мечтательные. Понятно, что все они также могут

называться играми прошлого, настоящего и будущего. Жаль, что ОДИ (организационно-деятельностные игры), которым методологи посвятили много лет и усилий, так и остались играми настоящего, причем настоящего их Основателя – Г.П. Щедровицкого. Почему? Возможно, они не содержали целого и тайны. Игры прошлого – родовые – предполагают подключение к целому по имени «род» и иногда, при глубоком погружении, к еще большему целому по имени Бог. Мечтательные игры приоткрывают завесу тайны, через общие чаяния сердец игроков, так Господь дает понять, что слышит нас. Эти прогностические игры часто бывают пророческими, потому что опираются на схватывание присутствия Духа, а не на метод. Мечтательные игры – самые свободные и безответственные: они – игры взрослых детей, которые хотят увидеть второе пришествие Христа. Родовые игры – это игры детские и очень ответственные, в них, как в старых сказках, ошибиться нельзя. А обучающие игры – это игры передачи опыта. Некоторые сразу схватывают, некоторые – нет. Это все – игры профессий, поведения в разных группах, коммуникации и преодоления себя. Тренинги в отрыве от производства и без. Это – игры на то, кто лучший и кто выиграл.

ОДИ ставили своей целью куда более весомые результаты, чем обучение профессии или навыку, но не учитывали родовых связей, и игр мышления-откровения. Часто не получалось, получалось мучительное освобождение от родовых пут на миг игры и потом мучительное же возвращение к путам. Об этом говорят все еще висящие в воздухе регионов обиды от неуважения младших к старшим на таких играх. И с целым тоже как-то нехорошо вышло. Если Бог есть, то не дай Бог! Теперь времени прошло двадцать лет.

И все-таки ММК это колыбель игр нового типа. И «тех настоящих Первых», по А. Трегеру, стоит помянуть. Про таких говорят: за попытку спасибо! И помнят.

Наши игры перехода в Будущее закончатся тогда, когда начнется переход к следующей фазе развития цивилизации, сам по себе, без игр, учебников и сопровождения Взрослых. Так юноша, теряя уходящую к другому подругу, вдруг осознает, что сказка кончилась и он теряет свою любовь, большую

и главную? Почему эта любовь вдруг расправила крылья в момент потери? А раньше что? Раньше были игры... Игры имеют дело с Действительностью, а против Реальности не попрешь... Так А. Парибок объясняет разницу между сегодня и ЗА. ВТРА.

За игрой лежит иная Реальность. Мы взрослеем. Как взрослеет человек. Люди, семья, нации в языке, человечество как целое. И никто не гарантирует, что в пространство «За игрой» мы попадем все вместе. И что время у нас будет детское...

Связность людей в группах прошивает институции и становится ценностью сама по себе. Почему? Потому что только энергией этой связности можно выйти в иную Реальность. А пока в нее можно играть, потом сложить игрушки и идти спать в действительный мир, где авторское право и «принуждение к миру». Где есть ложь, чиновники и зомби. В нем часто не спится, и гуманное окультуривание быдла ничему не помогает.

Каждая фаза развития подразумевает иную по отношению к предыдущей энергию: от мускульной силы к парусу и лошадиной силе, далее к двигателю и наконец к атому... А царство Божье все не пришло. Мобильный телефон изобрели, а ангелов в небесах поздравлять с днем ангела не научились. То есть «радио изобрели, а счастья все нет». (И. Ильф).

Что толку уповать на термоядерный синтез, если люди не могут силой своей любви предотвратить войну? НЕ любовь и была! Игра игрой, а потом сложили игрушки, вернулись в мир, в котором привыкли жить, и начали убивать...

Нам придется наигрывать мир «За игрой» до тех пор, пока он не возникнет весь, тогда нам не придется оставаться спать в старой формации по Марксу или в какоэкономике «по девице Ленорман».

Старенький, молодой поэт Окуджава писал: «Он наигрывает вальс, то ласково, то страстно, а что касается меня, то я опять гляжу на вас, а вы смотрите на него, а он грядит в пространство». Он точно не имел в виду госпожу Меркель и господина Обаму. И наши российские правители не слышат музыки, предполагающей возможность любви.

Вальс – хорошая тема. Стратегический «Вальс отражений», танец теней катастрофических сценариев, футбол как ритуальный праздник с убитыми фанатами, медленное течение людей, послушных западному переносу и вернувшихся через вокруг Земли все в ту же глобализацию. Потребительский Космос для чайников, аскетичное люденство для избранных. Бог для спасенных. Нирвана для брахманов. Мы все друг для друга... Музыка звучит, но еле слышна.

У вальса нет главной темы... Не играть же, ей-Богу, очередные марши войны Персидского залива для устрашения проснувшихся там, за границами бремени белого человека?

Каков новый синдром Разумности? Американский? Тогда игры нет – есть ритуальное поедание чужих разнообразий. Кроманьонцы же съели неандертальцев. То-то же.

Хорошо, если те, которые проснутся «За игрой», будут над нами смеяться, еще лучше – если оплакивать, плохо, если признают тупиковой ветвью развития и научатся летать, как когда-то встали с четверенек. Только быстро. ЗАТО мы проверим на себе термоядерный синтез человеческих отношений, поставим на себе опыты с ртутью или уподобимся Марии Кюри, что работала с радием в простых перчатках. ЗАТО у нас будет вполне себе осмысленное ТО, чтобы следующие, смеясь, прошли ЗА.

У нас будет своя теория относительности (ТО), и каждый из наших будет точно знать, ощущать и чувствовать процессы дальнего действия, ближнего действия и вообще совместного действия по преобразованию мира, пока лишь Действительности и пока в игре.

Человеческий Интернет будет – только не сразу и не для всех. И его нужно моделировать, играть в него, подглядывать в Будущее и готовиться к прыжку. А оказавшись там, возвращаться назад и снова играть в Будущее, словно оно зависит от этой игры. Уже зная, что там, «За», все не так, придется готовиться к возможности прыгнуть и укладывать спать на краю пропасти тех, кто мечтает, и оставлять на милость потопа тех, кто думает, что он Властитель и Вершитель.

За синхронизацией

Ольга Михайлова

Тезисы доклада на встрече FFF № 25. Киев, 22 декабря 2011 года

Заходит ли речь об истории техники или об истории Киевского университета – динамика нарастания информативности, общий абрис периодизации все один и тот же: безмерно длинный архаический период сменяется уже обозримым этапом, далее следует этап покороче, измеряемый считанными столетиями... Последний этап – так уж и вовсе короче поколенческого шага. Короче этапы, выше сложность: такой подход к ритму процессов обычно зовут историческим подходом и применяют его к процессам длящимся, к живым организмам, в общем, к тому, что актуально. Но почему прошлое структурируется именно таким, а не каким-либо другим образом?

Сам термин «история» из древнегреческих истоков и означает «расспрашивание, расследование». Естественно, расспрашивание дает тем больше информации, чем ближе описываемое событие к настоящему. А между тем количество информации удваивается каждые 5–8 лет (а в интернете – каждые полтора года). Мы знаем о недавних событиях больше, мы можем точнее о них рассказать и оценить сложность ближестоящих явлений.

В то же время (sic!) давнее сглаживается, аппроксимируется. Его сложностью пренебрегают, чтобы вычленить сущностное. Исходя из этого, Фернан Бродель еще полвека назад утверждал, что «долгосрочная перспектива наиболее плодотворна для наблюдения и анализа во всех общественных науках»⁴. Большое видится на расстоянии. Критично оценивал Бродель ориентацию гуманитарных дисциплин на синхронию, не уравновешенную диахронией. Упиваясь сложностью настоящего или недавнего обозримого прошлого,

⁴ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность. Философия и методология истории. Под ред. И.С. Кона, РИО БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000 (переиздание 1963), с. 141.

историк современности легко упускает то, что относится к процессуальности и времени. То есть – сущностное для истории.

В итоге понять, в какую сторону мы движемся, становится совершенно невозможно. Может статься, это и не главная задача истории; у нее и в самом деле есть другие задачи.

Историк и Хранитель

Задача фиксировать, учитывать, каталогизировать не воспринимается как ключевая для историка. Скорее – как частный случай, удел определенного узкого сегмента внутри большого профессионального цеха. Это сегмент Хранителя.

Поэтическое поименование «хранитель» относится не только к героям фэнтези Р.Р. Толкиена, но и к работникам низового звена отечественной архивной системы: в трудовых книжках и штатном расписании есть такая должность. Понимая позицию Хранителя шире, сюда же можно отнести любого архивиста, а еще музейщиков, фольклористов, коллекционеров, библиофилов, энтузиастов охраны памятников. Хронисты и летописцы средневековья были, конечно, тоже Хранителями. Сейчас их миссию отчасти взяли на себя журналисты. Именно на их плечах – работа с тканью современности: ее ведь тоже надо учитывать, фиксировать, как-то обозначать. Марк Блок в своей «Апологии истории» вспоминает одного из своих лицейских учителей, довольно старого, который говаривал: «С 1830 года – это уже не история, это политика». Марк Блок от себя, сообразно реалиям уже своего времени, добавляет: «это социология» или «это журналистика»⁵. В самом деле, оценочные суждения относительно современности узурпирует политика, анализом ведают социология с экономикой, а фиксацией занята журналистика. Поскольку речь идет, разумеется, о качественной, а не бульварной журналистике.

В этом массиве зафиксированного, в котором только Хранитель и ориентируется, только он и может обнаружить пробелы, лакуны, смысловые или ло-

⁵ Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., «Наука», 1986, с.25.

гические провалы. Таким образом он нарабатывает собственный стиль, оригинальный способ исследования и может натолкнуться на нечто интересное. Это особая сиддха Хранителя.

Историк по преимуществу, конечно, тоже Хранитель. Но прежде всего он – актер социальных практик. То есть историк – не вполне позиция, а чаще общественная функция, специализация. И она задается обучением в вузе. А вузы держит государство. Обучая историка, власть имеет в виду свой интерес: историк должен стать винтиком машины синхронизации. Это его главная задача, будет ли он музейщиком, археологом или преподавателем в школе, где получит возможность передать принципы синхронизации по цепи, как говорится, ученической преемственности. И лучше всего – не задумываясь.

Синхронизация – это единая временная линейка, в рамках которой строится общественная жизнь, с которой могут сверяться граждане. Это единственный способ перевести разнородное – в универсальное и однонаправленное. Приходится согласиться с тезисом, прозвучавшим в докладе В.А. Никитина на встрече FFF: «Пока нет возможности предложить другой способ универсализации»⁶.

Просто диво дивное, насколько эту миссию историка чувствуют те, от кого зависят учебные программы! Зачем им это, если наша страна дивидендов от этого не дожидается? Марксизм давно развенчан, а собственные, оригинальные формы синхронизации не заявлены. Этим занимаются разве что энтузиасты-традиционалисты, но их идеи не выходят за пределы маргинеса, где они появились. А пока мы живем по календарю, где христианские и антихристианские праздники соседствуют и порою даже совпадают. Причина в том, что наш гибридный календарь работает не столько на наши интересы, сколько на интересы нашего геополитического окружения, как ближнего, так и глобального. Если общество не может отсинхронизировать собственный строй жизни, пожалуй, стоит прибегнуть к заимствованиям – все лучше, чем хаос. Это единственно возможное объяснение нынешних форм синхронизации

⁶ Архив заседаний клуба FFF, № 20, доклад В.А.Никитина 14.09.2011 «Синхронизация как социальный регулятор».

в Украине и причин, почему их поддерживают научные, образовательные и властные структуры.

Можно даже обозначить историка как хранителя, обремененного функцией синхронизации. Автор этих строк такой функцией себя не обременяет, но от позиции Хранителя не отказывается.

Управление через календарь

История, как и линейное время, была не всегда, да и сейчас существует не для всех. Значительному большинству людей достаточно и календаря для ориентации в мире и обществе.

Общий для всех цивилизаций астрономический год планеты Земля в календарях разных цивилизаций структурирован по-своему. В каждом задано своеобразное соотношение рабочих и выходных дней, а еще и выделенных календарных дат. Причем к последним могут относиться не только праздники, но и даты поста, труда (субботники) и иных жертвоприношений.

Но с некоторых пор в календарь оказывается втиснута еще и история как обязательная нагрузка. Это, скорее, даже не сама история, а след истории. По отдельному запросу «след» разворачивается в убедительные исторические полотна, проработанные мастерами. Выборка для календаря производится не случайно, не стихийно. Она призвана работать на благо эффективной общественной синхронизации.

Синхронизация – важнейший инструмент осуществления власти, и потому всегда задается с высоты иерархии. При этом освящается церковью и традицией, заверяется мнением ученого мира как нечто верное, логичное, целесообразное. Эта троица (вождь, жрец, мастер) всегда и задавала строй жизни общества, только участники ее по-разному назывались в разных эпохах и управленческих системах. Об этом шла речь в докладе Сергея Переслегина на одной из клубных встреч FFF⁷. Командир, комиссар и начальник штаба вводили адекватные армейским задачам формы синхронизации, причем в

⁷ Архив заседаний клуба FFF, № 8, доклад С.Б. Переслегина 24.02.2011. «Конструирование будущего. Матрица управленческих систем».

полной аналогии с действиями директора, парторга и главного инженера на советском заводе.

Технократические элиты (мастера) современности в самом деле обладают своей долей могущества и влияния. В меньшей мере это касается представителей академической науки, зависимой от государства. И в наименьшей – ученых-гуманитариев. Конкретно историки охотно становятся в сервильную позицию, причем преимущественно – неосознанно и невольно. Это касается и ученых, не лояльных к властям своей страны: как правило, они просто служат другому властному субъекту – например, глобализации.

А ведь всякий, кто пишет историю, и делает это достаточно убедительно, получает прямой доступ к властным рычагам.

Опыт жизни в СССР, с его «красными днями календаря» и сопутствующими им «ангелами всенародного похмелья», дает достаточно материала, чтобы понять суть синхронизации через календарь. Но можно апеллировать и к опыту Франции эпохи Великой революции. Тогда декретом Национального Конвента был законодательно, «сверху», введен в действие так называемый Революционный календарь. Его антиаристократический пафос проявился в подчеркнуто народном характере названий месяцев (вандемьер как месяц сбора винограда, мессидор как месяц жатвы и т.п.). Вместо привычной семидневной недели было введено членение тридцатидневных месяцев на декады. Тем самым с одной стороны праздновал победу рационализм позднего Просвещения с его склонностью к десятичным системам, с другой – возрождение элементов античного способа синхронизации вело к подрыву традиций христианских празднований и даже еженощных посещений церкви.

Непревзойденный способ борьбы с христианскими формами синхронизации! А ведь именно это вероучение как никто преуспело в том, чтобы привить свои формы синхронизации на глобальном уровне.

Линейное время

Представление о едином для всего мира процессе развития идет от христианства и насчитывает пару тысячелетий. И оно не совпадает с появлением

объективной науки истории (и прочих объективных наук в Новое время). Сейчас это, конечно, трудно представить, но поначалу история вовсе и не посягала на объективность. История возможна без объективности. А вот вне представления о линейном времени она невозможна. И здесь уже заложено зерно парадокса. Поскольку линейное время не знает важного, все в нем равно. В линейном времени нет значимых событий, потому что значимое – искривляет время.

Появление представления о линейном времени – вот тот революционный поворот, который обусловил появление истории. И кому она должна быть признательна? Христианской традиции. Именно в ней был осуществлен сознательный выход за пределы циклического видения текущих процессов. Время больше не кусало себя за хвост, как Уборобос. Бессмысленность повторяющихся циклов была одолена уникальной жертвой Спасителя. Тем самым история обретала смысл и ценность: направление. Впервые эта направленность появляется в Ветхом Завете в пророчествах. Сам принцип пророчества уже предполагает присутствие в будущем того, чего не было в прошлом.

Открытое таким образом линейное, направленное в будущее время становилось достоянием ойкумены по мере распространения христианства. Синхронизации общества отныне служил не только годичный календарь, но и более сложная форма общественной рефлексии: история. И хотя движущей силой истории признается Божий промысел, человек получает личную свободу. Теперь неоспоримо его право становиться актором истории, причем каждый раз – собственным, авторским, небывалым, неповторимым, уникальным образом.

Христианское видение истории лежит в основе формулировок Гегеля. Для него история «свободна» и всегда «нова», она не повторяется; но несмотря ни на что, ход истории согласуется с замыслами Провидения. Кстати, сам философ считал чтение утренних газет чем-то вроде благословения наступающему дню. То есть к задачам синхронизации относился с пониманием и приятием.

Нет нужды останавливаться на марксистской истории, которая уверенно аргументировала закономерность наступления «светлого коммунистического будущего» и указывала способы его приближения. Бонусом была дерзость мечтать и обращать мечты в реальность, невиданный массовый энтузиазм.

Дело в том, что в истоках представлений о неизбежном наступлении «светлого будущего» была христианская мечта о тысячелетнем Царствии небесном. Все же марксизм, его социально-исторические амбиции формировались в ту эпоху, когда идеи предзаданности и трансцендентного характера истории не были еще до конца преодолены. Только утверждение дарвинизма завершило эту работу: «Теория Дарвина сменила гештальт творца-мастера, воспринимавшийся большинством европейцев как основное доказательство бытия Божия... Так и произошло в 50–70-е годы XIX века. Учение Дарвина здесь стало чем-то вроде последней весомой капли»⁸. Таким образом в своей книге «Введение в историческую антропологию» Виктор Феллер показывает, как сильная парадигма меняет весь способ смотрения на мир (гештальт). Трансдисциплинарный характер этого процесса обуславливает его неоднородность, с одной стороны, но и неуклонность, неотвратимость, с другой.

Парадигма

В статье А.Е. Левинтова «За экономикой» (в рамках этого сборника) был предложен удобный трехчастный подход к любой дисциплине как к совокупности синтагмы (сущностного, конституционального), парадигм и прагматики (то есть бытующих практик). Выше была обозначена синтагма науки истории – линейное время. Прагматика истории, конечно, не исчерпывается задачами синхронизации, но эти задачи в данном контексте приоритетны.

Чтоб связь между синтагмой и прагматикой была выявлена, приходится обратиться к срединному звену триады, к парадигмам. Есть надежда, что в результате объект рассмотрения обретет, наконец, черты некоей целостности. И внутри этой целостности у Хранителя, применившего свойственный

⁸ Феллер В. «Введение в историческую антропологию». М., «Кнорус», 2005, с. 47–48.

только ему способ расследования, появятся шансы рассмотреть пробелы, искомым лакомый кусочек.

В собрании конвенциональных понятий современности – Википедии – зафиксированы характеристики науки истории: объективность, последовательность, каузальность и такой предмет исследований, как прошлое. В полной мере этим характеристикам соответствует унитарно-стадиальная парадигма. Неудивительно, что сегодня она доминирует среди прочих исторических подходов.

Стадиальным этот подход назван, поскольку в историческом процессе выделены некие стадии, этапы, например, дикость, варварство и цивилизация. Все унитарно-стадиальные концепты объединяет взгляд на всемирную историю как на единый процесс поступательного, восходящего развития человечества, то есть прогресса.

Поэтому естественно, что слова «эволюция», «развитие» и «прогресс» для приверженцев данной парадигмы позитивно окрашены. Иногда они даже могут становиться маркерами «всего хорошего», в противовес «всему плохому». В атеистическом рационалистическом варианте необходимость исторического развития (прогресса) задана сущностью самого человека, и обусловлена, энергетически обеспечена, самим его появлением. Плюс-минус такой вариант нашим детям преподают сейчас в школах.

Западная историческая наука шла в фарватере этой парадигмы до конца XIX века. Потом, лет на пятьдесят, ее потеснили теории плюрально-циклического толка. Но с середины XX века началось возрождение унитарно-стадиальных концепций, и не только в истории, но и в этнологии и социологии. Сюда же относятся теории модернизации, постиндустриального (информационного, сервисного и т.п.) общества, спиральная динамика, другие способы описания процессов, происходящих внутри человеческого общества.

Историческая наука становится все сложнее. Причем особенно сложна в описании и понимании канва новейшей истории, как и понимание понима-

ний этой канвы. Оно становится многослойным. Трактуя различие времен Фернаном Броделем, Иммануил Валлерстайн на материале истории, в том числе современной, приходит к описанию множественности пространств-времен. А заодно и к тому, что «наши геоисторические социальные системы... – самые сложные структуры во Вселенной. Если у нас должна быть некая надежда (больше того быть не может) их модернизации или их реконструирования, или построения их человечески удовлетворительными способами, тогда мы должны понять их в их сложности»⁹.

Чем сложнее мир, тем более сложного описания он требует. И это прекрасно, что упрощение трактовок пока относится к сфере угроз. Сложный мир стоит того, чтобы эту сложность поддерживать и изыскивать новые, простые инструменты его познания и управления.

История актуального

Усложнение структурности исторического материала идет в ногу с ускорением: последний из выделяемых периодов оказывается все короче и короче. Он уже сравним с поколенческим шагом, а иногда оказывается даже меньше его.

Отслеживая феномен ускорения в современной истории, Рейнгард Козеллек видит в нем след христианских надежд на приближение Второго Пришествия: «Феномен скорочення часу... на початку нової доби перетворюється на внутрішньоісторичну аксіому прискорення. При цьому роль суб'єкта переходить від Бога до людини»¹⁰.

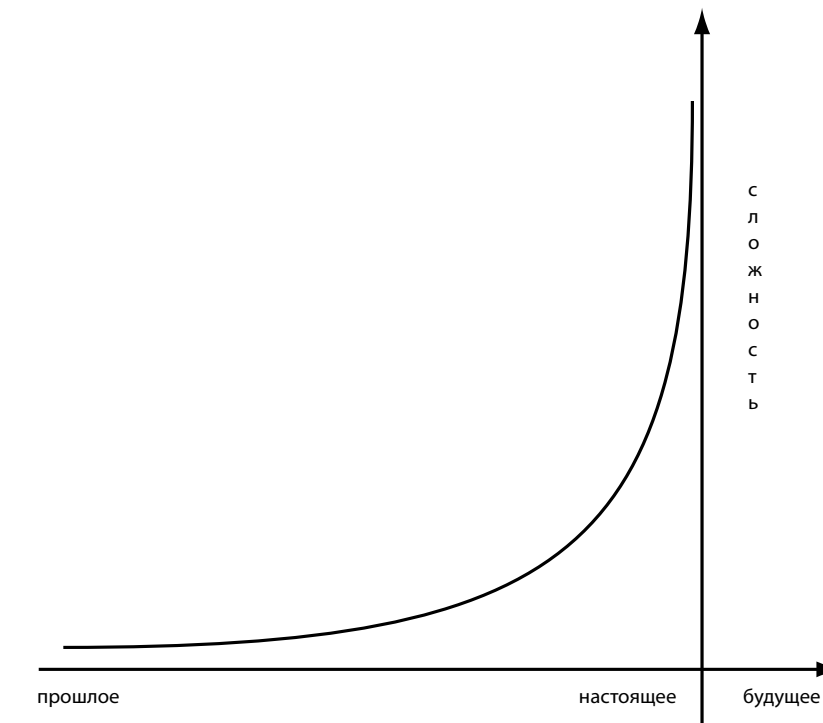
Между прочим, уменьшение периодов имеет отношение и к задачам синхронизации. Так утверждается примат обновления и постоянного преодоления устаревающего. Неважно, отражено это в линейной схеме или в оргтехнической, которая по сути – вывернутая линейная.

⁹ Валлерстайн И. «Реалии открытого пространства-времени: к пониманию нашей исторической системы», 1988, «Русский архипелаг».

¹⁰ Козеллек Р. Часові пласти. Київ, «Дух і літера», 2006, с. 220.

В результате мы подступаем к такой картине мира, где опыт жизни уже соразмерен шагу исторического обобщения. Если этот опыт достаточно богатый и глубоко отрефлектированный, он становится адекватным мериллом постижения истории. А это раскрепощает.

Таким образом, восходящую линию сложности исторических описаний можно отразить в такой схеме, где на оси абсцисс будет разбираемое в истории время (прошлое), а на оси ординат – сложность процессов в их описании:

Если и бывают эмоциональные схемы, то эта как раз такой случай: здесь линия образует воронку, горлышко которой находится в настоящем. Неуклонное сужение этого горлышка дает жуткое ощущение удушья в настоящем. Что, в принципе, и зафиксировано в идеях «конца истории» Фрэнсиса Фукуямы или «антиисторицизма» Карла Поппера.

История как наука вечно останавливается в настоящем. По определению – потому что ее предметом является прошлое. Но история как исторический процесс, как бытийная канва в настоящем не заканчивается. Соответственно, историческая наука не становится, не может стать правдивым зеркалом этого процесса. Как ни странно, этому мешает ее объективность.

Объективная наука не вправе выносить суждения о будущем. Отсюда – специфический пессимизм, который источает и эта схема. Об этом писал Мирча Элиаде: «Все труднее выносить «ужас перед историей». Это происходит из-за того, что любое историческое событие обретает в них свой полный и единственный в своем роде смысл»¹¹. У Элиаде получается, что отчаяние и пессимизм – атрибуты, добродетели и инструменты исторического познания.

А результирующей, уже на уровне прагматики, становится опаска человека перед историей, робость особого рода. Познавая объективные характеристики науки истории, человек не чувствует себя вправе вторгаться в ее пределы и тем самым упускает шансы творить историю. Разве не о такой пассивной позиции мечтали правители всех времен и народов?

Предварительные выводы

Внедрение стандартов объективной исторической науки и сопутствующая унификация исторического времени связаны с глобализационными процессами. Но эти процессы завершаются, они переходят в стадию кризиса и разворачивания противонаправленных им процессов – фрагментаризации с одной стороны и космоизации – с другой. Для этих процессов понадобятся иные формы синхронизации, и это не может быть прежняя наука история. Ее формат и характер заданы параметрами той рационалистической и экспансивной цивилизации, которая стала источником этой глобализации. Пока эта цивилизация сильна и жизнеспособна, еще можно формировать представление об историческом процессе через линейное время, законы причинности, последовательности и правила объективности.

¹¹ Элиаде М. «Миф о вечном возвращении», СПб, «Алетейя», 1998, с. 236.

Собственно, история, в нынешнем смысле слова, появилась тогда, когда стал фиксироваться необратимый поток событий, когда время стало пониматься как непременно линейное. Так что история впервые понадобилась для синхронизации в рамках христианского сообщества. Источником ее была Церковь как властная структура, а областью приложения – Церковь как общность верующих. Кстати, синхронизация, имевшая источником духовную власть, осуществлялась в рамках не только христианства, но также и других влиятельных вероучений.

Такую прагматику воспроизвел со временем и институт государства. Здесь субъектом выступала светская власть, а объектом – разные стадии развития этноса: от племени до политической нации. Синхронизация светская и духовная, как правило, согласовывались, если не совпадали.

Этой прагматикой истории до сих пор подпитывается глобализация. Ее разворачивание связано с усилением новых властных субъектов – транснациональных корпораций. Но в обиходе корпораций бытуют и более простые способы синхронизации: корпоративный календарный план, например. На статусе истории это не отражается ощутимо, пока иерархии государств положены поверх иерархий корпоративных. Но ведь это только «пока». Процессы фрагментаризации могут привести к полной автономности сообществ, связанных отношениями сотрудничества. И велика вероятность, что сложные формы синхронизации окажутся для них совершенно необязательным и слишком дорогим гаджетом.

По кругу

Актуализация такой формы синхронизации, как календарь, впрочем, обусловлена не только лишь его простотой и непритязательностью. Или же можно сказать, что эта простота многое вмещает в себя и многое делает возможным. Прежде всего – потому что в календаре заложен принцип повторяющегося (или повторимого) цикла. И хотя в тотальном принятии линейного времени была, казалось, отринута цикличность, она постоянно возвращается в тех или иных формах и проявлениях. В частности, как календарь – она всегда с нами.

Попытка вновь включить историческое время в космическое, циклическое и бесконечное время – это способ справиться с ужасом перед историей и обрести хоть какое-то будущее. И еще это способ обнаружить смысл и оправдание историческим событиям за пределами самой истории. Ведь в циклической картине мира источник энергетики протекающих процессов лежит вне мира людей – в области трансцендентного.

Замкнутый круг, по которому движется исторический процесс, внятно описан в индийской традиции как последовательное чередование четырех юг в рамках большой маха-юги: это сатья-юга, трета-юга, двапара-юга, кали-юга. Чем дальше – тем более проявленными становятся процессы деградации, тем меньше срок человеческой жизни. Завершение кали-юги сопровождается катастрофой, в результате которой мир рождается заново. И все повторяется. Интересно, что подобные концепты бытовали не только в древней Азии, но и в Мезоамерике. В европейскую культуру циклическое время было внедрено как представление о чередовании Золотого, Серебряного, Бронзового и Железного веков.

Интересно, что каждый последующий «век» оказывался короче предыдущего. Может быть, сокращение стадий истории до поколенческого шага – просто продолжение этой «циклической» логики? Ряд исторических теорий и концептов обязаны своим существованием проникновению элементов цикличности в доминирующую логику линейного исторического процесса. Примером может служить подход плюрално-циклический.

Но даже современные традиционалисты встраивают представление о циклах в координаты линейного времени (например, через аллегорию спирали). Покуда от Рождества Христова они высчитывают даты близящегося конца Железного века и за пять тысяч лет до него видят начало минувшего Золотого века – они смиряются с диктатом линейного времени, христианской цивилизации, глобализованного мира и его способа синхронизации.

Цивилизационные циклы

Циклическое время подразумевает знание о будущем. Некое его видение есть и в христианской традиции истории. И хотя в целом объективный характер современной науки истории и не позволяет ей выносить суждения о будущем, это оказывается возможным в рамках одного из ее разделов. Это История цивилизаций, где доминирует не унитарно-стадиальный, а плюрално-циклический подход. В основе его лежит выделение неких самостоятельных отделенностей, дискретностей как субъектов исторического процесса.

В рамках плюрално-циклического подхода история выглядит как сочетание траекторий отдельных сообществ. В «морфологии всемирной истории» Освальда Шпенглера во главу угла ставились мировые культуры, у Самюэля Хантингтона – цивилизационные общности, у Льва Гумилева – этносы в их становлении и развитии. Каждый из выделяемых субъектов проходит периоды зарождения, расцвета и упадка, и каждый раз – витиеватым, неожиданным и неповторимым способом. Но абрисы будущего такой общности в рамках плюрално-циклического подхода усмотреть можно. Прежде всего – вычленив общие закономерности. Ведь есть же статистика, если субъектов исторического процесса несколько и среди них немало тех, кто прошел полный цикл.

Источник энергетики этих процессов осознается как проблемный: почему вдруг некая общность идет в гору? Вот очередная лагуна, смысловая и содержательный провал. Гумилев решает эту проблему, выходя из плоскости истории в космо-географию.

В принципе, и повсюду, плюрално-циклический подход почти не «замечен» в работе на службе синхронизации. Может быть, именно поэтому среди прочих исторических дисциплин и дисциплинарных полей он пребывает на птичьих правах бастарда. А между тем в нем преодолеваются пессимизм объективной истории, бессмыслица цикличности и даже непробивная равномерность линейного времени. В схемах цивилизационные траектории представляют собой пересекающиеся и даже накладывающиеся друг на друга

кривые, с неожиданными изломами и перепадами. Их время не так уж однородно и не однонаправленно.

Но приверженцы плюрално-циклического подхода пристраивают свои схемы к привычной линейной шкале с точкой Рождества Христова посередине. Точно так же, как современные традиционалисты, когда рисуют свои циклы.

Неприкрытая симпатия хранителя к плюрално-циклическому подходу может быть списана на извечное предпочтение хранить отдельности, дискретности: понятнее, как их хранить. Это касается не только хранителя; совсем скоро это коснется всех.

Захоронение истории

Вообще понятнее, как с дискретностями работать, как с ними совладать. Потому из управляющей позиции возник лозунг: разделяй и властвуй. Из самоуправляющейся позиции возникает лозунг: отделись и будь свободен. Атомизация общества – оборотная сторона эмансипации и ее неизбежный спутник.

Если человек ищет свободы, это значит – он ищет независимости, отделенности от довлеющих структур. И это не только структуры социума: это и структуры коллективного бессознательного, и оковы тела (обреченность на генетику, пол и возраст), и земное тяготение. Тренд фрагментаризации, обозначенный в докладе Сергея Дацюка на FFF¹², коснется не только способов человеческого общежития. Он проявится во всех сферах, где человек ищет свою свободу. Он обязательно коснется и времени.

Об эффектах разновременья уже сейчас можно судить по реалиям интернета: там легко позабыть не то что про Новый год с Пасхой, а про день и ночь, про собственный возраст, про законы последовательности! Можно обитателям интернета навязать распорядок? Честно говоря, мне это дается с трудом даже по отношению к моей четырнадцатилетней дочери!

12 Архив заседаний клуба FFF, № 13, доклад С.А. Дацюка 28.05.2011 «Город фрагментированного мира».

Всегда находились те, кто имел смелость жить сообразно своему собственному течению времени, не встраиваться в общепринятую линейную шкалу. В жестких социальных структурах это был вызов, теперь – почти обыденность. «Своевременных» людей будет становиться чем дальше, тем больше. И даже более того – не обремененные диктатом целостности, скоро люди привыкнут выбирать ad hoc подходящий тип времени. Призыв древних традиций стать свободным от самого себя, от устойчивой личности станет массово реализовываться, и фрагментом этого делания станет работа со временем. Вероятно, и игра со временем тоже.

«Чресполосица времен» крайне усложнит общественную коммуникацию и взорвет привычные устои общежития. Линейное время совсем скоро перестанет быть ориентиром для критической массы большинства. Это уже больше не будет адекватный инструмент социализации, человеческие общности затребуют новых инструментов. И история, как наука и общественная институция, потеряет смысл. Что она без своей синтагмы?

На место ключевого для истории представления о последовательности придет рефлексия одновременности. Невозможно долго игнорировать опыт одновременного и разного. Даже оргтехнические схемы по мере истончения внешних слоев перестанут работать: управляющая позиция верхнего слоя будет все более неубедительной, не всевластной, а лишь одной из возможных в этом фрагментированном мире.

Каузальность будет отменена волюнтаризмом. По мере дальнейшей эмансипации человека волевое беспричинное действие станет определяющим фактором жизни, как индивидуальной, так и общественной. Причем это проявится и в плане пространственном (ослабление зависимости от внешних факторов), и в плане временном (преодоление собственной инерционности и реактивности).

На место объективности придет признание того, что возможное количество версий истории столь же велико, как и количество субъективных взглядов на нее. Постмодерн с его пафосом раскрепощения давно пытается в этом убедить весь мир. Так одолевается робость и перед историей, и перед будущим.

Что же останется от истории? Интенция вылущивать смыслы времен? Вероятно, это будет происходить, но на индивидуальном уровне. Опыт жизни уже сейчас соразмерен шагу исторического обобщения, и, как было отслезено выше, этот опыт может стать адекватным мерилем постижения исторического процесса. Тренд микроистории, противостоящий стагнирующей макроистории, выделяет, в частности, Николай Копосов. Он пишет о «возвращении субъекта»¹³ в историю, а вместе с тем и предупреждает, «что делает микроисторию уязвимой с логической стороны – это сохраняющаяся потребность в некоторой общей рамке, которая придавала бы смысл микроисторическим изысканиям»¹⁴. Или же, говоря языком школы Анналов, не нужно упускать из виду долгосрочную перспективу, «длинное время».

Самоопределение vs синхронизация

В историческом процессе есть и прошлое, и будущее, а не одно лишь прошлое, на котором сосредоточена пока история. Осознание смыслов времен обязательно распространяется на будущее. Но будущее не может быть единым на всех. Будущее вообще есть не у всех. Оно индивидуально, как и время: все идет к осознанию этого.

Собственное будущее еще нужно выбороть и отстоять. Пока вы подвержены синхронизации, своего будущего у вас нет. А синхронизация успешна, покуда есть единое на всех время, линейное время истории. Синхронизация властна над конкретным человеком до тех пор, пока жажда свободы не вытолкнет его в свое собственное измерение, пока он не обретет своего уникального времени. Не будет одного толчка на всех. Отказавшись от усилия, человек остается под властью синхронизации и тех иерархий, которые ее поддерживают. Или – выбирая щадящие выражения – под властью инерционно дрящегося настоящего.

Наверное, этот прыжок будет проще осуществить в мире фрагментированном: он станет нормой жизни, *comme il faut*. Хотя не стоит упускать из внимания, что синхронизация тоже будет совершенствовать свои инструменты, и прибегать не только лишь к *soft power* истории, но и к *hard power* оружия.

13 Копосов Н. Как думают историки. М., «Новое литературное обозрение», 2001, с. 24.

14 Там же, с. 46.

Доступ к индивидуальному будущему происходит через самоопределение: через обретение и реализацию уникальных смыслов. А вообще самоопределение может быть выражено через временные понятия: как генезис принципа плюс шаг в будущее. Это определение хотелось бы добавить к тем, что прозвучали на семинарах КДКД, где около года обсуждалась тема самоопределения. В частности, Владимир Никитин и Юрий Чудновский предложили схему, где самоопределение крепнет в процессе самостояния (удержания сдвига) и самодвижения (реализации перемен в мире)¹⁵.

Думается, самоопределение станет не только темой обсуждений дилетантов; оно обречено стать дисциплиной – искусством и даже, возможно, наукой. Как наука самоопределение заполнит те лакуны, которые хранитель обнаруживает в истории. Эти лакуны указаны выше: невнятная позиция относительно источника энергетики исторических процессов, бессмысленность линейного времени, отсутствие будущего и вообще перспективы. К этому следует добавить претензии к позиции историка: пессимизм, противоречивость и манипулятивность или – что еще хуже – сервизм.

Речь идет не о научной революции. Уже хотя бы потому, что историю нельзя причислять к «нормальным наукам»: она заведомо диахронична, процессуальна и в этом смысле перманентно революционна. Ожидаемый парадигмальный сдвиг нельзя приравнивать ни к одному из известных на сегодня в истории науки, даже к той смене гештальта, которая в 50–70 гг. XIX века породила науку историю как таковую. Смена всегда предполагает появление некоего нового инварианта. А тут их появится необозримое количество.

Это не смена, а отмена гештальта – как того взгляда, который предполагается как единственно правильный (пусть это единство компромиссно и неискренне) или даже просто недостижимый идеал. Единого взгляда, единой позиции и единого на всех описания – не будет!

Итак, история как интенция понимания смыслов времен станет обязательно топической, позиционной. Тогда и «историей» ее можно будет считать раз-

15 Репортажи заседаний КДКД. Блог КДКД в Живом Журнале: <http://club-seminar.livejournal.com/7184.html>

ве что в кавычках. Мы привыкнем признавать истинными противоположные «исторические» концепты, если они выдвинуты из реально противоположных позиций, продиктованы самоопределением.

Значимое и разное, которое до поры сглаживалось диктатом линейного времени, воплотится и оформится в смыслы. Траектории этих смыслов породят новые нелинейные времена, новые принципы и логики разворачивания исторических процессов. По результатам немного похоже на плюральноточечный подход, правда?

Синкайризация

Есть у самоопределения, впрочем, такой аспект, который может оказаться страшнее всех его явных позитивов: одиночество. В своем времени, в своей реальности. Это фатум и жребий всех индивидуумов, стремящихся к свободе, ищущих и достигающих ее. Фрагментаризированный мир вынужденно будет искать решения этой проблемы, которая в будущем станет уделом не единичных романтиков, но – масс.

Всегда были одиночки, которые игнорировали ход истории, и всегда были одиночки другого типа, которые ход этой истории нарушали. Если первых можно соотнести со стилем Инь восточных единоборств, то вторые соотносятся со стилем Ян. Но только общаясь, они составляли сообщества, которые сдвигали исторический процесс. Эти общности несли в мир Иное, которое становилось будущим. Наука история это подтверждает, вот только выводы приходится делать самому, в процессе самоопределения, так сказать.

Ту роль, которую играли эти сообщества в истории, уловил Гумилев, и дал им имя «консорции»: «группы людей, объединенных одной исторической судьбой»¹⁶ – мафии, секты, творческие и политические группировки, торговые компании. Как акторы исторического процесса, консорции видятся извне. Но изнутри, исходя из индивидуальных процессов самоопределения, они видятся иначе и ждут своего названия. Я бы назвала их «кланами» – в том смысле, в котором говорят о мафиозных или магических кланах.

16 Гумилев Л. Конец и вновь начало. М., «ДИ-ДИК», 1997, с. 52.

Основания для кристаллизации этих сообществ всегда глубоко интимны и почти не транслируются вовне. Вовне они кажутся, в лучшем случае, иррациональными, хотя в них, как правило, присутствует своя логика и даже своя прагматика. В клан нельзя вступить – в нем можно оказаться. Это может потребовать усилий, впрочем, не формализуемых и связанных с внутренними процессами. В любом случае их участников отличает глубокая эмоциональная вовлеченность. У них есть особые права друг на друга, но прежде всего потому, что они ввязаны в реализацию некоего общего принципа, который свел их вместе.

Мир эти общности не любит, потому что связности внутри них сильнее обыденных связностей «в миру». И они могут за счет этого менять сам мир. Именно через них прорастали зерна будущего. Но прежде должны были появиться индивидуальные самоопределения, и они должны были соотноситься. Причем они могли соотноситься вопреки времени и пространству: апостол Павел не был непосредственным учеником Христа!

Итак, шаг самоопределения всегда индивидуален, но может оказаться синхронным чужому шагу. Опять синхронизация? Хотелось бы отделить это слово со всеми его коннотациями от процессов самоопределения. Для этого стоит обратиться к древнегреческому. Приставка «син» означает согласование, совместность, корень «хронос» – время, человеческий и общественный аспект времени. В Греции, однако, бытовало представление и о другом времени, как счастлимом мгновении: «кайрос». Это же – время перемен, время шанса. Если «хронос» было количественно исчисляемым временем, то «кайрос» был качественно особенным. Согласование разнотипных индивидуальных времен – всегда качественно уникально. Пусть согласование свободных времен называется «синкайризацией». Может быть, в новом фрагментированном мире кланы как общности самоопределившихся индивидов будут создаваться благодаря именно синкайризации, согласованию индивидуальных времен. В этих общностях не будет одиночества.

За ЭКОНОМИКОЙ

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
«Конец экономики. Начало...»,
ПРОХОДИВШЕЙ В КИЕВЕ 12–14 ДЕКАБРЯ 2011 ГОДА
ПО ИНИЦИАТИВЕ FFF

За экономикой

Юрий Чудновский

Вершина моей экономической практики – получение кредита в банке. С точки зрения практического опыта я больше ничего про экономику не знаю. Но, если стоит задача, касающаяся будущего, то в этом вопросе профессионалов нет. Главное – не говорить однозначно и не загонять себя в жесткий логический дискурс.

Готовясь к этому выступлению, я смотрел какой-то сериал. И там романтически настроенная девушка говорила с каким-то плохим дядей. Дядя говорил, что все продается, а девушка отвечала, что не все – вот любовь не продается. Плохой дядя сильно смеялся. ... Это эпиграф к моему сообщению.

После этого телевизионного фрагмента я присоединился к позиции девушки и провел черту: стал выписывать в столбик, что продается, а что не продается. Думаю, это поможет мне обсуждать тему экономики.

Сообщение будет состоять из четырех маленьких фрагментов: «игра слов», «игра миров», «игра позиций» и «игра смыслов».

Игра слов

Представим себе две колонки. В правую записываем то, что «Нельзя купить» согласно идеологии «Не все продается». В левую – то, что можно. Идеология левой колонки «Все продается и покупается». Заполнять колонки будем парами, начиная с правой.

Начали:

Нельзя купить любовь – это в правой колонке. В левой – можно купить секс.

В правой: нельзя купить здоровье. В левой – можно купить борьбу с болезнями. Ну, еще – фитнес. Еще – здоровое питание, хотя никто не понимает, что это такое: что такое человек – неизвестно, откуда же знать, как (чем) его кормить.

В правой – Смерть. В левой – убийство.

В правой – Опыт. В левой – профессии, компетенции, квалификации.

В правой – Вера. В левой – обряд.

В правой – Творение. В левой – креатив.

В правой – Покой. В левой – релакс (или «Персен», который «... успокоит»).

В правой – Совесть. В левой – право.

Ну, и самое главное: в правой – Смысл. В левой – контент.

Игру можно продолжать бесконечно. Но уже ясно, что между списками есть принципиальная разница, принципиальное различие. Во-первых, по словам. В правой колонке – то, что «обретается» (обретается смысл, опыт, покой ...). В левой – то, что при-обретается, то есть немножко обретается, не полностью, частично.

Причем если посмотреть на всю схему целиком, то оказывается, что граница между двумя колонками – непроницаема. Сущности, которые не продаются, не могут быть перенесены в другую колонку. И наоборот, то, что можно продать, не может быть перенесено направо.

Вообще складывается впечатление, что это два принципиально разных мира. Так к ним и буду относиться: это два разных мира. И главное их отличие (если занять внешнюю по отношению к обоим, исследовательскую позицию) – один целостный (точнее, мир целостных сущностей и смыслов), второй – фрагментарный. То есть все сущности левого мира являются микроскопическими фрагментами правого.

Еще немного игры слов.

Есть еще какие-то особые слова, которые без изменения написания можно отнести к любому из миров. Но даже для таких слов очевидно, что смысл их принципиально различен при помещении их в тот или иной мир.

Например: свет. Или так: справа – Свет. Слева – свет как движение фотонов. Разница очевидна.

Или: Космос и космос.

Или: Слово и слово.

Или: Человек как подобие Божие и человек – покупатель-продавец.

Эти две колонки – игра слов. Это очень увлекательная игра – разносить слова по разным колонкам.

Игра миров

Получается, что это два принципиально разных мира. И мы начинаем переходить к игре миров. Два мира, и между ними есть граница, и ничего впрямую из правой колонки в левую перенести нельзя. Граница или мембрана – это надо еще обсуждать. И что это (граница, пропасть, мембрана), и как она устроена.

Прямой перенос из колонки в колонку невозможен. Но эти два мира – оба – представлены друг в друге. Конечно, в рамках правого мира есть покупки и продажи, существуют некие отношения, но они включены в логику целостности. В правой колонке – целостные сущности. В левой – частности, фрагменты. И каждая из целостностей объемлет, включает все другие: любовь включает и покой, и смысл, и здоровье.

Мир фрагментарный все время пытается сложить из себя целостность, но она постоянно разваливается. Эту целостность сейчас удерживают юридико-экономические отношения. Здесь есть Хранители мира (юристы и экономисты). Но и в правой есть Хранители – просветленные. Проект Хранителей (юристов и экономистов) вроде бы понятен. Мы видим активные попытки сохранения, начиная от послевоенного мироустройства и кончая системой права. Хранители вынуждены заниматься политикой. И теоретики-экономисты тоже в эту позицию вынуждены себя загнать.

Левая колонка – это мир социальной организации. Чтобы сорганизовать общественные отношения в рамках синхронизации, все здесь вынужденно сведено в одно время. А в правой колонке многовременной мир, и у каждого слова есть свое время. И они могут сосуществовать одновременно, парал-

лельно, не вытесняя друг друга, а каждый раз устраивая игру времен. Множественность – это каждый раз пересборка всего остального в рамках выбранной позиции.

Для того чтобы перейти к единому времени, социальной организации и дискурсивному мышлению (оно в левой части только и пребывает), приходится все целостные сущности обрезать до фрагментов, которые могут быть удержаны в рамках единого времени.

В левом мире мы переживаем какие-то потрясения, кризисные явления: эти фрагменты очень плохо стыкуются между собой. А еще идут постоянные атаки со стороны Иного. Для левого мира мир целостных сущностей враждебен, потому что он требует пересмотра оснований этого мира. С ним нельзя жить. Отсюда попытки продвинуть границы того, что покупается. Мир покупок и продаж постоянно пытается атаковать зону Иного. Но зона Иного вносит потрясения в мир фрагментарный, и гораздо более серьезные.

В то же время миру целостных сущностей приходится мириться с тем, что есть нечто продающееся и покупающееся, в том числе и в мире целостностей.

Итак, мир «Продается не все» и мир «Все продается» – два принципиально разных мира. Между ними непроходимая граница. Оба реальны. Оба реальны по-своему, поскольку по-разному задают понимание реальности. Для одного реальность видима, воспринимаема органами чувств, постижима. Для другого – переживаема.

Для одного реальность фрагментарна, и главная проблема – как ее «сшить». Причем сшитое опять рвется и опять приходится сшивать. Другой мир – целостен, множественен, там каждая сущность по-своему собирает целое, и одно другому не вредит.

Еще раз: один – мир целостностей, второй – мир фрагментов, частных. Оба реальны. Оба существуют одновременно. Оба являются мирами человека. Каждый из живущих причастен обоим мирам. Граница миров проходит по каждому из нас. Человек может перемещаться из мира в мир и по-своему прочерчивать границу между ними.

Каждый из миров претендует на всеобъемлющность. А весь противоположный мир интерпретирует как Иное. Точнее, пока иное, которое за счет усилий Хранителей мира (о позициях чуть позже) предстоит включить полностью в этот (свой) мир.

Фрагментарный мир, как может, осваивает мир целостностей за счет синхронизации. Фрагментарность – вынужденная плата за синхронизацию. Фрагментарный мир – мир линейного времени. Только так может существовать и взаимодействовать сообщество.

Игра позиций

Взаимодействие этих двух миров вроде бы создает переживаемую нами сегодня коллизию.

Когда мы обсуждаем позицию странника, получается, что странники существуют для того, чтобы видеть странность (это не от слова страна!). Это движение между двумя мирами и удивление по поводу того, как же это может быть: невозможно ведь покупать любовь (и начинается удивление) и невозможно жить, пребывая в целостной сущности. То есть граница проходит по организму каждого из нас. И каждое действие приходится перенастраивать по границе, то есть двигать границу внутри себя.

Владимир Африканович подарил мне замечательное выражение: «истина, не имеющая смысла». И здесь живут истины, не имеющие смысла. Потому что смысл на правой стороне. В зоне фрагментов, осколков, урезанных сущностей смысла нет.

А поскольку они, как правило, не соотносят себя с целостными сущностями, то и построение осмысленного пространства оказывается невозможным, оно постоянно подвергается разрушениям, катаклизмам и кризисам. Каждый раз кто-нибудь пытается сделать иерархическую структуру из фрагментарного мира. Фрейд пытался доказать, что во главе всего секс, экономисты – что во главе всего экономика, медицина говорит, что все делается для поддержания здоровья, и через это начинают выстраиваться представление и подходы

к организации всего мира. Но всегда эти попытки заканчиваются ничем. Получается мелкая частность. Тут много должно быть миров, и они собираются из фрагментов и частных сущностей. Каждый раз кто-то залазит наверх, и все рушится.

А в правой части работают субъекты неких духовных практик. Как они работают, в каких организованных живют, как относятся к миру социальной организации – не очень понятно. Между этими двумя способами организации жизни лежит пропасть.

Но все еще хуже. Слева – это не фрагменты сущностей. Это проекции фрагментов больших сущностей, достаточно плоские. И думаю, что сегодняшний наш разговор должен вестись хотя бы на этих двух плоскостях. Потому что между ними есть еще и другие типы человеческих пространств. Например, искусство, которое постоянно болтается, смещаясь от целостных смыслов к продаже и рынку. Есть странные вещи, которые имеют общее название «игра» ...

Но важно, что вне этих двух пространств тему не раскрыть.

Игра смыслов

Смысл – это отношение Замысла Творения и Ситуации Творения. Вне Творения нет смысла. А Творение – это только в мире целостностей. В мире, где все продается, аналогичную функцию выполняет «значение» как отношение между Проектным замыслом и проектной ситуацией.

Мы себя рисовали как Основатели с главной функцией творения. Идея состояла в переходе от идеологии развития (это всегда реструктурирование частностей) – к идеологии творения.

За экономикой (к критике советской экономики)

Александр Левинтов

Лаборатория региональных исследований и муниципальных программ приступила к работе, имеющей пока условное название «Советская экономика».

В основе этой работы – рефлексивные рассказы весьма авторитетных экспертов, экономико-географов и экономистов-размещенцев о теории и практике советской экономики – уникального явления в хозяйственной и экономической истории. Строго говоря, это исследование надо было проводить 20 лет тому назад, но, хочется верить, не поздно и теперь.

В качестве основания к критике советской экономики лежат два авторских текста: «Экономическая система» и «Новая экономика».

Экономическая система

Экономическая система представляет собой три важнейших элемента, где один включен в другой. В самой сердцевине лежит экономическая синтагма, поверх нее идет экономическая парадигма, а поверх парадигмы – экономическая прагматика.

Необходимо отметить, что устойчивость схемы и вообще системность этой конструкции обеспечивается непротиворечивостью – как внутри каждого из этих слоев, так и между этими слоями.

Синтагма экономической системы – это механизм ценообразования. Исходное значение слова синтагма (в переводе с греческого на латынь) – конституция. Конституцией любой экономической системы является механизм ценообразования.

Рыночный механизм ценообразования представлен маркой производителя (при этом производители должны быть во множественном числе и достаточно независимы друг от друга) и маркой потребителя (представленной группой не зависящих друг от друга людей, а главное – не зависящих от производителя).

Но на рынке, конечно, потребитель и производитель не встречаются, встречаются покупатель и продавец. Поэтому существует марка покупателя и марка продавца. Ясно, что марка продавца в экономической действительности определяется издержками производства плюс определенная норма прибыли, и ниже этого уровня торговля становится для продавца бессмысленной. А марка покупателя определяется стандартами качества жизни, а стало быть, образом жизни. И рыночный механизм ценообразования – это удивительное изобретение Господа Бога, поскольку любая точка между маркой покупателя и маркой продавца взаимовыгодна, а поэтому механизм работает автоматически, сам по себе. Главное – марка покупателя всегда выше марки продавца в силу того, что человеческому сознанию свойственно иметь образ жизни и образ себя более возвышенный, чем сам человек и его жизнь. Человек обычно не покупает то, что может унижить его человеческое достоинство. Надо сказать при этом, что обе марки представляют собой коммерческую тайну и продавца, и покупателя, что и является фабулой любого торгового дела.

Таков рыночный механизм ценообразования, но это далеко не единственный механизм. Мы, например, знаем классовый механизм ценообразования, который был введен в нашей стране Лениным в самом начале 20-х годов, когда пришлось вернуться к деньгам, к финансам. Если до революции за одну корову давали, условно говоря, сто аршин ситцу, то после введения классовых «ножниц» в пользу горожан и в ущерб крестьянам за одну корову стали давать только пять аршин ситцу.

Есть социально-ориентированное ценообразование, характерное для социалистических стран, например Норвегии и Испании: здесь невыгодно производить и продавать предметы роскоши, но выгодно производить и продавать товары для бедных и среднего класса. Это делается для выравнивания соци-

альных градиентов, и поэтому даже очень бедный норвежец смотрится весьма прилично.

Существует военно-ориентированный рынок. Так как СССР и Россия не вылезают из военных приготовлений и войн, наша экономика носит во многом такой военно-ориентированный характер ценообразования. Мы ходим в достаточно задрипанном виде, зато наши ракеты, наши подлодки, наши атомные бомбы берут свое. В 70–80-е годы США продавали на шесть с половиной миллиардов вооружения, а мы – на двенадцать с половиной. И не было такого реакционного режима, который бы мы не снабжали своим оружием.

Есть еще один интересный механизм ценообразования, очень развитый в современной России – власти-ориентированный механизм.

Ужас российской и отчасти украинской ситуации заключается в том, что экономическая синтагма включает в себя все эти механизмы, и это – неструктурированная смесь, не имеющая форм регулирования. В результате происходит дефрагментация, декомпозиция российской экономики, сведение ее к ВПК и добыче углеводородного сырья.

Что касается парадигмы, то она представляет собой учения, школы, научные системы. К марксистской политэкономии социализма, теории ТПК Колосовского, региональной экономике СОПСа мы пытаемся добавить кейнсианство, теорию размещения Леша, теоретические разработки Хаггета, Бунге, консалтинговые идеи Портера и другие несовместимые с отечественными, экономические школы, учения и методы.

Эта внутренняя противоречивость экономической парадигмы самым негативным образом сказывается и на синтагме, и на прагматике.

Экономическая прагматика – это очень широкий спектр практик. Сюда относятся финансы и деньги, всякого рода экономические институты, экономическое право, практика экономических отношений, экономическая политика, экономическая статистика, конъюнктурный и экономический анализ и прогноз. Прежде всего, в прагматике налицо понятийная катастрофа: под названием деньги функционируют не деньги, а мелкооптовые рынки, по сути –

розничные, банки представляют собой филиалы Центробанка, и всё это происходит в декорациях коррупции и теневой экономики.

Завершить этот обзор экономической системы надо тем, что внутри синтагмы, парадигмы и прагматики наблюдаются жесточайшие конфликты и противоречия. Но самое страшное то, что и между ними – сплошные противоречия и проблемы.

Новая экономика

Прежде чем обсуждать новую экономику, представляется необходимым восстановить культурно-исторический контекст экономики.

Колыбельная, или примитивная, корпоративная экономика возникла первой, когда племена жили достаточно автономно, в режиме самообеспечения, и почти не соприкасались друг с другом. Единственное, чего хронически не хватало, – так это женщин. Ради них шел и обмен, и войны, и дарения.

Колыбельная экономика отличалась очень простыми механизмами. Даже механизма ценообразования как такового не было.

Уже в античное время появляется новая экономика, которую можно совершенно обоснованно назвать *символической экономикой*. Греческое слово «символ» означает «половина». Любой продукт становится товаром, если имеет описание себя и цену себе. Именно тогда возникли деньги. Гомер, например, денег не видел, и не потому, что он был слепой или очень бедный, а потому, что при Гомере денег еще не было. И деньги были, безусловно, символом. С одной стороны – изображение Бога, с другой – его символ: этакая двойная символизация. Цезарь оставил изображение Бога с одной стороны, а свое изображение – с другой. Отсюда и появилось выражение Христа «Богу – богово, кесарю – кесарево». Символическая экономика просуществовала как доминанта до конца крестовых походов (XIII век) и даже несколько позже. Символизация жизни к этому времени достигла максимума. Карнавализация, игровая практика, вообще вся жизнь превращалась в рыцарский турнир и игру, как и деньги той поры. Когда феодал собирался в поход в Святую Землю, он вынужден был

свое серебро, в смысле посуду, переплавить в монеты, на эти деньги покупались ландскнехты, оружие и боевые лошади. Если феодал возвращался – из завоеванного серебра опять делалась посуда.

Символическая экономика некоторое время просуществовала как основная (она существует и сегодня, и не только в Полинезии и Амазонии, но и в нашей жизни). Доминировала она до тех пор, пока в XVI–XVII веках не сформировалась *рыночная экономика*. Этот феномен вообще-то случайный. Понадобился Мартин Лютер с его протестантской этикой, понадобились Великие географические открытия XV–XVI веков, которые вымывали из Европы весь человеческий хлам. В обратном направлении пошел огромный приток золота и серебра из Нового света и еще больший приток крыс, разносчиков чумы.

XVI век («малое оледенение») оказался неурожайным. Причем настолько, что, как пишет Фернан Бродель, во Франции на рынках торговали человечесиной. 84 года неурожая! Это привело к тому, что появился самый дефицитный товар – это труд и носители труда. Это произошло впервые. В античности для свободного человека работа по найму была под моральным запретом, о чем свидетельствует Цицерон. Занятия, искусства – пожалуйста, но только не за деньги, не по найму. А тут люди труда стали самым желаемым, востребованным товаром. Они почувствовали свое человеческое достоинство, в прямом смысле слова, и стали формировать марку покупателя. Только в это время и сформировался рыночный механизм как осознанный механизм ценообразования.

Еще в XIX веке стало ясно, что рыночный механизм может существовать только при доминанте потребителя. А как только доминанта переходит к производителю, рынок схлопывается, поскольку производителю выгоднее не производить, чем производить, что блестяще доказала советская практика 60–80-х годов: все стало в дефиците, и это было крайне выгодно.

На Западе рыночная экономика просуществовала как доминанта до середины 50-х годов прошлого века.

Но тут необходимо введение понятия *принудительной экономики*. СССР был явным выразителем этой экономики, но она присутствовала и в Германии, и в США времен депрессии, и отчасти в других европейских странах. У нас она называлась плановой, в Германии это были четырехлетки Гитлера, у Рузвельта это была программа по строительству гидроэлектростанций и автодорог США, так называемый «Новый курс».

А вот в середине 50-х годов Давид Сарнов, который к тому времени был не просто миллиардером, а советником президента Эйзенхауэра, придумывает телевидение (радиовещание – также его инновация, но 20-х годов). Америку, к середине 50-х годов отстававшую и от Англии, и от Германии, и от СССР, Сарнов поставил в лидеры телевидения. Он заявил Эйзенхауэру: «Мы нашли средство, которым мы уничтожим коммунизм». Дело в том, что телевидение «по Сарнову» было коммерческим. И отсюда пошел взрыв рекламы. Маркетинг фактически перестал изучать спрос – он начал его формировать, навязывать потребителю всё новые и новые потребности в товарах и услугах, предлагаемых производителем.

И делается это на деньги производителя. Поэтому рыночная экономика в середине 50-х стала отходить на задворки и появилась новая экономика, которую можно назвать *побудительной экономикой*. Мы сейчас живем в этой экономике как в доминанте.

Ни одна из перечисленных выше экономик не пропала, не исчезла, все они живут. Если вы придете на любой фермер-маркет, вы столкнетесь там с рыночной экономикой в чистом виде. Например, придорожная торговля – это отголоски колыбельной экономики и т.д.

Если в западных экономиках вся структура более или менее сохраняется в этом «матрешечном» виде, как некая иерархия доминант и историческая последовательность, то в российской истории нет ни исторической последовательности смены экономик, ни их иерархии. Вся трудность и проблемность российской ситуации в том, что всё достаточно «3Г-хаотично»: гетерархично, гетерохронно, гетерогенно. Это характерно для всех новых экономик.

И единственное, что удерживает такие неустойчивые экономические коктейли, – это хозяйство, которое в силу своей неуничтожимости позволяет балансировать и удерживать равновесие такой неустойчивой экономической конструкции.

При этом в России хозяйственные структуры гораздо более живучи, чем в развитых странах. Мы вынуждены любое производство, от шахты до науки, организовывать хозяйственным образом. Ведь мы ведем практически островную жизнь или, в лучшем случае, жизнь на архипелагах, если иметь в виду городские агломерации и промышленные узлы.

Люди хозяйственным образом преодолевают весь этот экономический бардак. И что бы ни происходило – в холодильнике всегда будет полно.

И в заключение несколько слов о предстоящей новой, *игровой экономике*.

Экономика как символ хозяйственной деятельности в этой новой экономике, которая начала формироваться, будет свинчена очень жестко. Товарная масса будет жестко связана с денежной массой, что сделает инфляцию управляемой. В Большой Экономике всё будет принадлежать гигантским ТНК: Boeing, Colgate, Mac Donalds, Microsoft и т.п. Все это будет сделано как средство выхода из глобального кризиса, и потому все с этим согласятся. Но это породит игровую ситуацию на «трибунах», наблюдающих конкурентную битву гигантов.

В Бразилии есть популярная подпольная лотерея: в фавелах делают ставки на государственную лотерею и играют буквально по копеечке, но с азартом, достойным миллиона. И вот, сидя на трибунах, мы, потребители и наблюдатели, будем играть в эту игру: кто гол забьет, Honda или Colgate? Будем играть в эту копеечную экономику и станем субъектами этой экономики. Мы будем развлекаться как хотим, и это будет явлением массовым.

И при этом Большая Экономика будет засекречена. Она уже сейчас сильно засекречена. Что мы видим по телевизору и вообще в рекламе? Вовсе не реальные производства или финансовые технологии. Мы видим волшебство и загадочность, бегство от действительности, антропоморфность, тотемич-

ность, символичность, ложные смыслы жизни, обладание как суррогат счастья, ложное творчество, ложные роли, игру на черно-белых и иных контрастах. Что мы видим в рекламе финансов? Фрагмент заманчивой жизни, обманывающий нас, но не финансовый механизм и финансовые фокусы.

И последнее замечание: смены экономик заметно убыстряются. Колыбельная экономика сменилась символической, просуществовав около 40 тысяч лет. Символическая доминировала полторы тысячи лет, рыночная – 500 лет, принудительная – 70, побудительная – 50–60. Сколько просуществует игровая?

За экономикой

Владимир Никитин

Эмпирически понятно, что в кризис все спасают себя, страну. Всегда есть горящие дела. И немногие заняты другим: пытаются не тушить, а понять, в чем дело, построить некую траекторию выхода.

Мы убедились, что надо создавать особые точки, локусы, где будущее обсуждается, – спокойно и «по гамбургскому счету». За это мы и взяли некую ответственность – создавать коммуникативные площадки, проекты, исследования для обсуждения будущего. Мы пришли к выводу, что единого будущего для всех не будет, что траекторий будущего много, что будущее есть не у всех и не всем оно надо. Будущее наступает только тогда, когда ты его делаешь. Построение будущего начинается в детстве и не прекращается всю жизнь. А подавляющее большинство людей не видит этих новых траекторий, не признает, что такое существует.

Устойчивое заблуждение большинства состоит в том, что они предполагают, что сильно могут измениться технологии, климат, но не основания современной нам экономики и соответственное социальное устройство общества.

Экономика – это прежде всего хозяйствование. И первый вопрос: о каких хозяйствованиях идет речь? Кто является хозяином? Я про это говорить сегодня не буду, хотя этот вопрос важен.

Та экономика, которую рассматривают сегодня в университетах, возникла в условиях достаточно простого понимания мира. Модели понимания мира были проще, чем те, что возникают сегодня. В первую очередь были проще физика и астрофизика (хотя квантовая механика уже появилась), проще представления об эволюции, и самое главное – проще представления о социальном мире, его развитии. Было распространено представление о восходящей линии развития и наличии законов, по которым эту восходящую линию

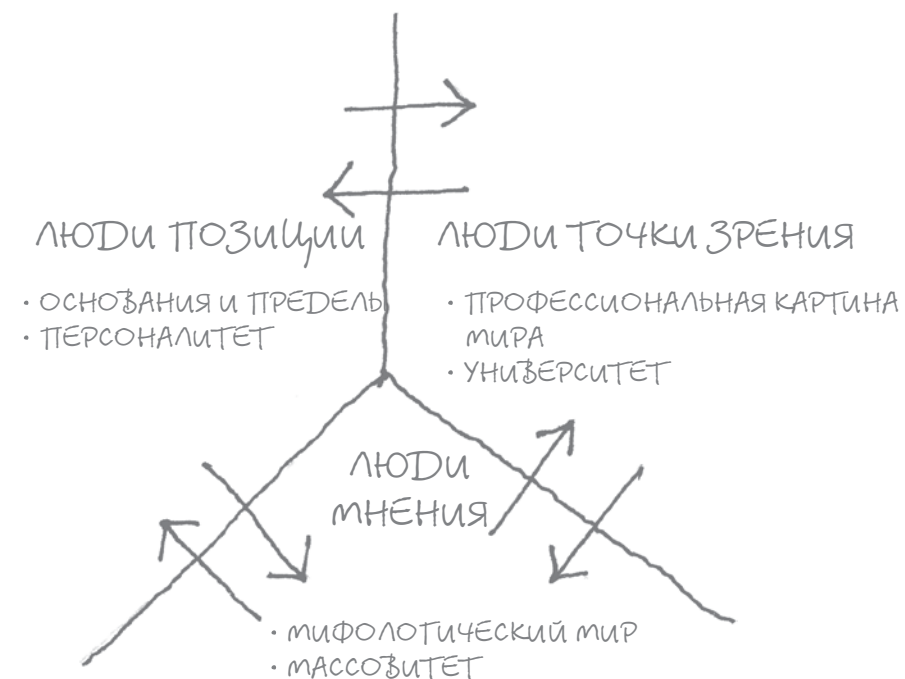
можно задать. И само выделение экономики как особой области рассмотрения – событие историческое. Она возникла в определенное время. У нас доминирующую сегодня форму экономики выделяют, среди прочих способов хозяйствования, словом «рыночная», хотя рынок уходит в историю весьма далеко.

Нам необходимо понять, зачем сегодня нужна новая форма объяснения социальной жизни и хозяйствования?

Потому что условия изменились. Предположим, что мы должны в связи с этим изменить представление о том, что есть экономика, по сути и по формам.

А тогда вообще нужна ли такая интеллектуальная конструкция и кому?

Полагаю, что разные формы представлений об экономике определяются разными местами носителей этих представлений в обществе.

НОСИТЕЛИ МНЕНИЙ

Люди, которые имеют мнения, живут преимущественно в границах социального мира и «питаются» в основном слухами, шаблонами СМИ. Есть массовое мнение и постоянное напоминание СМИ, что наступил кризис. Этот кризис для них – не теоретическая конструкция, это конкретное изменение условий жизни: уровень зарплат и неопределенность будущего. Отсюда социальное давление, которое люди мнения оказывают на мир. И мы видим по телевизору демонстрации в Греции и Испании, связанные с тем, что люди хотят жить, как раньше. А подтянуть пояс, жить по средствам – для них неприемлемо. И они говорят, что система управления не годится, требуют отставки правительства. Это в мире мнений.

А что они делают, чтоб преодолеть этот кризис? Создают локальные деньги, чтоб обеспечить общины защитой от глобальной системы. Действуют на локальном уровне, пытаются изменить финансовую систему.

И есть мир временных множеств (чаще его называют сетевым), и там за счет современных технологий начинают действовать архаичным способом, о котором современная экономика забыла: дарение. Дарение – один из способов экономических отношений, очень древний и мощный, он опирается на идею усиления человеческой связности. Дарите вы для того, чтобы войти в отношения. Дарение увеличивает достоинство, а не богатство. Например, нельзя было приехать к султану и продать ему товар, товар нужно было подарить. Зато султан в ответ мог дать в сто раз больше. Мы забыли о таком, но сейчас в сетях дарение становится одним из видов установления человеческих отношений. Дарение – это защита от мира рыночной экономики.

НОСИТЕЛИ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ, ИЛИ ПРОФЕССИОНАЛЫ

Здесь обсуждается вопрос неспособности системы управления справиться с концом глобализации. И профессионалы ищут выход из этой ситуации. Собираются «восьмерками», «двадцатками». Они видят проблему. Самая главная – количество спекулятивных денег, которые в мире обращаются,

превышает, и многократно, количество управляемых денег. Деньгами уже нельзя управлять.

Мир превращается в большую лотерею, в большое казино, плюс оффшоры... Выход: глобальные или мировые деньги. Еще – электронные деньги. И соответствующие институты, мировое финансовое правительство, которое вернет контроль над системами. И если вы пригласите экономистов обсуждать проблемы экономики, они будут обсуждать их на уровне точек зрения. И преимущественно – технологии, связанные с введением разных типов электронных денег.

НОСИТЕЛИ ПОЗИЦИИ:

НАБЛЮДАТЕЛИ, ХРАНИТЕЛИ, СТРАННИКИ, ОСНОВАТЕЛИ...

Здесь заботятся о восстановлении смысла целого, того, что лежит ниже. А все остальное – инструменты понимания нового смысла. Смысл – отношение между целым и фрагментом. А работать (управляя и создавая) можно только с фрагментами.

Позиция наблюдателя. В этой позиции за последние несколько десятков лет произошли грандиозные изменения. Наблюдатели видят: картина эволюции и сложность описания мироздания возросли на порядок. Наблюдатели изменили представление о человеческом мире, о человеческих цивилизациях, выкинули из этого развитие. Если в прошлых моделях говорили о развитых и неразвитых народах, то нынешний наблюдатель от этого избавляется. Он признает необходимость любого способа и уклада жизни, который сложился. Наблюдатели поняли принцип разнообразия и его значимость для жизни на Земле.

Утвердилось понимание принципа разнообразия (разные экономики, разные уклады) как необходимого условия выживания человечества. Принятая экономическая картина мира с его идеологией «человека экономического» уже лет 20 неактуальна. Рефлектирующие экономисты издеваются над «человеком экономическим», который якобы всегда поступает рациональным обра-

зом. Из этого выведены основные экономические законы. И такой практик, как Джордж Сорос, вывел технику рефлексивного поведения на рынке: на рынке идут вслед за вожаком. Кто-то изображает из себя вожака, организует движение, потом вовремя соскакивает, а остальные попадают...

Позиция хранителя. Тоже произошли значимые изменения. Я хорошо помню, как в течение XX века произошло изменение понимания того, что есть памятник архитектуры. В начале века это были выдающиеся произведения, в середине XX века в памятники архитектуры были включены второстепенные постройки, типа казарм, складов. В конце XX века появилось понимание исторической среды – что охранять надо не памятники, а среду. А сейчас мы приходим к тому, что охранять надо вообще отношение к памятнику.

Таким образом, стремительно расширился объем того, что должно сохранять: от единичных объектов к средам и отношениям. При этом масштаб разрушений сред, объектов и отношений – просто невероятный. То есть хранители не могут ничего сделать с меркантильным отношением остальных к тому, что они охраняют. Хранители находятся в состоянии катастрофического ужаса перед тем, что происходит.

Позиция странника. В связи с изменением нашего восприятия масштабов мира и его сложности изменилось представление о том, где происходит странствие – интеллектуальное, душевное. Появилась идея последних рубежей, в которых странствие осуществимо. Все тропы (и Тибет!) уже захожены, затоптаны. Невозможно найти на Земле место, куда еще имеет смысл совершить странствие. Туризм уничтожил идею человеческого странствия, превратил эту идею в одну из сфер услуг. Поэтому у странника тоже есть недоумение, куда же эти странствия совершать. Разве что уже не в пространстве, а во времени.

Позиция основателя. Распространение именованности, как правило, говорит об исчерпании смысла. Как только менеджерами стали называться все, менеджмент как деятельность потерял смысл. Как только в мире появилось огромное количество фондов, стало понятно, что это начинает себя исчер-

пывать. И хотя мы сами себя назвали Foundation..., понятно, что мы имеем в виду нечто иное.

Занимаясь образованием, я понял, что сегодня никто не может выскочить за пределы идеи университета. Это историческая форма, возникшая в XI–XII веках на основании школ. Помыслить, что высокое образование может быть не университетским, люди не могут. То же с корпорациями: помыслить не корпоративную организацию в бизнесе тоже практически никто не может. У основателей – кризис пределов. Они не могут выйти за те интеллектуальные ограничения, которые им установлены.

И отсюда: базовым процессом, который может и должен поменять представления или смысл нового хозяйствования, является коммуникация позиций. Она должна перейти от той коммуникации профессионалов, которая породила современную экономику, к принципиально новой коммуникации с новыми основаниями, проблемами и пределами. Они установят смысл для тех фрагментов, которые рождаются снизу (электронные деньги, локальные деньги, дарение, клубные деньги и так далее).

Можно зафиксировать несколько базовых переходов. Они разнонаправлены. То есть это смена акцентов: значимое ранее не исчезает, но теряет значимость как рамки.

Переход от кооперативной организации к коммуникативной. Меня учили, что вся история человечества определялась тем, что была изобретена дифференциация по способам занятий, и кооперация между разными деятельностями является основой. И вчера в интернете прочитал, что кроманьонцы победили неандертальцев, потому что неандертальцы были универсальны, а кроманьонцы специализированны. Кооперативные организации являются основой европейской цивилизации, и не только европейской, но и всякой, какие мы знали до сих пор. Они определяют структуру экономики, структуру образования. Но в последнее время при реализации идей сетевого управления оказалось, что в них не работает принцип жесткой кооперации. Кооперация устанавливается разово, в процессе работы команды за счет ком-

муникации. Это движение еще только приобретает размах, оно еще не стало трендом. Но, с моей точки зрения, оно вполне очевидно проявилось, и это одно из организационных проявлений новой общественной организации.

Производство как задача кооперации и экономики сменяется экономикой спекуляций. В экономических работах – все сплошь про производство. Но сегодня происходят социальные возмущения, потому что люди производства перестали определять свою судьбу. Локальные деньги связаны с этим. Ты можешь хорошо трудиться, но спекуляции наверху, к которым ты не имеешь никакого отношения, твою производственную деятельность сводят к нулю. Почему такое происходит? Акцент с производства перетекает в качество и смысл заполнения времени. Это разыгрывается на детях в том числе: попробуйте объяснить подростку, зачем он должен работать, выбирать специальность. Он видит совсем другой мир перед собой, где деньги делаются на заполнении времени (шоу, выигрыши), ему настойчиво повторяют, что не производство делает тебя человеком, а участие в этой большой шоу-игре. Я переживаю за внуков. И понимаю, что этот слом уже произошел.

Лет 20–30 назад для меня ничего выше культуры не было, я сам доктор культурологии. Мы с Г.П. Щедровицким спорили. Он говорил, что базовая субстанция – мышление, а мы спрашивали: «С культурой что? Культура тоже субстанция?» А он говорил о вторичности культуры. Культура сегодня уступает позиции, она становится частью и элементом коммуникации – фиксацией опыта осмысления мутаций.

Значимый переход прошлого века – это переход от господства иерархий к господству и распространению свободных множеств. При этом я – горячий поклонник принципа иерархии. В свое время чтение Псевдо-Дионисия Ареопагита произвело на меня впечатление.

Теперь происходит еще один переход, от неопределенных множеств – к фокусам. Мы это реализуем в идеологии фокусной организации. В методологии существовал термин «фокусное выворачивание», то есть выворачивание картины всего мира через определенную точку. Это принцип организации,

по которому могут быть организованы интеллектуальные клубы. Интеллектуальные клубы – это то, что приходит на смену корпорациям, с точки зрения значимости. Вообще, клубная система будет развиваться, так как множество ориентировано на клубы. Но нужна особая форма клубов, интеллектуальные клубы со своим фокусом. И нужна соответствующая форма образования – Персоналитет.

Подобных переходов зафиксировано много. Важно, что они существуют, по-разному проявляются в названных мною позициях. В них происходит обретение смыслов новой ситуации: фрагменты, которые возникают, должны быть соотнесены с большими смыслами.

И это процессы взаимосвязанные. Если не будет давления снизу от социума, в содержании позиций ничего не произойдет. Потому что изменение смыслов такого типа – это очень тяжелая работа. А участие среднего, профессионального слоя в таком процессе минимально, но важно как среда сопротивления и ограничений на понимание. Новую экономику изобретут не экономисты. Экономисты находятся внутри некоей системы, из которой им вырваться практически невозможно. Они могут ее улучшить, по-новому описать. Но зачать, сотворить новое они не могут. Оно возникает за счет движения снизу и энергии коммуникации между позиционерами. Сегодня этой энергии пока нет.

Средневековую экономику изобретали не экономисты. И вообще, как утверждают, теории в этой области носят конвенциональный и языковой характер. Сама экономика связана с идеологией универсализации и родилась из глобализации. Отсюда попытка найти некий универсальный язык и универсальные правила, чтоб осуществлялась глобализация. Как только глобализация как идея закончилась и как практика перестала работать, появилась необходимость переосмыслить основания.

Все дело в мировоззрении и связи этого мировоззрения с новым опытом. Экономика потеряла чувствительность, будучи слишком универсализированной. Теории экономические – это не естественнонаучные теории. Они

являются обобщением опыта, а опыт изменился. И нужны люди с новым опытом, которые это увидят и осмыслят.

Вот вопросы, на которые надо ответить. И один из них – кто сегодня и здесь, в каком смысле является хозяином, сохраняет свою собственность. Или мы переходим в какое-то другое измерение без привычных нам форм собственности.

ЭКОНОМИКА ПОСЛЕ КРИЗИСА

СЕРГЕЙ ДАЦЮК

Сегодняшний общецивилизационный кризис рассматривается исключительно как экономический. Попытки выйти из кризиса, предпринимаемые правительствами и корпорациями, ограничены исключительно экономическими инструментами. В мировом сообществе возникло стимулируемое интеллектуалами стойкое понимание: повышение уровня потребления больше не стимулирует развитие. Отсюда возникает устойчивое внимание к целям экономической деятельности.

Почему экономика требует переосмысления?

Придуманый Альфредом Маршаллом в конце XIX столетия термин «economics» не поддается адекватному переводу: это и «экономики» и «экономичности», то есть разные экономики и разные способы быть экономическими. Инновация Альфреда Маршалла состояла в том, чтобы не просто заменить термин «политическая экономия» термином «экономикс», но изменить сам подход от рассмотрения одного учения, пусть даже классического, к рассмотрению многих конкурирующих теорий и учений. Эта инновация в принципе не была воспринята в СССР и в постсоветских странах. И сейчас этот подход как-то тяжело приживается в России и Украине.

Классическая политэкономия считала, что экономика имеет собственную единую цель: хозяйствование через создание добавочной стоимости. Классическая политэкономия явилась основой экономизма, когда все многообразие человеческого бытия сведено к экономическому существованию.

Основа экономикс – экономика не имеет своей единой цели, разные цели экономики формируются в политике, а экономика служит их достижению. Разные цели исходят из разных религий и идеологий, то есть из разных систем ценностей. Сегодня существует больше сорока различных экономиче-

ских учений и теорий, из которых реально конкурирующими являются около десятка. Каждая из целей экономики реализуется в той или иной экономической теории.

Некоторые социальные философы, как, например, Славой Жижек, не считают экономикс наукой. Эта недодуманная мысль даже хуже ее отсутствия, поскольку критикует, ничего не предлагая. Что же такое экономикс с точки зрения науки?

Экономикс – это полипарадигмальная наука с внешне задаваемой целевой функцией, которая обеспечивает управление выбором парадигмы. Что это такое?

Давайте посмотрим на парадигмы физики. В физике различается макромир – мир размерностей, сопоставимых человеческому телу и больше, и микромир – мир размерностей меньше размерности человеческого тела. В макромире на небольших скоростях, в условиях небольших энергий, небольшой гравитации действует ньютоновская парадигма. В макромире на скоростях, близких к скорости света, при больших энергиях, большой гравитации действует эйнштейновская парадигма. В микромире действует парадигма квантовой механики. Сейчас происходит постепенное разрушение парадигмы квантовой механики, медленный поиск новой парадигмы, который в итоге повлияет также и на парадигмы макромира. Это упрощенный взгляд на ситуацию в физике. Однако он показывает, что эти несколько парадигм имеют четкие условия и пределы своих интерпретаций физических явлений. Однако в экономикс все совсем не так.

В экономикс есть внешняя целевая функция, которая зависит от тех или иных преобладающих мотиваций в том или ином обществе. Иначе говоря, целевая функция экономикс зависит от условий, исследуемых в цивилизационной антропологии. Разные парадигмы, то есть разные экономические теории, зависят от тех или иных целей (целевых функций) в том или ином обществе. Если цивилизационные мотивации общества разные, то и теории, которыми интерпретируется их экономическая деятельность, будут разные. Рассматри-

вать общество, руководствующееся одной экономической целью в рамках теории, созданной под другую экономическую цель, научно некорректно. Лучше всего это было заметно на бесплодных попытках западных экономистов критиковать экономику СССР, как и на безрезультатных попытках советских экономистов критиковать экономику капиталистических стран.

Непротиворечивость или отсутствие ограничений не является критерием успешности экономической теории, ибо в субъективной деятельности всегда можно придумать механизмы обойти любое противоречие и ограничение. Единственным критерием успешности любой экономической теории является цивилизационная состоятельность ее применения в исторической практике: насколько она соответствовала развитию цивилизации – демографически, социально, экономически, политически, культурно и технологически – хотя бы в течение нескольких столетий. Демографически и социально СССР развивался довольно неплохо. Но в экономической, политической, культурной и технологической сферах запаса социальной энергии хватило лишь на несколько десятилетий. Точно так же до кризиса потребительская экономика позволяла развиваться в основном технологически и культурно, меньше политически, еще меньше социально, еще меньше экономически, и совсем плохо – демографически.

Давайте посмотрим на цели экономики в разных экономических теориях.

№	Цели	Теории
1	Обеспечение жизнедеятельности (хозяйствование)	Физиократия
2	Справедливый обмен и распределение	Меркантилизм, марксизм
3	Прибыль/обогащение	Классическая и неоклассическая политэкономии, маржинализм, манчестерство
4	Социальная занятость	Кейнсианство, неокейнсианство;
5	Обеспечение естественно или искусственно возрастающих потребностей	Неоклассическая политэкономия, в частности монетаризм, а также нейроэкономика

6	Социализация	Институционализм
7	Массовое сотрудничество	Викиномика
8	Оптимальное использование и сохранение ресурсов	Ресурсоориентированная экономика (проект «Венера» Жака Фреско)
9	Высвобождение от работы для самодеятельности	Экономика самодеятельности

В этом перечне есть утилитарные цели: жизнедеятельность, прибыль, обеспечение потребностей. Также частично утилитарные цели: справедливый обмен, социальная занятость, социализация, массовое сотрудничество. И целиком неутилитарные цели: оптимальное использование ресурсов и самодеятельность.

Разнятся отношение представителей названных школ к государству внутри преследуемых ими целей. Не допускают вмешательства государства физиократы, маржиналисты, манчестерцы. Допускают вмешательство государства меркантилисты (протекционизм), марксисты, кейнсианцы, институционалисты. Вмешательство надгосударственных институтов поддерживают неоклассики, в частности монетаристы. Выход экономики за границы межгосударственных отношений в сферу массового сотрудничества ради неутилитарных целей как взаимодействия равных на основе открытых правил и кодов – викиномика, ресурсоориентированная экономика, экономика самодеятельности.

Требуют прибыли и обогащения: классическая и частично неоклассическая политэкономия, маржинализм, манчестерство. Ограничивают прибыль и обогащение: физиократия; меркантилизм и марксизм; кейнсианство и неокейнсианство; частично неоклассическая политэкономия, в частности монетаризм, а также нейроекономика; институционализм. Отказываются от прибыли и обогащения: викиномика; ресурсоориентированная экономика, экономика самодеятельности.

В этом смысле необходимо терминологически разделить экономические представления по базовой целевой функции. Аристотель различал хрематистику (обогащение) и экономику (хозяйствование на определенной территории). Большинство сфер экономики сегодня является хрематистикой.

Переход от хрематистики к экономике в обществе возможен через отказ от мотиваций обогащения на уровне цивилизационной этики.

Хрематистика уже вступила в противоречие с иными экономическими целями. Эти противоречия были обнаружены в разных исследованиях и публицистических работах – книгах, статьях и фильмах: истощение ресурсов планеты, усиливающаяся опасность экологической катастрофы, запланированное старение товаров, ограничение умственного развития человечества в процессе массового потребления, снижение рождаемости, приводящее в итоге к демографическому упадку именно в наиболее экономически развитых странах («потребление съедает детей») и наконец – падение социальной жизненной энергии человечества из-за неспособности трансцендентных смыслов жизни конкурировать с утилитарными потребительскими смыслами.

Общечеловеческий цивилизационный кризис показал предел потребительских мотиваций для развития. Он показал несостоятельность экономизма и подверженной ему экономической элиты в вопросах цивилизационного общечеловеческого развития. Он стимулировал создание цивилизационной антропологии и, в конечном счете, поставил под сомнение многие научные экономические теории и позволил нам пересмотреть некоторые экономические представления.

Меркантилисты могут до хрипоты спорить с манчестерцами и монетаристами, но ни о чем не договорятся, кроме некоторых общих представлений. Поэтому, чтобы понять, что происходит в мировой экономике во время общецивилизационного кризиса, не имеет смысла просто сравнивать разные экономические теории, критически показывая их научную несостоятельность. Для полипарадигмальной науки с внешней целевой функцией выбора парадигм такой подход научно же несостоятелен. Нужно критиковать то, в чем все экономические теории традиционно достигают консенсуса, – общие экономические представления.

Мы выделяем 8 базовых экономических представлений (их может быть и больше), которые нуждаются в пересмотре: о рынке; о связи экономики и политики; о роли государства; о потребностях и потреблении; о деньгах; о

налогах; о богатстве; о рекламе. Далее будут рассмотрены проблемы этих представлений. Наш подход: проблемы – это новые возможности, которые возникнут после кризиса.

Изменение экономических представлений

Итак, у разных экономических теорий есть общие представления, на критике которых мы теперь сосредоточимся.

Невидимая рука рынка

Адам Смит в работе «Исследование о природе и причине богатства народов» говорит следующее: «... Каждый отдельный человек ... преследует лишь свою собственную выгоду, причём в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это». Именно это место порождает представление о «невидимой руке рынка».

«Невидимая рука рынка» имеет существенные ограничения, когда преследование частных интересов выходит на уровень политики и создает себе также и политические преимущества. «Невидимая рука рынка» перестает работать на уровне сложных экономических инструментов (акции, инвестиции, кредиты, деривативы и т.д.). «Невидимая рука рынка» успешно уничтожается мотивационными компрессорами (реклама, маркетинг и т.п.).

«Невидимая рука рынка», просчитанная в теориях игр, в частности в принципе равновесия Нэша, становится вполне «видимой рукой», которой иногда управляют для собственной пользы отдельные спекулянты, корпорации, банки, правительства и международные экономические организации.

Политика – это концентрированная экономика

«Политика – это концентрированная экономика»¹⁷. Сильно упрощая подход Маркса, Ленин впервые формулирует принцип экономизма, который позднее разрушает саму суть социализма, создавая в СССР общество потребления.

Этот принцип с начала XX века понимается так, что политика не является ничем иным, кроме как в той или иной степени экономикой.

Демократическая политика вообще стала происходить по экономическим законам, когда политики (продавцы) продают свой товар (обещания) на выборах (массовых продажах).

Мировая экономика сумела подчинить политику следующим образом: реальная политика руководствуется этим принципом, а избирательная демагогическая политика создает искусственную завесу якобы неэкономических целей политики.

Политика оказалась настолько сильно зависимой от экономики, что перестала вообще рассматривать неэкономические цели в реальной политике. Это собственно и породило мировой цивилизационный кризис.

Рейганомика: от государства к корпорациям

В своей сути рейганомика – это концентрированное выражение мировой экономической политики второй половины XX века.

Вот обобщение целей рейганомики:

- Стимулирование производства через инвестиции и инновации, где государство лишь участвует, но не всегда управляет.
- Увеличение и накопление сбережений частного капитала, создающих альтернативу госбюджету.
- Сокращение государственных налогов и при этом стимулирование социальной ответственности частного капитала.

¹⁷ Ленин В.И. XI съезд РКП(б). Полн. собр. соч., т. 45, с. 123.

- В государственной социальной политике осуществление принципа: давайте поддержим богатых, и богатые поделятся с бедными.

В реальности богатые могут поделиться с бедными лишь на том свете.

Государство отдало инструменты стимулирования производства в руки корпораций – реклама и маркетинг стали заменять государственную политику.

Рейганомика – это логичная в своих целях, но непоследовательная в осуществлении политика: создать крупные корпорации, которые взяли бы на себя многие государственные функции, прежде всего социальные. Вот только добровольно брать на себя функции государства корпорации пока не хотят.

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ВСЕ ВОЗРАСТАЮЩИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

Возрастание потребностей имеет пределы роста: по абсолютному уровню каждой потребности (ограниченная масштабируемость), по периодичности реализации (частота смены товаров на новые ограничена), по количеству на одного человека (существует предел количества удовлетворяемых потребностей).

Общество потребления преобразовало всю совокупность отношений в две оппозиции – производство (поглотившее распределение и обмен) и потребление, занявшее оставшееся от производства свободное время. Общество потребления стало основой процесса технологических инноваций: то, что не потребляется, оказалось за пределами технологических инноваций. Возникли искусственные потребности (гламур как роскошь для бедных, удовлетворение потребностей животных и т.д.). Некоторые потребности невозможно или социально опасно удовлетворять возрастающим образом (алкоголь, наркотики, секс, игры и т.д.).

Некоторых целей невозможно достигать в рамках ориентации на потребление (наука, космос и т.д.).

Иначе говоря, рост потребностей не может исторически долго быть основой цивилизационного развития. Общество благосостояния обречено как цивилизация. Цивилизацию развивают неудовлетворенные люди с надеждой в глазах.

ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ

Одним из самых пагубных для мировой экономики оказалась способность денег и ценных бумаг вступать в отношения обмена и распределения помимо товарно-денежных отношений по формуле $m-t-m'$ (деньги – время – деньги с прибавкой).

Банковский процент, деривативы и биржевая игра акциями – все это формы паразитарной экономики, которую очень трудно контролировать и ограничивать.

Потребительский кредит – это новая форма обезличенного рабства, где рабовладельцем выступает или банк, которому потребитель должен, или работодатель, у которого потребитель оказывается в рабской зависимости, чтобы не потерять зарплату.

Исламский банкинг и исламский бизнес оказались цивилизационной альтернативой западному банкингу и западному бизнесу: принципиальный запрет на игры со временем, то есть отказ от банковского процента и от фьючерсных сделок, запрет на спекуляцию, этические ограничения (алкоголь, проституция, порнография, переработка мяса животных, которые умерли своей смертью).

ДЕНЬГИ – УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЭКВИВАЛЕНТ СТОИМОСТИ

Из того, что деньги являются универсальным эквивалентом стоимости, не следует, что деньги должны обладать всегда всеми функциями. Иначе говоря, деньги остаются универсальным эквивалентом, имея хотя бы одну свою функцию.

Отсюда происходит концепция разделения функций денег.

Основные функции денег: стоимость, обращение, платеж, накопление, инвестирование, деривация, мировые деньги.

Отсюда функции денег могут разделяться и обособляться, при этом изменение функций денег является ограниченным или вообще невозможным для того или иного экономического субъекта. Таким образом, относительно

одной и той же денежной единицы в одном и том же обществе деньги могут у разных экономических субъектов выполнять разные неизменяемые функции: 1) необращаемая в иные функции инвестиция (такими деньгами должно оперировать правительство); 2) конвертируемые мировые деньги, которыми оперируют экспортеры и импортеры, и неконвертируемые внутренние деньги, которыми оперируют внутренние субъекты; 3) недеривативное накопление, инвестирование и платеж (используются в банках для предотвращения спекуляций, махинаций и мошенничеств со стороны банков).

Все функции денег может использовать исключительно индивидуальный потребитель. Все остальные субъекты (корпорации, банки, правительство) используют деньги с ограниченными функциями.

НАЛОГИ СОЗДАЮТ ОБЩЕЕ БЛАГО

Налоги – это безвозмездный и не контролируемый гражданином в дальнейшем платеж государству за осуществление государством действий общего блага.

Государства всего мира выработали сотни способов, как уходить от контроля (со стороны налогоплательщиков) за расходованием налогов.

Кроме того, современное государство является лишь посредником между налогоплательщиком (гражданином) и производителем общих благ (корпорациями, выполняющими работу за деньги от налогов). Современное государство ничего не производит и не обменивает – оно лишь распределяет и потребляет.

БЕССМЕРТИЕ ОЛИГАРХИИ

Сущность олигархии в том, что богатство имеет внутренний политический потенциал, который нельзя ограничить традиционными институциональными средствами. Олигархия уверенно победила демократию во всех развитых и особенно развивающихся странах.

Кроме прогрессивной шкалы налогообложения для ограничения олигархии почти ничего не применяется. Ни одного инструмента по ограничению влия-

ния олигархов на политическую власть демократия оказалась не в состоянии выработать, поскольку базовые потребительские мотивации жестко связаны с мотивацией обогащения. Основное налоговое бремя успешно перекладывается на бедных. Индустрия защиты богатства (лоббирование интересов олигархов и уход от налогов) достигла небывалого развития.

РЕКЛАМА – ДВИГАТЕЛЬ ПРОГРЕССА

В первой половине XX века реклама говорила о товаре «купи товар», в середине XX века реклама говорила о товаре «люби товар», в конце XX века реклама говорила о товаре «люби лишь новый товар» и «люби образ жизни товара».

К началу XXI века реклама стала формировать образ жизни и разные потребительские стили жизни. Так реклама из носителя информации и двигателя прогресса незаметно превратилась в мощный мотивационный компрессор.

Политические мотивации оказались жестко связанными с экономическими, политика начала использовать на выборах приемы товарной рекламы.

Социальная реклама везде проигрывает товарной и политической рекламе.

Поскольку иные мотивации рекламой не продвигаются, потребительские мотивации оказались доминирующими.

Реклама – наркотик общества потребления. Если ее ограничить, в обществе начнется «ломка» (потеря смыслов жизни, снижение темпов роста ВВП и т.д.). Поэтому ограничивать и изменять рекламу можно лишь постепенно.

Некоторые выводы-прогнозы:

- Невидимая рука рынка должна стать видимой и контролируемой в мировом масштабе.
- Политика вынуждена будет объявлять неэкономические цели и добиваться их достижения. Однако это будет происходить уже не в государственной политике.
- Государство умирает, корпорации должны готовиться разделить с ним социальную ответственность.

- Должна возникнуть не ориентированная на доминирующее потребление экономика, многоцелевая экономика.
- Должен произойти постепенный принудительный отказ от потребительских кредитов, от банковского процента и от спекуляций.
- Разделение функций денег для разных экономических субъектов – это более сложная денежная система, которая со временем должна стать мировой денежной системой.
- Альтернативная налоговая система представляет собой некоторый фонд, в который граждане платят деньги и реально управляют их расходованием по собственному разумению в режиме он-лайн.
- Необходимо ограничение уровня концентрации богатства в одних руках политическими средствами и запрет на создание мотивационных компрессоров обогащения. Рейтинги по типу журнала «Форбс» должны быть общественно осуждаемы.
- Необходимо принципиально изменить содержание рекламы, вернуть ей первичный смысл информирования. Реклама должна перестать быть мотивационным компрессором общества потребления.

Ресурсоориентированная экономика – лишь ограничительный, хотя и необходимый, подход при дефиците ресурсов на планете.

Переход к новой экономике подготовлен внутри институционализма, где экономика рассматривается как часть социальной системы и имеет неэкономические цели (наука и культура). Здесь отрицается принцип оптимизации (в экономике действуют разные этики) и интересы общества (человечества) первичны, а рассмотрение процессов идет через принцип кумулятивной причинности Т. Веблена. Полезность не признается единственным критерием, а государственное вмешательство разрешено лишь на стороне общества (а не олигархов), и учитываются не только анализ, но и конструктивные рекомендации социальных изменений.

В Викиномике работают принципы «массового сотрудничества» и «взаимодействия равных», идеология «открытого кода» (Open Source), а также ее ухудшенные варианты в противостоянии с «авторским правом» – «Freeware» (свободное и проприетарное) и «Shareware» (условно-свободное и проприетарное).

Экономика самодетельности – экономика чистого творчества, несущая идеи общего блага и развития посредством свободного обмена без посредства денег. Иногда эта экономика называется также экономикой дарения, потому что особая роль здесь отведена доверию и безвозмездности.

Видеофильм по этому материалу размещен на канале автора www.youtube.com/user/dsprovocator

За кризисом (основные тенденции текущей трансформации)

Игорь Злотников

Происходившие в 2011 году и нынешние события начала 2012 года уже не могут быть описаны в понятиях кризиса: финансового кризиса, экономического кризиса, кризиса системы. Очевидно, что мы находимся в более сложной ситуации, понятийное осмысление которой еще не построено. Необходимо найти соответствующие термины и построить понятия, адекватные тому, что происходит. Настоящий текст – попытка начать такую работу с целью вызвать дискуссию и обсуждение сложившейся ситуации.

В настоящий момент становится ясно, что базовые и структурные дисбалансы и противоречия как в американской, так и в мировой экономике, спровоцировавшие начало кризиса в 2008 году, так и остаются нерешенными. Все большее число экспертов сходятся во мнении, что невозможно разрешить структурные и системные проблемы и дисбалансы в макроэкономике инструментами одной лишь денежно-кредитной политики. Тем более, когда вся денежно-кредитная политика сводится к неограниченной эмиссии национальных валют (в первую очередь – доллара США) с целью затопить финансовые рынки дешевыми средствами и перекредитовать бюджетные дефициты. Без коренного изменения структурной, финансовой, промышленной, налогово-бюджетной и научно-технической политики ни о каком выходе из кризиса ни американской, ни уж тем более мировой экономики не может быть и речи. Опубликованные макроэкономические данные за 2011 год свидетельствуют о том, что мировая экономика уже вошла в тотальную рецессию. Кризис дошел до своего логического и исторического завершения.

Для понимания ситуации я бы предложил уйти от термина «кризис». Потому что происходящее – давно уже не кризис по «понятию». Происходя-

щее – это очень серьезные изменения, заметные трансформации в нашей жизни. Фактически уже заметны изменения в мировой экономической системе. Доллар перестает быть основной мировой валютой. Поменялись основные центры принятия решений, появились новые, ранее невозможные идеи и практики демократии – «суверенной», «арабской», «независимой» и т.д. Потребительская экономика, являвшаяся на протяжении всего послевоенного времени основной для развития мирового сообщества, превращается в очевидный тормоз его развития.

Чтобы расширить наше понимание происходящего, попробуем обозначить происходящее другим термином, с последующим понятийным наполнением. Мне пока более понятен термин «трансформация». То есть изменение и замена формы. При этом это не просто замена одной формы на другую, а переход через несколько форм (формаций) за достаточно короткий промежуток времени. Переход от одного состояния к другому может быть описан и другим термином – «трансмутация». Но этот термин обозначает «естественные» процессы, а мы, по моему глубокому убеждению, имеем дело с «искусственными» действиями. Или, переходя на СМД-язык, с конфликтом и противоборством различных мыследеятельностей. Поэтому я предлагаю обсуждать «трансформацию» системы как результат этого противоборства и борьбы.

Рассмотрим для начала эмпирическую точку зрения – с позиции обывателя. Что значит трансформация для обывателя? В моем понимании происходит стремительное переформатирование того, что называется качеством жизни. Трансформация качества жизни и соответствующее изменение образа жизни идут с возрастающей скоростью. С точки зрения обывателя вся беда от кризиса заключается в том, что мы будем жить хуже. То есть от чего-то мы должны будем отказаться, а от чего-то нас просто отлучат. Наверное, от каких-то излишеств.

Последнее двадцатилетие в современном мире было достаточно счастливым. Мы ушли от надоевшего всем, не реформируемого, практически феодального социализма. Этот переход тоже до конца еще не осмыслен. Но явно, что мы ушли от чего-то худшего к надеждам на лучшее, чтобы за счет собствен-

ной деятельности, инициативности у нас появилось новое качество жизни. Однако этот оптимизм закончился. Трансформация ведет к тому, что потребительские, обывательские надежды улетучиваются, и происходит этот процесс с катастрофической скоростью.

Двадцать лет назад у всех была некоторая картинка счастливой жизни, идеал, который транслировался из известного рекламного ролика про развитое потребительское общество – у каждого свой дом, лужайка, муж, жена, собака, машина. Казалось – вот оно, обывательское счастье, вот наша цель, вот в чем должна быть наша трансформация! Чем дальше люди стали расслаиваться по качеству и по уровню жизни, тем назойливее транслировался образ успешного рантье, который работал и теперь наслаждается всеми радостями жизни. Образ обывателя-рантье стал доминирующим. Конечно, он симпатичнее, чем формальный строитель коммунизма, который живет по непонятным заповедям, но и этот образ не реализовался в жизни большинства обывателей.

Поменяем ракурс и поговорим не с точки зрения обывателя, а с точки зрения основного агента финансового рынка – спекулянта, или более нейтрально – частного инвестора. Количество спекулятивного капитала за последние три года резко сжимается. Огромное количество людей, которые принимали эту идеологию рантье (возьми деньги, сделай инвестицию в ценные бумаги, походи поиграй на бирже, заработай еще, деньги делают деньги) сейчас резко сокращается. Рантье проигрывают. Все последние события – это очевидное уничтожение класса спекулянтов, вернее – частных инвесторов. И таких людей миллионы. Они, по сути дела, являются основными жертвами нынешнего финансового кризиса. Экономический кризис в лице этих спекулянтов имеет демпфирующую, буферную зону. Пока еще есть спекулянты – значит, кризис еще себя не исчерпал.

Я думаю, что мы еще при нашей жизни увидим ситуацию, когда этих спасительных для рынка спекулянтов практически не останется. Я почти цитирую госпожу Меркель: «Частные инвесторы должны быть готовы взять на себя инвестиционные риски, мы должны часть бремени кризиса переложить на плечи частных инвесторов».

Кто эти инвесторы? Это те, кто вложились либо в ценные бумаги государства, либо в какие-то другие «деньги, которые делают деньги». Эти рантье несут основное бремя финансового кризиса. Многие люди должны будут признать, что они проиграли, согласиться с тем, что они потеряли свои деньги. Введены серьезные ограничения на спекулятивные операции – запрещены короткие продажи. Именно эти операции являются основным спекулятивным инструментом. Сейчас и в Европе, и в Америке все эти техники заработка на деньгах очень ограничены. Более того, именно мелкие спекулянты, которые играли на биржах, разоряются. Остаются только крупные институциональные инвесторы. Те, кто крупнее, начинают убегать от всех «непредсказуемых» ценных бумаг в другие активы, и в первую очередь – в золото. Посмотрите, какая сумасшедшая динамика роста золота за последние полгода! Но золото не спасет тех, кто решил в нем похоронить свои деньги. Это будет очередной пузырь, который точно так же вздуется и лопнет. И мы увидим, что те, кто вложился в золото – банкроты.

Вопрос – сколько их реально, этих спекулянтов? До какой степени они будут безболезненно соглашаться с тем, что они должны фиксировать свои убытки? Чем они будут заниматься? Они же выстроили свою жизнь как раз в расчете на то, что они играют на бирже, вкладываются в ценные бумаги, деньги делают деньги. А сейчас эти люди останутся без дела. Они должны будут вернуться к своим старым профессиям. А там им места уже нет.

В США есть фонды взаимного инвестирования. Впервые за всю их историю объемы фондов, которые вкладывались в золото, сравнялись по объемам с фондами, которые вкладываются в акции американских предприятий. Это означает, что в золото как «надежные» активы вложили гораздо больше средств, чем в реальную экономику. Это символический знак. Такого за послевоенную историю еще не было. Это значит, что люди уже ничему, кроме золота, не верят. У них осталась единственная надежда – вложиться в золото. Но это тоже виртуальная надежда. Вложение в золото приносит доход только при продаже. Это как с недвижимостью. Никто не думал, что цена недвижимости так сильно и быстро упадет. Очевидно, что рост цен на золото за

последний год говорит не о том, что золото подорожало, а о том, что доллар за прошлый год невероятно обесценился. Утрата долларом его стоимостного потенциала – серьезнейшая проблема. Грубо говоря, идет реальная девальвация доллара. Вопрос – когда все это заметят? После развала Советского Союза вся мировая торговля на 95% велась в долларах. После кризиса 2008–2009 года – на 65%. Как только этот показатель будет ниже 50%, сразу встанет вопрос – какая другая валюта заменит доллар?

Другой аспект кризиса – американские государственные долги (обязательства). Федеральный резерв взял на свой баланс огромные долги, которые ничем не покрыты. То есть теперь должником по американским долгам является сама же ФРС. И это разумно, с точки зрения основного игрока на мировой сцене – США. Они могут списать свои долги внутри себя. В этом смысле ФРС никогда не разорится. Но остается вопрос – каким способом ФРС будет списывать эти и остальные свои долги? Методы списания долгов, за которыми пристально следит весь мир, не могут происходить без каких-либо ограничений и контроля. Иначе будет очевидное мошенничество. Глобальное мошенничество.

Думаю, что если какие-то серьезные события произойдут, то они произойдут сначала внутри Америки. Внешне на США пока никто повлиять не может. А вот внутри противоречий более чем достаточно. Официально уровень безработицы в Америке сейчас около 9,6% (конец 2011 года). Но все говорят, что это неправда, что безработица в США около 20%. А это для Америки самое страшное. Потому что туда едут за «американской мечтой», но выясняется, что работы нет и «американская мечта» не может быть реализована.

Основной урок, который американцы извлекли из Великой депрессии – денег должно всегда хватать. Поэтому печатать доллары они будут все время. Более того, глава ФРС Бен Бернанке окончил Гарвард и был профессором в Принстоне, основная тема его диссертации – анализ Великой депрессии 1929–1933 годов. Он все это очень хорошо понимает. Поэтому долларов будет столько, сколько нужно. С другой стороны, он же подтвердил, что учетная ставка ФРС будет в 2012 году держаться на самом минимуме. Это

значит – денег будет много, но они будут все время обесцениваться. Но, несмотря на это, ФРС будет эмитировать денег столько, сколько сочтет необходимым. Оценки экспертов говорят, что фиктивного капитала в США более 600 триллионов долларов при годовом ВВП США в 13 триллионов долларов. Получается примерно 50 американских ВВП фиктивных активов, которые должны быть как-то списаны. Для покрытия (или списания) этих фиктивных активов будет эмитировано соответствующее количество долларов.

Я думаю, что пока американцы пытаются выиграть время. Более того, я думаю, что они тянут время, чтобы какие-то неприятные процессы произошли не в Америке, а в других частях света.

Что происходит в Европе? В Европе выпуск евро осуществляется более сбалансированно. Грубо говоря, Европа выпускает валюты столько, сколько у нее есть реальных активов. Европейцам, и в первую очередь немцам, на генетическом уровне памятна финансовая катастрофа Веймарской республики, когда за счет гиперинфляции деньги обесценивались с невероятной скоростью. Как в США помнят Великую депрессию, так и в Европе (Германии) помнят веймарскую гиперинфляцию. Америка будет стараться не допустить отсутствия необходимого количества долларов, а Европа, в первую очередь Германия, будет стараться не допустить обесценивания евро. Это происходит на уровне запущенных «генетических программ» истории этих стран.

Если использовать термин стагфляция (то есть одновременное замедление экономического роста, стагнация, и рост цен, инфляция) применительно к нынешней ситуации, то очевидно, что этот и другие термины и понятия не описывают всех сложных процессов, которые сейчас происходят. В частности, у нас нет точного понятия для фиксации резкого роста ликвидности при существенном ее обесценивании и при длительном отсутствии роста экономики (такой своеобразный «пузырь наоборот»).

На мой взгляд, экономическая терминология, которая была создана для «экономики, основанной на постоянном росте», исчерпала свои возможности. Кризис заключается еще и в отсутствии работающих макроэкономических понятий. Например, у нас практически нет понятий для описания целевых

действий финансовых властей, отсюда неуклюжее американское «количественное смягчение» (QE – Quantitative easing). Надежда на то, что где-то появится «новый пузырь», который привлечет в себя огромные свободные (и в этом смысле – спекулятивные) капиталы и даст возможность заработать, на мой взгляд, иллюзорны. Уже есть огромный «пузырь наоборот», который приносит очевидные убытки, – это вложения в золото. Поэтому опять же, на мой взгляд, – «удачливых спекулянтов» больше не будет. Спекулянты в ближайшее время будут фиксировать свои убытки и терять свой капитал. Действительно, основная проблема вышла за границы экономических знаний (понятий). Основные тенденции начинают концентрироваться в области «принятия решений» и конкретных лиц, эти решения принимающих (ЛПР). В начале XX века решения ЛПР были катастрофическими: итог – две мировые войны. Что будет сейчас – мы не просто увидим, мы – поучастуем.

Однако, не зная действий Европейского ЦБ и ФРС США, а также других «лиц, принимающих решения», предсказать дальнейшее развитие событий не получится. Именно поэтому кризис нужно обсуждать не в предметной, экономической действительности, а в действительности управления и действий властей. А это уже точно не экономика. Это другая сфера – сфера принятия решений. И здесь мы входим на совершенно другое поле – поле сценариев, проектов и целей. Мы неизбежно вступаем на поле борьбы и противодействия различных мыследеятельностей. Собственно этот, мыследеятельностный (проектный и управленческий) аспект текущей ситуации я в большей степени рассматривал бы как основную тенденцию текущей трансформации. Именно это я имею в виду, когда начинаю обсуждать «трансформацию» как основной процесс в нынешней ситуации. Нужно найти новую «форму» и задать механизм перехода к ней. Поэтому понятие «кризис» уже не адекватно. Нужна специальная понятийная работа. Вопрос – кто ее может сделать? И какие основания будут выбраны для этой понятийной работы? Базовыми основаниями станут реально разворачивающиеся события. По моему глубокому убеждению, события будут опережать наши представления и понятия об этих событиях. Эти ситуации «подвижной» истории случаются

не так часто и затем на протяжении десятилетий осваиваются в «новых понятиях». Мы находимся накануне очередного этапа «подвижной» истории.

В этой ситуации, на мой взгляд, остается только два сценария развития событий – депрессивный и военный. У меня такое ощущение, что военный сценарий сейчас отрабатывают в Африке и арабском мире, начиная с Туниса и Египта и заканчивая Ливией и Сирией. Публике всегда можно сказать: вы что тут, переживаете за ваш спекулятивный капитал? Смотрите, что в Сирии (а ранее – в Ливии) творится! В моем понимании, там отработали схему, как достаточно быстро снизить уровень жизни при всеобщей радости. Ведь Ливия по африканским меркам была богатой страной. Но за неполный год она низведена до состояния мародерства. Это показывает, что переход от человека к зверю может произойти очень быстро. И совершить его (тем более внешними силами) можно очень быстро. Так что техники понижения качества жизни отработаны. Ливия тому пример.

Что же касается депрессивного сценария, то власть будет стараться, чтобы депрессивный сценарий не вызывал резких действий. Лягушку будут потихоньку подогреть, и она никогда не выпрыгнет. По всей видимости, будут вводиться распределительные схемы, чтобы был некий минимум, который позволил бы человеку существовать. Будет решаться проблема канализации и утилизации раздражения. В том числе при помощи алкоголя, наркотиков. Общая масса должна быть достаточно счастлива. Должно быть в достатке хлеба и огромное количество зрелищ.

Мы должны понимать, что тотальная депрессия и ухудшение качества жизни – это неизбежное наше будущее. Альтернатива – либо революция, либо война. При нынешнем качестве жизни это не устраивает никого. Даже самых ярых анархистов и радикалов.

Еще стоики говорили: «Власть охраняет незнание». Власть никогда не будет об этом рассказывать. Но должны быть персонажи, которые заинтересованы в том, чтобы разобраться «в сути дела».

Поэтому я считаю, что термин «кризис» оброс ненужными смыслами и не подходит к нынешней ситуации. Надо серьезно говорить о трансформации. О трансформации системы. Причем системы и экономической, и финансовой, и политической, и социальной. Вот эта трансформация, в моем понимании, и будет основным процессом в ближайшие годы. И те, кто принимает решения, наверное, уже имеют сценарии такой трансформации. По всей видимости, действительно уже готовы программы различных мероприятий мирового масштаба, снижающие уровень качества жизни очень многих людей и стран. Задача осмысления этих процессов «подвижной» истории становится во главу угла основных работ, которые необходимо выполнить интеллектуальному классу, чтобы в очередной раз не оказаться на обочине истории.

К ВОПРОСУ О ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЛОКАЛЬНЫХ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ЭКОНОМИК В НОВОМ МИРЕ

МАКСИМ МИТУСОВ, АРТЕМ ГЕНКИН

Предпосылки к началу глубокого исследования локальных экономик

За последние три года в общественном сознании произошли существенные изменения. Прошло головокружение от успехов, и вместе с ним утратила свою когда-то априорную правоту идея о благотворности и неизбежности наступления эпохи глобальной экономики. Ее место занял все возрастающий у населения целых стран страх за свое будущее. Произошла радикализация мейнстримовского экономического сознания и дискурса: в средствах массовых коммуникаций с каждым месяцем появляется все больше статей, которые еще три года назад можно было найти лишь в блогах алармистской направленности. Но уже сегодня вероятность наступления второй волны кризиса не обсуждается даже в официальных кругах. Предчувствие кризиса уже не несет в себе панических ноток и принимается за должное, надвигающийся коллапс мировой финансовой системы стал вполне медийным, ожидаемым событием. При этом множатся попытки найти новые инструменты и принципы, которые позволят максимально смягчить последствия кризиса, отыскать новые основания для выздоровления и восстановления мировой экономики, наметить новые точки роста для посткризисного периода, который может начаться через несколько лет.

Одной из подобных попыток, системно повторяющихся в разных концах земного шара разными экономическими субъектами, попыток является стремление ряда локальных сообществ (включающих в себя, как правило, как

некоммерческий, так и коммерческий сегменты) к организации локальных денежных систем для удовлетворения собственных потребностей в деньгах или их заменителях как инструменте ликвидности и взаиморасчетов на местном уровне.

Десять лет назад одним из авторов настоящей статьи была предпринята первая в отечественной научной литературе попытка обобщить опыт деятельности подобных частных локальных денежных систем (ЧЛДС)¹⁸. Уже тогда в дискуссиях после выхода книги зачастую приходилось сталкиваться с глубоко укоренившимся в общественном сознании убеждением, что во всех подобных экспериментах в мотивации их создателей якобы превалирует простое желание ввести свою локальную валюту, что это-де всегда не более чем некие сепаратистские настроения по отношению к центральной власти. Это принципиально не соответствует реальному положению дел! В абсолютном большинстве случаев создаваемые системы противопоставляют себя не федеральному (национальному) государству, а сложившейся глобальной финансовой системе как инструменту абсолютно бесчеловечной эксплуатации, основанной на возведении капитала в ранг абсолютной ценности и единственного мерила оценки любой деятельности.

В настоящий момент разными субъектами и не связанными между собой группами с разных политэкономических позиций поднимается вопрос о необходимости выработки (или заимствования из прошлого исторического опыта) нового, альтернативного, в обязательном порядке обладающего этическим компонентом взгляда на экономику и принципы ее функционирования, для выстраивания на этой базе каркаса НОВОЙ экономики.

Помимо сугубо научно-теоретических попыток найти эти новые основания для экономической деятельности, существует целый пласт локальных инициатив местных сообществ, которые, не обладая значительными материальными ресурсами и глубокой теоретической базой, самостоятельно запускают проекты местных экономик. Причем деятельность их не носит декларативного характера: часто подобные эксперименты имеют результатом

18 Генкин А.С. Частные деньги: история и современность. – М., «Альпина Паблишер», 2002. – 517 стр.

явственное улучшение условий жизни членов участвующих в них локальных сообществ.

Подобные инициативы начали активно возникать начиная с конца 1980-х годов. Уже спустя 10 лет их количество в мире составляло несколько сотен, что было продемонстрировано в упомянутой выше книге А.Генкина. На фоне мировых кризисов внешне удивительным, а на самом деле закономерным образом эта тенденция не изменилась. Количество ЧЛДС на протяжении 2000-х годов неукоснительно росло и получило достаточно значительное распространение во многих странах, особенно в странах с богатой традицией коллективного взаимодействия и кооперации (Германия, Франция, США, Швейцария, Япония), а также в странах, где общественный менталитет характеризуется наличием определенного «духа вольницы» (Испания, Греция, Бразилия и Южная Америка в целом, ЮАР).

Беспрецедентным явлением, сигнализирующим о возможности совместных действий государства и ЧЛДС в борьбе с проявлениями и последствиями мирового кризиса, стало подписание 20 декабря 2000 года Соглашения об институциональном сотрудничестве между Министерством экономики Аргентины и бартерной «Ассоциацией друзей региональной самодостаточности». Сходного плана инициативы по созданию так называемого «Экономического комплекса сообщества» в Центральной Америке поддерживаются Мировой организацией труда и ЮНКТАД. В Австралии методические указания налогового ведомства уже более 15 лет назад узаконили учет для целей налогообложения доходов, полученных в валютных единицах местных сообществ. Примеры признания отдельными государствами, их учреждениями и ведомствами исключительной роли и важности локальных дополнительных экономик и частных локальных валют в решении наиболее социально-экономических и даже политических задач можно множить.

Подготовленный нами цикл статей будет посвящен общему обзору локальных экономических инициатив местных сообществ, попытке их классификации и систематизации, а также попытке разобраться в необходимости и це-

лесообразности развития и распространения опыта подобных проектов на территории России.

Локальные дополнительные экономики сообществ

Сначала нам понадобится определить понятие «локальное сообщество».

Основой для создания всех локальных экономических инициатив служит местное сообщество. СООБЩЕСТВО – это устойчивая группа лиц, объединенных четкими и понятными ценностями (взглядами, верованиями, ценностями или иными общими «солидарностями»). Члены конкретного сообщества имеют четко сформированную самоидентификацию. Ключевым отличием сообщества от простой группы лиц является и возможность вести некую производственную деятельность (создавать товары, услуги или информацию в чистом виде), результаты которой могут быть потреблены другими членами данного сообщества или внешними потребителями.

По своему генезису сообщества подразделяются на два типа.

Сообщества, созданные на основе территориального признака, состоят из лиц, компактно проживающих на одной территории. Самоидентификация членов таких сообществ складывается именно из их территориальной принадлежности: это могут быть соседи, жители одного дома, улицы, района, города или местности, различного рода землячества и т. п.

В свою очередь, «виртуальные» сообщества могут быть достаточно далеко друг от друга расположены территориально, но при этом иметь мощную объединяющую связь на основе совпадения взглядов, высокого уровня доверия и коммуникации между собой, наличия удобных виртуальных инструментов взаимодействия. Примером могут служить последователи одной религии, политического или общественного движения, из современных виртуальных сообществ – игроки онлайн-игр, социальные сети, участники тематических сообществ. В отдельных случаях связь между участниками этих сетей на порядок сильнее, чем связи, возникающие между участниками одного территориального сообщества. Это объяснимо: у участников одной онлайн-овой

игры может быть гораздо больше общих тем для разговоров, чем у соседей по подъезду, и практически не возникает вопросов, кто вызывает больше доверия – угрюмый сосед по лестничной площадке или человек с которым ты провел много часов в совместном походе на очередного монстра и которому ты неоднократно доверял пусть виртуальную, но все же свою жизнь. (Один из соавторов в этом месте вспомнил знакомую ему с юности «Колыбель для кошки» – фантастический антивоенный памфлет немецкого писателя Курта Воннегута, в котором герой проводил четкое разделение между так называемым «гранфаллоном» – этим словом воннегутовские герои обозначали, выражаясь современным языком социологов, «ложное (формальное) сообщество», «псевдосообщество» – и «карассом» – «истинным сообществом».)

Для участников обоих типов сообществ характерно придавать высокую ценность принадлежности к данному сообществу, что выражается в повышенном доверии ко всем другим участникам сообщества и готовности кооперироваться с ними и помогать им в любых аспектах жизнедеятельности.

Вот несколько выдержек из Декларации принципов Глобальной бартерной сети (эта аргентинская ЧЛДС через пять лет после создания была представлена в 9 латиноамериканских странах и в Канаде, насчитывая около полумиллиона членов, причем средний размер сделок в системе составлял в месяц от одной до четырех минимальных зарплат на семью участников):

«1. Наша человеческая самореализация может не обуславливаться деньгами.

2. Наша цель не производство товаров и услуг, но взаимопомощь в создании лучшей жизни через работу, солидарность и справедливую торговлю.

(...)

7. Мы верим в то, что принадлежность к группе [участников ЧЛДС] не означает родства или зависимости, так как личное участие бесплатно и одинаково для каждого члена Сети.

8. Группы не обязательно должны быть формализованы на постоянной основе: модель Сети предусматривает постоянную перемену ролей и функций.» ...¹⁹

Экономика локального сообщества

Любое сформированное и устойчивое сообщество рано или поздно создает собственную систему символов, служащую для упорядочения взаимоотношений внутри сообщества. В самой элементарной форме это могут быть простые взаимоотношения типа «ты – мне, я – тебе», в более сложных системах с большим количеством участников получают хождение некие обменные эквиваленты и деньги.

Таким образом, любое сообщество по мере своего усложнения и упорядочения, начиная с некоего критического количества участников и уровня товарооборота, так или иначе создает свою собственную квазиденежную систему. В данном случае под деньгами следует понимать не отчеканенные или напечатанные государством деньги, а некий признанный в данном сообществе символ, ценность которого признается как общественный договор в рамках данного сообщества.

В качестве примера денег сообществ можно привести раковины каури, отрезки ткани, головы крупного рогатого скота, соль, выполнявшие часть денежных функций в качестве средства обращения и средства платежа в древние времена.

В более поздние времена в качестве денег сообществ выступают объективно менее ценные с точки зрения личного потребления предметы, например, драгоценные металлы, фиатные деньги, чеки или обязательства в чистом виде, бонусы системы лояльности, которые могут быть обменены на товары или услуги.

Интересный феномен: предмет, выполняющий функцию денег в одном сообществе, может иметь малую ценность для других сообществ, даже суще-

¹⁹ Генкин А.С. Цит. соч. С. 246–247.

ствующих в непосредственной географической близости, и в то же время предмет, изначально не предназначенный для торговли, может принимать на себя функцию денег (пример последнего – сигареты в тюрьмах или во время Второй мировой войны).

Таким образом, любое достаточно организованное сообщество способно создавать собственную «дополнительную» экономику, которая будет функционировать наряду с общепризнанной экономикой, действующей в рамках национального государства. В простейшем виде это может выражаться в протекционизме и желании покупать товар лишь у «своих», причем экономические законы и инструменты не теряют своей силы с изменением типа используемого сообществом в товарообменных сделках инструмента и, естественно, продолжают действовать без каких-либо изменений. Но в случае, если и когда условия глобальной экономики по каким-то причинам не дают сообществу в целом и отдельным его членам развиваться и поддерживать приемлемый уровень жизни (например, по причине недостатка наличных денег в какой-либо местности, наличия межгруппового противостояния и угнетения части населения, противостояния транснациональным корпорациям), сообщество способно создать более формализованную экономику, с собственными деньгами и эмиссионными центрами, выработав при этом свои оригинальные правила взаимоотношений внутри и за пределами сообщества.

Стоит отдельно подчеркнуть, что, несмотря на желание отгородиться от индуцируемых извне и импортируемых из глобальной экономики кризисных явлений и создать собственные жизнеспособные аутоиммунные экономические инструменты, исследуемые нами локальные сообщества не противопоставляют себя ни окружающим сообществам, ни национальной экономике в целом. Создается именно ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ экономика, основными целями которой являются стимулирование местного сообщества и повышение его устойчивости перед лицом внешних угроз и вызовов. Местная экономика лишь дополняет возможности основной, позволяя эффективно задействовать механизмы, которые по каким-то причинам оказывались труднореализуемыми в рамках привычной денежной системы.

Показательно, что зачастую товары, произведенные и затем потребленные внутри дополнительных экономик, изначально создавались для их экспорта во внешнюю (относительно сообщества) экономику, для получения извне дефицитных ресурсов. И лишь кризис глобального, системного свойства, разрушив внешний рынок для этих товаров, побудил их производителей обратиться вовнутрь, в защищенные границы локальной экономики, для поддержания устойчивого товарооборота и обеспечения выживания их бизнес-единиц.

Краткая классификация дополнительных экономик

Введенный выше термин «дополнительная экономика» описывает достаточно большую и разнородную сферу человеческих отношений, начиная от социальных инициатив и заканчивая системами лояльности и корпоративными валютами. Под термином «дополнительная экономика» подразумевается такая экономика, которая использует иные основания и иные системы ценностей, нежели исключительно товарно-денежные взаимоотношения, описываемые в рамках традиционной теории микро- и макроэкономики.

Начиная с появления валют сообществ тридцать лет назад, попытки классифицировать их и дать единые названия для различных схем зачастую были безуспешны, как будто сам объект анализа выпал из любой твердой системы классификаций. Большой проблемой, которая возникает относительно локальных экономических систем, является устаревание предыдущих типологий, из-за быстрого развития самих механизмов их функционирования и ослабления границ (технологических, юридических, политических, идеологических). Даже самоназвания «дополнительная валюта», «валюта сообщества» и подобные (к тому же в различных языках звучат несколько различные акценты – например, в латиноговорящих странах часто используется термин «социальные деньги») не используются в качестве общих терминов ни активистами, ни учеными, ни самими участниками систем. В результате нет никакой общей типологии, ясно отличающей определенные особенности между различными схемами валют сообществ.

Само понимание еще не сформулировано и не изучено (особенно остро ощущается дефицит материалов на данную тему на русском языке). Поэтому легче всего описать дополнительную экономику как экономику, использующую в качестве расчетных единиц не общепризнанные государственные фидуциарные деньги (в наличной, традиционной безналичной или электронной форме) и прямые производные от них (электронные деньги и иные инструменты), а ценности, произведенные в рамках данного сообщества и признаваемые в своей денежной функции лишь членами локального сообщества (так, в эту категорию попадают созданные внутри сообщества для облегчения товарообменов в нем же деньги, обеспеченные товаром, доверием или иными гарантиями, имеющими достоверную ценность внутри данного сообщества).

Далее приведена краткая классификация дополнительных экономик.

БАРТЕРНЫЕ СИСТЕМЫ И ТОВАРНЫЕ ДЕНЬГИ – подразумевает прямой обмен товарами, которые имеют непосредственную потребительскую ценность. Обмен ведется как непосредственно для личного потребления, так и с целью дальнейшего обмена, возможно создание длинных бартерных цепочек.

Тайм-банки – это локальные экономические инициативы, создаваемые преимущественно волонтерами и иными инициативными участниками сообществ с целью непрямого обмена услугами (реже товарами) между участниками данной системы. В качестве расчетной единицы и мерила стоимости используется внутренняя свободно эмитируемая валюта, номинированная в единицах времени (часы, минуты) и обеспеченная трудом своего эмитента. В большинстве случаев действует принцип равенства всех участников, выражающийся в присвоении одинаковой стоимости временной единице труда каждого из участников.

СИСТЕМЫ МЕСТНЫХ ВАЛЮТ (в англоязычных источниках фигурирует термин «LETS», эта аббревиатура расшифровывается как «LocalExchangeTradingSystems» – «местные торгово-обменные системы») – системы, построенные на внутренней валюте, использующей систему взаимного кредита.

Любой из ее участников имеет ограниченный кредит, в пределах которого он может получить товары или услуги от другого участника сообщества (увеличивая свой долг и баланс контрагента на равную величину). Эмиссия внутренней валюты не ограничена и децентрализована, но при этом сумма обязательств всех ее участников всегда равна нулю.

Местные квазиденежные системы («региональные деньги») – замкнутые платежные системы ориентированные на ограниченное сообщество (население отдельного города или местности). Эмиссия внутренней валюты осуществляется централизованно путем депонирования национальной валюты или иных материальных ценностей (обязательств) у эмитента и выпуска наличных денежных знаков (векселей, ваучеров, купонов). Принципы обращения, налоговая политика и иные принципиальные условия задаются эмитентом для максимального соответствия созданной системы целям сообщества (эмитента).

«Внутрикorporативные деньги» – схожая с местными денежными системами инициатива, аналогичная замкнутая платежная система (петербуржец Д. Кочергин в свое время определил подобные образования как «системы закрытого типа»), создаваемая коммерческой структурой и ориентированная на определенное сообщество, с целью стимулирования потребления продуктов организатора или общего повышения лояльности ее участников. Отличия заключаются в том, что:

- а) сообщество более виртуально и объединяется по принципу лояльности бренду (товару) или работе в структуре данной компании;
- б) система защищает и стимулирует потребление товаров и услуг организатора данной системы (участников коалиции);
- в) как правило, хозяйственная деятельность участников системы значительно ограничена, получить бонусы или корпоративную валюту можно лишь за определенные действия (работа на эмитента, приобретение определенных товаров или услуг и т.п.), и возможность передать их другим участникам может отсутствовать. Можно сказать, что в системах такого

типа, как правило, функционируют не только моноэмитент внутренней валюты, но и монопроизводитель обращающихся в ней товаров и услуг.

Самоорганизующиеся сообщества – инициативы людей, направленные на решение коллективных (индивидуальных) задач и использующие для своих действий иные основания, нежели материальная выгода (в том числе и выраженная в валюте дополнительных экономик). Формами организации сообществ этого типа могут стать, например, потребительские и производственные кооперативы, инициативы из области «экономики дара», различного рода волонтерские и благотворительные проекты. Анализ деятельности подобных систем самоорганизации сообществ заслуживает отдельного исследования и выходит за пределы настоящей статьи. Упоминание подобных инициатив в этой классификации лишь подчеркивает, насколько различные потребности могут возникать у локальных сообществ и насколько нестандартными способами они порой могут удовлетворяться.

Методологические подходы к исследованию ЧЛДС

Объект нашего исследования – частные локальные денежные системы (ЧЛДС). ЧЛДС может быть описана как основанная на некоммерческом сообществе торговая сеть, которая работает посредством созданной в местном масштабе валюты, то есть признанной в местном масштабе, в отличие от национальной валюты, меры меновой стоимости²⁰. ЧЛДС призваны встроить местные валюты в жизнеспособную социальную систему.

В анализе ЧЛДС используется весь методологический инструментарий современной экономической теории.

Так, Р. Кей²¹ использует системный подход. Он исследует ЧЛДС как пример хаордической системы. Термин «хаорд» изобретен недавно из сочетания английских слов «chaos» (хаос) и «order» (порядок). Им описываются сложные системы, обладающие способностью перерабатывать информацию

20 Ingleby, J. Local Economic Trading Systems: Potentials for New Communities // International Journal of Community Currency Research. 1998. Vol. 2.

21 Kay, R. LETS and the Foundations of a New Money System // Coventry, U. K.: 1994.

для осуществления адаптационных и эволюционных перемен. Для этого системе нужны достаточная степень упорядоченности и организации, а частям системы – автономия, свобода и гибкость, чтобы следовать инновациям, не отрываясь от основной системы и предотвращая ее дезинтеграцию. Это тип организации, существующей «на задворках хаоса»: достаточно далеко от его ядра, чтобы избежать уничтожения, но и не слишком далеко, чтобы не застыть в косности. Эта система использует автономию своих частей для обработки информации, которая в менее гибкой организации оказалась бы заблокирована неким органом централизованного контроля. Примеры таких систем: человеческий мозг, мировая экономика, телефонная сеть, интернет, денежная система общества, включающая системы местных валют. Некоторые исследователи относят сюда и мировую погодную систему.

Хаордические системы основаны на правилах, которые могут меняться в интересах развития системы. Так, экономическая система основана на целом ряде принципов и в том числе на обычном договорном праве, однако последнее время от времени подвергается изменениям: так, некоторые виды контрактов могут признаваться незаконными и т.п. Система может также содержать правила, которые были разумными в момент создания системы, но со временем становятся все менее обоснованными. В числе таких правил – обязательство уплачивать налоги только законным средством платежа.

Целый ряд исследователей, сторонников идеологии частных локальных денежных систем, в своих работах убедительно доказывают: это правило «загоняет в узкую бутылку» всю производительную мощь национальной экономики через вводимую им необходимость централизованного контроля над единственной валютой-монополистом. Так же оно ограничивает бюджетную, фискальную и контрольную функцию правительства. Изменить это правило, с вовлечением государства в децентрализованное и параллельное использование множества мелких ЧЛДС – это необходимый шаг. В системах такого рода есть некоторые виды незначительных, казалось бы, изменений правил, которые оказывают глобальное и трансформирующее влияние на всю систему в целом. Вот и предлагаемое выше изменение поначалу затронет

лишь небольшую область мировой экономики, но имеет шанс трансформировать ее всю целиком.

При анализе альтернативных денежных систем используется и методология теории общественного выбора. В этом плане исследователи смотрят не на то, что могли бы сделать правительства, если бы их возглавляли всеведущие и добродетельные деспоты, а на то, что они, скорее всего, реально будут делать, исходя из своих интересов и исторического опыта их поведения. Жиль Сейфанг²² из университета британского города Лидс применяет оригинальный подход к вопросам эффективности ЧЛДС, исследуя их с позиций социального аудита. Применяется и ряд других подходов.

Бартерные системы и товарные деньги

В специализированной литературе опубликовано достаточно много работ, посвященных теории и практике бартерной торговли. Одним из крупнейших действующих проектов в этой области является Международная ассоциация взаимной торговли (IRTA, www.irta.com): как утверждается на сайте этой организации, она предоставила единообразные технологии и ноу-хау для совершения сделок примерно 400 тысячам компаний, чей дополнительный бартерный оборот в прошлом году превысил 12 млрд. долл. США!

Популярность подобной формы торговли всегда возрастает во времена экономической и политической нестабильности. Предыдущий пик подобных систем товарных денег пришелся на 1990-е годы и со стабилизацией российской экономики в 2000-е постепенно сошел на нет. Повышение интереса к бартерным биржам произошло в 2008 году, на волне общего ухудшения делового климата в связи с кризисом, но в силу того что острый пик прошел достаточно быстро, этот интерес не получил массового распространения.

Тем не менее в случае возникновения кризиса ликвидности или иных экономических катаклизмов именно бартерные взаимоотношения восстанавливают ликвидность и товарооборот в экономике быстрее всего.

22 Seyfang, G. Examining Local Currency Systems: A Social Audit Approach // IJCCR. 1997. Vol. 1.

При этом в России бартерные биржи – это примета кризисного периода в экономике, в то время как в большинстве стран такая форма вполне успешно существует и во времена стабильности и экономического роста (особенно на уровне малого и среднего бизнеса). Существует несколько глобальных проектов, которые специализируются на создании инфраструктуры для бартерных бирж и обеспечивают в автоматическом режиме нормальное функционирование всех необходимых процессов (поиск контрагентов, выстраивание цепочек, сопровождение сделок). Подобные проекты являются исключительно коммерческими, что и позволяет им предлагать широкий спектр услуг и возможностей для своих участников.

В качестве примеров можно привести ряд англоязычных проектов: <http://merchantsbarter.com>, www.americanbarter.com, www.nabel.com. Интересен проект www.ormita.com, предлагающий всем желающим отработанные технологии функционирования бартерных обменов (сайт, процессинг) в качестве франшизы за определенный первоначальный взнос и фиксированную плату за каждую информационную транзакцию.

В качестве примера российского проекта можно привести Росбартер (<http://rusbarter.ru/>) – по данным сайта, на нем на данный момент зарегистрировано более 2100 организаций и суммарный оборот сделок превышает более 16 млрд. руб.

Тайм-банки (банки времени)

В банках времени основной единицей обмена, как правило, является единица учета, эквивалентная часу труда человека. В традиционных банках времени один час труда одного человека всегда равен часу труда другого (принцип эквивалентности). Заработанную внутреннюю валюту человеку не нужно тратить сразу же, эти средства могут сохраняться неопределенно долгое время.

Участники зарабатывают кредит во внутренней валюте (часто называемой «тайм-долларами») за каждый час помощи другим членам сообщества. Услуги, предоставляемые членам в рамках системы, включают в себя: уход за детьми, правовую помощь, уроки иностранных языков, домашний ремонт, уход за

нуждающимися и многое другое. Заработанные средства затем записываются на личный счет участника в банке времени.

Теоретически банки времени могут запускаться и при бумажном учете операций, но система первоначально создавалась для работы в автоматизированном режиме.

На сегодняшний день целый ряд организаций предоставляет специальное программное обеспечение для администрирования местных банков времени, также часто предлагая консалтинговые услуги, обучение и другие материалы для отдельных лиц или организаций, стремящихся создать собственные банки времени.

Любые подобные системы весьма чувствительны к размеру сообщества и качеству связей в нем.

В большинстве случаев количество участников банка времени не превышает нескольких сотен (в отдельных случаях тысяч). Как правило, участники системы близко знакомы между собой (принцип «двух рукопожатий»), что позволяет поддерживать высокий уровень доверия в сообществе.

Исследования процедур принятия решений в подобных системах (в частности, проведенные К. Уильямсом²³) обнаружили тлеющие внутрисистемные конфликты и противоречия: между персональными потребностями и потребностью системы в профессиональных навыках, а также между членами, для которых выгодна или невыгодна торговля только в LETS. Необходимо выработать стратегии, которые справились бы с несоответствиями, не вызывая отчуждения той или иной группы членов.

С ростом системы и наступлением зрелости возникает потребность в формализации принятия решений. Исследование Уильямса выводит в качестве показателей зрелости системы 50 членов и 5 лет успешной работы.

Банки времени ориентированы прежде всего на обмен услугами между различными членами сообщества и редко предполагают товарообмен с контр-

²³ Williams, C. C. Local Exchange and Trading Systems (LETS) in the United Kingdom: Tool for Community Economic Development? // CUDEM, 1996.

агентами, не входящими в это сообщество, или оказание дорогостоящих и специализированных услуг.

В большинстве случаев все подобные проекты являются инициативой одного или нескольких человек, основателей системы, которые и в дальнейшем являются инициаторами и вдохновителями всех процессов в ней.

Отдельно стоит упомянуть основанную на принципах банка времени систему FureaiKirri, организованную в Японии (описана в книгах Бернарда Литера).

Старейшая система локальной валюты сообщества в Японии – FureaiKirri, что в переводе означает «Банк добровольного труда» (www.sawayakazaidan.org.jp) – сеть взаимопомощи «домохозяек», основанная в 1973 году. Основная концепция системы заключается в заботе о пожилых людях. По сути это вариант концепции банка времени, в котором относительно молодые люди обеспечивают действительно нуждающимся людям (пенсионерам) помощь («депонировать время») и зарабатывают при этом себе часы, которые будут потрачены, когда добровольцы достигнут пенсионного возраста и сами будут нуждаться в помощи (как вариант, они могут расходовать накопленные часы для покупки услуг добровольцев для своих престарелых родителей, проживающих в другой части страны). Показательно, что эта система начала терять популярность в 2000-х годах, когда в Японии была введена государственная система заботы о пожилых людях.

Фактически FureaiKirri была связана с японской иеной твердым курсом конвертации, но в большинстве случаев официальная валюта использовалась лишь для оплаты административных издержек. Большинство участников системы предпочитали не переводить полученные часы в национальную валюту, потому что в системе один час работы стоил намного выше, чем составлял измеренный в иенах минимальный размер оплаты труда в Японии. Таким образом, эта инициатива была полезна скорее для добровольцев, которые заботились не о своем текущем доходе, а о получении необходимых услуг в будущем.

Наиболее интересные проекты в данной области: www.ithacahours.org (один из самых известных и успешных проектов в городе Итака в США)²⁴, <http://timebank.org.uk>, www.65hours.com, www.timebanking.org.

Практически единственный проект этого типа на территории России базируется в Нижнем Новгороде <http://timebank.ru>. В процессе организации находится несколько групп в социальных сетях, но они на данный момент еще пока не столь развиты и популярны, как их зарубежные аналоги.

Системы местных валют (LETS)

LETS-системы (LocalExchangeTradingSystems)²⁵ – это местные торгово-обменные системы, построенные на внутренней валюте, использующей систему взаимного кредита. Любой из участников имеет ограниченный кредит, в пределах которого он может получить товары или услуги от другого участника сообщества (увеличивая свой долг и баланс контрагента на равные суммы). Эмиссия внутренней валюты не ограничена и децентрализована, но при этом сумма обязательств всех ее участников всегда равна нулю.

Инициатором подобного рода инициатив всегда выступают местные волонтерские или иные социальные организации, стремящиеся запустить процесс тесного взаимодействия жителей конкретной местности. В ряде случаев проекты запускаются в депрессивных районах и городках как инструмент борьбы с безработицей, для повышения общего уровня жизни через кооперацию и взаимопомощь компактно проживающих членов одного сообщества.

Как и банки времени, СМТ обычно институированы как некоммерческие организации и в большинстве случаев существуют на средства и по инициативе своих создателей, реже на пожертвования и средства местных муниципалитетов и бизнеса. Ограниченное финансирование подобных инициатив и слабые информационные связи между различными проектами приводят к тому, что местные инициативы часто повторяют одни и те же ошибки и очень

24 Генкин А.С. Итаские «Часы» – местная валюта штата Нью-Йорк. // Банковское дело. 2001. № 7.

25 LETS – сокр. от «LocalExchangeTradingSystems» – букв. пер. с англ. «система местного торгового обмена», «система местного товарообмена», СМТ.

медленно развиваются. И вместе с тем системы, построенные на собственных валютах и взаимном кредитовании, на настоящий момент являются наиболее популярной формой валюты сообществ.

По различным подсчетам, в мире насчитывается порядка 3500 LETS. Как правило, деятельность подобных систем имеет достаточно ограниченный, локальный масштаб и включает не более нескольких сотен компактно проживающих участников. Однако существуют и исключения: некоторые системы достигают вполне серьезных размеров и объемов внутреннего оборота.

Первые инициативы подобного рода появились в первой половине 1980-х годов и представляли собой небольшие общины людей, хорошо знакомых между собой и компактно проживавших в одном районе или городке. Между ними заключался общественный договор, согласно которому устанавливались правила внутренней торговли и обмена ресурсами. Выбирался некий старшина, который вел учет взаимных обязательств. Далее механика торговли выглядела следующим образом: контрагенты находили друг друга на общих собраниях (по объявлениям на общей доске объявлений или позднее в собственных регулярных информационных бюллетенях, выпускаемых системой). Затем они договаривались о цене во внутренней валюте и заключали сделку. Старшине сообщались подробности сделки, он фиксировал изменения по счетам обоих контрагентов (соответственно при сделке один счет дебетовался, а другой кредитовался, но общий баланс всегда оставался равным нулю).

Одной из главных проблем СМТ (и основной причиной гибели инициатив первого поколения в конце 1980-х) стало возникновение критического количества «нахлебников» – участников системы, которые только потребляли услуги других участников, сознательно увеличивая собственный кредит. Это было бичом для систем первого поколения. Кроме того, поскольку учет взаимных обязательств велся в бумажном виде специально выбранными людьми, после набора системой определенного количества участников учет затруднялся, что нередко приводило к дисбалансам и гибели всей системы. С введением компьютерного учета проблема хоть и стала значительно сла-

бее, но тем не менее не была решена до конца. Дело даже не в своевременном выявлении недобросовестного участника, а в общей устойчивости создаваемой структуры.

Несмотря на это слабое место схемы, в 1980-х и начале 1990-х произошел настоящий взрывной рост числа подобных инициатив. Одним из известных опытов подобного толка стал эксперимент в городе Беркшир (США), в который оказалось вовлечено несколько сотен жителей этого городка.

LETS получили большое распространение в США, Западной и Центральной Европе, Австралии, Новой Зеландии и ряде других стран с сильными локальными сообществами.

Сотни примеров действующих систем подобного типа со всего мира собраны в книге одного из авторов настоящей статьи²⁶.

В целом СМТ-LETS является наиболее востребованной и популярной схемой локальной валюты. Недостатки, связанные с учетом обязательств и общим риск-менеджментом, были устранены благодаря использованию специализированного бухгалтерского ПО (например, программы Cyclos). Вопросы методологического характера по организации работы внутри сообществ активно освещаются рядом европейских и американских институтов, занимающихся вопросами регионального развития и поддержки малого бизнеса. Написано множество книг и брошюр, регулярно проводятся конференции и обмен опытом между создателями и функционерами подобных систем. Существует множество специализированных ресурсов.

Единственным известным авторам настоящей статьи примером полномасштабной реализации концепции СМТ в России является проект 100druzei.info. Инициатива стартовала 4 года назад в Иркутске, по признанию одного из основателей, в целях обеспечения физического выживания во время первого финансового кризиса. На данный момент проект вышел далеко за пределы Иркутска: в нем порядка 10 000 активных участников, региональные

26 Генкин А.С. Частные деньги: история и современность // М.: «Альпина Паблишер», 2002.

ячейки проекта есть во всех крупнейших городах страны. Общее количество зарегистрированных участников превышает 22 000.

Проект «100 друзей» имеет одно существенное отличие от большинства западных аналогов: если в большинстве случаев инициатива создания LETS возникает в уже существующем сообществе (отдельный городок или община), то иркутский проект стал своего рода центром кристаллизации, на основе которого данное сообщество сложилось. На сегодня сообщество «100 друзей» – это социум, включающий в себя очень широкий спектр людей разных профессий и умений, разных социальных слоев. В сообществе сложились устойчивые связи и высокий уровень доверия. Фактически активный участник системы, обладающий востребованным талантом, может удовлетворить практически любые свои потребности: от бытовых услуг и продуктов питания до аренды жилья и приобретения дорогостоящей техники за внутреннюю валюту – О.Е. (Обменные единицы). Система не является замкнутой: в ней может зарегистрироваться любой желающий (основное взаимодействие идет через сайт, хотя очень большую роль играют регулярные личные встречи).

Российский проект находится на полном самофинансировании и успешно развивается за счет перепродажи администрацией ресурса и участниками вовне (за рубли) ресурсов, полученных в ходе внутреннего оборота за о.е. В целом оборот внутренней валюты свободен, распространены сделки по ее обмену на рубли.

По информации организаторов проекта «100 друзей», они достигли определенного успеха и в данном направлении, в частности за прошедшие 4 года из более чем 20 тысяч участников всего 3 человека были исключены из сообщества по причине паразитарного поведения. Абсолютное большинство участников ценят свое участие в данной инициативе и дорожат им. Для многих это реальный способ значительно улучшить качество жизни и самореализоваться через участие в общем деле.

Местные квазиденежные системы («региональные деньги»)

Деньги – это инфраструктура, обеспечивающая труд отдельных членов общества внутри него: в СМТ деньги обслуживают обмен информацией, ресурсами, товарами и услугами между участниками подобной системы. Деньги не должны управлять, но они должны служить гражданам и сообществу, таким образом, деньги сообществ – это важная часть общей (коллективной) собственности. Это означает, что ЧЛДС, поскольку она является общей собственностью (создана в коллективных интересах) должна служить целям кооперации, взаимовыгодного соединения усилий, сотрудничества в пределах локальной экономики. ЧЛДС устанавливает естественный порядок и служит развитию сообщества. Именно из таких предпосылок исходят создатели местных инициатив, организующие полноценные локальные квазиденежные системы.

Наиболее известным опытом подобного толка, безусловно, является эксперимент со свободными деньгами в Вёргле (Австрия), где вдохновленный трудами Сильвио Гезелла выборный мэр напечатал на сумму 20 000 шиллингов так называемые «Свободные деньги Вёргля», обеспеченные вкладом в местном банке в национальной валюте (австрийских шиллингах) в соотношении один к одному.

Собственно, данный эксперимент был не первым, но одним из самых успешных: фактически создание локальной валюты запустило местную экономику и позволило добиться значительных результатов: в частности, была полностью устранена безработица, полностью погашены задолженности как по местным, так и по федеральным налогам. Была разрешена свободная конвертация из внутренней валюты в национальную и наоборот. Был построен ряд объектов инфраструктуры, часть которых существует и по сей день. Столь значительные результаты были получены за очень короткий промежуток времени (1932–33 гг.) что привлекло повышенное внимание со стороны иных сообществ, как внутри Австрии, так и далеко за ее пределами. Именно автономность и бурный рост местной инициативы и сыграли с жителями маленького городка злую шутку: федеральное правительство (в лице ЦБ) убо-

явшись сепаратистских настроений и высокой степени самодостаточности, просто запретило продолжение данной инициативы и так и не дало продолжить работу данной системе.

Пример Вёргля получил широкую известность в России после публикации на русском языке книги М. Кеннеди «Деньги без процентов и инфляции» и нескольких книг Б. Литаера (в частности книги «Душа денег») и нескольких их интервью. Оба этих автора в своих трудах очень подробно рассматривают этическую сторону существующей финансовой системы и приходят к выводу о ее порочности и практически демонической сущности. В противовес системе современного финансового капитала эти авторы (так же, как и многие экономисты, придерживающиеся анархических и антиглобалистских позиций) предлагают теорию Сильвио Гезелла, сформулированную им в книге «Естественный экономический порядок». Ключевой в этой теории является идея устаревания денег, их порча со временем или, иначе говоря, финансовая амортизация (демерредж) денежных знаков. В Вёргле это достигалось таким образом: существовала обязанность приобретать и наклеивать на денежные купюры специальные марки стоимостью в 2% от номинала купюры по истечении каждого месяца. Без данной марки купюра признавалась недействительной и не принималась в обращение. Именно механизм порчи денег, по мнению сторонников теории Гезелла, стимулировал увеличение денежного оборота и запустил внутреннюю экономику этого небольшого городка: жители просто не хотели оставаться по окончании месяца с недействительными купюрами на руках и тратили их в первую очередь (по свидетельству М. Кеннеди, оборот внутренней валюты более чем в два раза превышал оборот федеральных шиллингов).

У нас нет свидетельств самих жителей о том, как проходил эксперимент на низовом – потребительском – уровне, но один из авторов статьи считает, что не стоит преувеличивать «живительную» силу демерреджа. Мнение базируется на том, что успех локальных валют базируется на двух мотивациях:

- мотивация НЕ ПОТЕРЯТЬ, поскольку демерредж действительно заметно уменьшает капитал владельца при его неиспользовании;

- мотивация ВЗАИМОДЕЙСТВОВАТЬ – во всех найденных инициативах региональных валют очень мощно звучит мотив помощи и сотрудничества в масштабе своего сообщества. Всячески подчеркивается поддержка местных производителей и приоритетность приобретения их товаров в противовес импорту извне.

Ключевая идея здесь в замкнутости цепочек потребления: «я покупаю товар у местного зеленщика, он закупается у местного фермера, который в свою очередь нанимает меня для возделывания своей пашни». Обеспечивается взаимный спрос и формируется взаимное предложение, и при этом не происходит оттока капитала вовне. И все это построено на идеологии местного патриотизма. Но при этом патриотизм не переходит в сепаратизм. Локальное сообщество эффективно выстраивает местную экономику, организуя торговлю излишками своего производства вовне, в обмен получает недостающие ресурсы и/или денежные средства, необходимые для выплаты налогов и иных целей. В большинстве случаев в сообществах в ходу обе валюты: и национальная валюта, и собственные квазиденьги. Зачастую локальные валюты организуются лишь для того, чтобы заполнить вакуум национальных валют в тех местах, куда по каким-то причинам не доходят/не задерживаются национальные деньги и наблюдается постоянный дефицит наличности, парализующий местную торговлю. Именно на идее кооперации и взаимной поддержки строятся все инициативы местных денег. Демерредж лишь увеличивает этот эффект.

Сейчас лидирующие позиции по количеству и разнообразию локальных денежных систем занимает Германия.

В начале 2000-х, после появления антиглобалистского движения (и что интересно – примерно в одно время с введением единой европейской валюты) зародились первые схемы так называемых «региональных денег» (нем. Regiogeld): в 1998 году – система «Pho» в Арнштадте (около Эрфурта) и в 2001 году – система «Roland» в Бремене. Настоящий прорыв произошел в 2003 году, после того как школьный учитель из Вальдорфа Кристиан Джеллери вместе с шестью школьницами организовали проект «Chiemgauer» (www.chiemgauer.de)

chiemgauer.info). Поддержанный родителями школьников проект Chiemgauer получил значительный импульс для развития. Из-за огромного внимания со стороны СМИ к данному проекту у многих людей по всей Германии возникло желание повторить успех и создать собственные местные деньги. В это же время (в 2003 году) был проведен конгресс, в ходе которого была учреждена некоммерческая структура для обмена опытом и поддержки новых подобных проектов. Эта сеть в 2006 году оформилась в качестве зонтичной ассоциации Regiogeld (www.regiogeld.de). Она организует встречи два раза в год, предоставляет инструкции новичкам, ведет работу со СМИ – в целом она определяет, разрабатывает и распространяет идею Regiogeld.

По сути Chiemgauer – это местная ассоциация производителей и потребителей, каждый член которой может обменять евро на внутреннюю валюту. Сама операция обмена происходит в местных банках, входящих в ассоциацию, а валюта принимается в многочисленных частных магазинах и предприятиях сферы услуг, помеченных наклейкой «WirChiemgauer».

Конвертация производится по курсу один к одному. Для бизнеса возможна обратная конвертация из внутренней валюты в евро с дисконтом в 5%, обмен для частных лиц ограничен.

В данной системе реализована схема с демерреджем, со ставкой 2% в месяц, таким образом и бизнес, и пользователи мотивированы не накапливать, а регулярно использовать имеющуюся наличность. Что интересно, средства, полученные от демерреджа, частично идут на поддержание работы системы (эмиссия и иные расходы), но большая часть средств перечисляется на финансирование некоммерческих проектов, также участвующих в ассоциации, в качестве добровольных пожертвований.

На начало 2012 года в системе участвовало около 600 компаний, принимающих внутреннюю валюту наряду с евро, в обращении находилось около 650 тыс. единиц местной валюты, а за время существования проекта 215 тыс. евро было перечислено в более чем 300 местных некоммерческих проектов (в счет удержанного демерреджа).

Другой очаг зарождения и распространения инициатив, связанных с местными валютами, – Латинская Америка. Например, производственный кооператив Виктория в кантоне Гресия (Коста-Рика) – самый старый сельскохозяйственный кооператив Коста-Рики, основанный в 1943 году. В настоящее время в нем участвует более трех тысяч человек и привлекается более тысячи сезонных рабочих ежегодно (www.coopvictoria.com).

В данном кооперативе была организована схема обращения обеспеченной товаром валюты в форме ваучеров. Подобные инструменты распространены на больших сельскохозяйственных фермах по всей Центральной Америке. Отличие кооператива Виктория заключается в том, что были разработаны многочисленные стратегии того, как могут использоваться ваучеры внутри существующего локального сообщества, не только как запись в платежной ведомости в счет зарплаты, но и как полноценная система расчетов ваучерами за продукцию местных производителей, использование их при заключении контрактов для малого бизнеса и при выдаче ссуд крестьянам. В целом ваучеры служат здесь для создания и стимулирования местных торговых сетей и малого бизнеса. Все нововведения увеличивают варианты использования ваучеров и, следовательно, повышают спрос на ваучеры, увеличивая их оборачиваемость. Расширение сферы применения ваучеров позволило решить проблему ликвидности и дефицита «дорогого» заемного оборотного капитала, сам кооператив получил возможность эмитировать необходимое количество расчетных единиц в ожидании ближайшего урожая (тем не менее, эмиссия ограничена ожиданиями предстоящего урожая и корректируется на размер ожидаемой прибыли от его продажи на внешнем рынке). Сам же кооператив получает практически бесплатный кредит (в виде труда и товаров местных производителей, получаемых в обмен на напечатанные денежные знаки), который при продаже товаров возвращается в виде национальной валюты.

При этом местный бизнес получает огромное преимущество в виде постоянно имеющейся ликвидности в виде местной валюты, которая никогда не покидает ареала деятельности данного кооператива (для сельскохозяйствен-

ных районов очень остро стоит вопрос дефицита наличных в течение года; как правило, наблюдается избыток наличности сразу после сбора и продажи урожая и жесткий дефицит во все остальное время). Сам кооператив получает возможность практически бесплатно кредитоваться для поддержания своей оперативной деятельности (по сути это не денежное, а натуральное кредитование).

Участники системы – частные лица (крестьяне) – в данной системе также получают огромное преимущество: с ними всегда могут рассчитаться хоть и квазиденьгами, но на эти денежные знаки можно приобрести практически все, что необходимо для поддержания нормального уровня жизни (в том числе и товары длительного пользования, приобретаемые в кооперативных магазинах).

Интересное наблюдение на французском материале составил С. Лааше (1998): женщины в ЧЛДС составляют 60% участников. Зачастую им принадлежат руководящие функции в системах. Большой процент женщин в ЧЛДС объясняется их большей свободой по времени, но также и их интересом к новой информации из сети, их образованностью (пусть даже в отсутствие формального диплома), наличием у них личного мнения о делах сообщества и т.д., а также отсутствием формальных барьеров для входа.

Практически единственным примером региональных валют, найденным авторами в России, является проект, инициированный Агентством стимулирования предпринимательских инициатив «Ресурсы и Новации» (АСПИРИН) в селе Шаймуратово Кармаскалинского района Республики Башкортостан. Проект существует уже более полутора лет и заключается в том, что существующая здесь агрофирма – ООО «Шаймуратово» – для своевременных расчетов со своими сотрудниками выпустила в оборот собственные обязательства в виде купюр, принимающихся в нескольких местных магазинах. Первоначально система больше походила на некую систему товарных талонов: данные квазиденежные купюры выдавались сотрудникам предприятия в виде аванса, купюры принимались исключительно в местном магазине, также принадлежащем данному ООО (отпускается весь товар, кроме алкогольных

напитков). Фактически данная схема работает в очень многих сельских магазинах, когда сельпо выдает товар в долг (авансирует) сотрудникам предприятия и учитывает задолженность в специальных тетрадах. Отличие опыта в Шаймуратово заключается в следующем:

- вместо централизованного учета была введена распределенная система с наличными заменителями денег (так называемыми «шаймуратовками»);
- в самих шаймуратовках заложен механизм демерреджа (финансовой амортизации), причем весьма оригинальным способом. Если в большинстве подобных систем приходится определенным образом ставить отметки о действительности купюр (наклейка марок, штампель или подпись), то в Шаймуратово изначально напечатали купюру, на которой указан эквивалент в рублях, которому соответствует купюра в каждый конкретный период времени (каждую неделю покупательская способность купюр снижается, что стимулирует их более активное использование в расчетах).

Если в большинстве случаев хождение местной валюты ограничено связкой контора-работник-магазин, то в данном случае платежные средства достаточно быстро проникли и в остальную экономику данного социума: купюру стали принимать местные таксисты, местная лесопилка и ряд других местных бизнесов. Принимать купюру стали и жители других поселков, которые имеют какие-то экономические взаимоотношения с данным селом, поскольку они уверены, что эта купюра свободно может быть обменена на товар в магазинах и абсолютно легитимна в пределах данного сообщества.

В целом размер денежной массы не такой уж и большой (эмитировано около 1 000 000 шаймуратовок), но и этой суммы вполне достаточно для того, чтобы решить проблему с дефицитом денежных знаков в селе. Местное агропредприятие имеет возможность платить аванс своим сотрудникам (до четверти заработка и лишь в добровольном порядке), а сами сотрудники не видят большой разницы в том, в какой валюте получать вознаграждение.

В любом случае большая часть товаров все равно приобретается в том же сельском магазине, поэтому люди охотно берут и местные деньги.

По исследованиям системы АСПИРИН, до четверти оборота в магазинах, согласившихся принимать местную валюту, составляют платежи именно в ней. В случае, если бы данная денежная инициатива не была реализована, потребление было бы существенно ниже, что сказалось бы на качестве жизни местных жителей. По прошествии полутора лет развития эксперимента, все участники процесса признают, что с помощью «ненастоящий денег» были достигнуты исключительно позитивные результаты.

Резюмируя описанный выше опыт, а также опыт ряда иных СМТ-инициатив, можно утверждать, что внутренние валюты сообществ данного типа хотя и связаны с национальными валютами, но тем не менее обладают рядом принципиальных отличий:

- локальность применения (защита от внешнего рынка и стимулирование внутреннего производства и потребления);
- особые принципы денежного обращения, максимально настроенные на потребности сообщества, его инициировавшего (демерредж в разных формах и включенный в него элемент финансирования локальных инициатив, собственные правила и принципы эмиссии).

По сути ЧЛДС являются замкнутыми платежными системами, ориентированными на ограниченное сообщество – население локальной местности.

Ряд исследователей отмечают четыре ключевых цели, ради которых создаются подобные системы:

- стимулирование развития местной экономики (местный производитель – местный потребитель);
- защита внутренней экономики от внешних экономических катаклизмов, как то: спады или бумы;
- изменение природы обмена внутри сообщества, стимулирование внутренней кооперации и взаимопомощи;

- дополнительный доход от выпуска и обслуживания внутренней валюты. Финансирование местных инициатив из этих средств. Привлечение туристов и продажа им местной валюты в качестве сувенира (особо характерно для малых городов в Европе).

В отличие от предыдущих систем (банки времени и LETS), у локальных валют существуют физические носители (купюра или электронные карточки), что позволяет строить более устойчивые и распределенные системы, в которых может участвовать большое количество субъектов – частных лиц и местных бизнесов.

Отдельно стоит упомянуть, что в ряде государств локальные денежные валюты имеют абсолютно законный и признаваемый всеми статус. В частности, еще в 1990-х годах в Австралии были приняты соответствующие акты, легализующие ЧЛДС и признающие их в качестве законных платежных средств, оборот в данных валютах подвергается налогообложению, сделки имеют юридическую силу и защищаются государством. Часть стран (к примеру, Великобритания) не признает данные инициативы законными и не дает им возможность свободно работать на своей территории, из-за чего в этих странах большей популярностью пользуются системы, не претендующие на замену собой наличного оборота и менее масштабные (прежде всего банки времени и LETS).

В целом, по мнению одного из идеологов LETS Майкла Линтона, нынешние налоговые законы в его родной Канаде относятся к ЧЛДС не больше, чем транспортные законы XIX века к реактивным самолетам. От страны к стране позиция налоговых чиновников варьирует от угрозы обложить налогом и штрафами всю прибыль, полученную по сделкам внутри ЧЛДС, до полного игнорирования полученного в них дохода в связи с узким кругом товаров и участников в этих сделках.

«Внутрикорпоративные деньги»

Корпоративные и бонусные деньги очень похожи по сути на местные денежные системы. Обычно это также замкнутая платежная система, ориен-

тированная на определенное сообщество, но инициатором и заказчиком ее создания является не местное сообщество, а некая сугубо коммерческая организация, которая созданием подобной системы преследует цель либо повышения лояльности своих потребителей, либо непосредственной продажи им новых товаров или услуг. Внутренняя валюта в подобных проектах всегда эмитируется только организатором системы и зачастую только им и принимается в качестве расчетной единицы в обмен на товар. Таким образом, вся экономика при пользовании подобной системой сводится к накоплению бонусов за некие свои действия и расходованию этих бонусов на приобретение товаров или услуг у этого же организатора.

Эмиссия этой внутренней валюты (бонусов) производится зачастую без какого-либо контроля и обеспечивается обязательствами эмитента (коалиции эмитентов).

Стоит разделить непосредственно системы лояльности по стимулированию потребителей и корпоративные валюты, которые в свою очередь также делятся на два вида.

Первый вид ориентирован на сотрудников предприятий. Это система, производная от талонной, когда предприятие частично или полностью расплачивается со своими сотрудниками и иными лицами некими чеками или талонами, которые могут быть обменены в определенном круге точек на набор товаров и услуг, обеспечиваемых и организуемых самими эмитентом. Таковы, например, товарные чеки на предприятии для поддержки сотрудников и т.д.

Второй вид ориентирован на клиентов предприятий – продажа обязательств по поставке товара или услуги в будущем. Например, это предоплаченные объемы бензина, приобретаемые с использованием различных топливных карт, и т.п.

Подобная валюта может иметь как товарный, так и денежный номинал. Как правило, она имеет ограниченный срок хождения для стимулирования расчетов ею.

Бонусные системы и предоплаченные корпоративные валюты чаще всего реализуются в виде карточных систем. Корпоративные талонные системы

чаще всего реализуются в виде физических талонов и чеков на бумажных носителях.

Таким образом, приведенные выше примеры с уверенностью доказывают что существуют экономики, не опирающиеся на привычные и общепризнанные идеи капитализма, есть множество альтернативных форм взаимодействия между людьми. Существует частная инициатива сообществ, которая создает свою собственную сигнальную систему в виде валюты сообщества, свою собственную дополнительную экономику, которая позволяет удовлетворять естественные потребности, возникающие в данном сообществе.

Многообразие и устойчивость подобных форм взаимодействия, так же как усугубляющийся идейный и технологический кризис существующей финансовой модели перераспределения ресурсов, показывают нам, что одним из выходов является создание местных локальных экономик. Децентрализация и локализация производства, потребления и самое главное самой жизни сообществ, именно это послужит новой точкой роста для человечества, но не экстенсивного как прежде, а интенсивного и направленного на качество взаимодействия и саморазвития между людьми.

ЗА «THINK-TANKS»

Владимир Никитин

Меня давно занимает роль интеллектуальных машин в обеспечении развития, изменений общества и форм его хозяйствования.

Всякое хозяйствование обеспечивается своим типом интеллектуальной машины. Я слово «машина» употребляю метафорически, не вкладывая в него оттенка механистичности. Это некоторая организованность. Не было бы ни экономики, ни могучего хозяйства Египта, если бы не было школ писцов, их работы на инструментарий счета и учета.

Соответственно и дальше это можно проследить. Пример – формирование империи Карла Великого. Карл Великий был неграмотный. Он на ночь клал себе под подушку азбуку, написанную на дощечках, в надежде, что Бог ему даст возможность освоить грамоту. Но он был очень образованный человек, в том смысле, что у него был образ мира и он понимал, что он делает. Он создал при дворе Академию Алкуина, первый европейский прото-Университет, и лично присутствовал на всех заседаниях, участвовал в обсуждении. За счет этого он получил, как минимум, общегосударственную идею (или идею национальную, как бы сейчас сказали), он усвоил идею Града Божьего Блаженного Августина. И все его действия – реализация этой идеи, как он ее понимал. Во-вторых, вместе с Академией он разработал технологии освоения захваченных территорий. Он расширял империю, и как только захватывалась территория, туда приходила иерархия чиновников и священников.

Важно, что всякое продвижение европейской цивилизации сопровождалось своими интеллектуальными машинами. Городская цивилизация породила сначала монастырские, потом цеховые и городские школы, потом университет. И никакая развитая экономика без подготовки идей и людей не произошла бы. И мы видим сейчас, что во многом соревнование экономических систем связано с соревнованием интеллектуальных машин. Америка постро-

ила самую удачную версию за счет стратегии захвата: американская система образования и науки – это большой «интеллектуальный пылесос». Самый большой в мире. Идут попытки соревноваться с этим «пылесосом» или противодействовать ему.

Итак, всякая экономика обеспечивается интеллектуальными машинами, интеллектуальные машины в процессе истории менялись вместе со сменой типа экономики. И если мы говорим о новой экономике, мы должны говорить о новых типах интеллектуальных машин. Университеты не являются больше машинами, которые могут обеспечить потребности новой экономики. Как тип машин, они останутся, но сам тип университета не решает этих новых задач. Как за школами появились университеты, так теперь должна появиться новая форма, которая и будет организовывать вокруг себя новую экономику, новое хозяйствование, новую жизнь.

Я всю жизнь проработал в разных интеллектуальных машинах. И могу выстроить некую типологию, исходя из собственного опыта.

НИИ, УНИВЕРСИТЕТ

Первые 30 лет я работал в институте теоретической ориентации. Институт обеспечивал советское народное хозяйство идеологией. Мы обеспечивали нормативное представление о том, как должна быть организована жизнь и следили за тем, что делается на Западе. Еще в 30-х годах нарком Милютин выдвинул тезис, что надо активно работать с достижениями Запада, но при этом четко разводить технологию и идеологию: идеологию критиковать, а технологии заимствовать и осваивать. Были созданы организации по изучению зарубежного опыта, которые эту сепарацию производили.

Мы работали на госмашину, используя объектно-тематическую организацию исследований. Были темы, в темах выделялись объекты, и мы занимались их конструированием и описанием. Иногда это было даже не объектно-, а вещно-ориентированные исследования. (Подобный опыт реализации такой же схемы исследований у меня был и в вузах.) Нам разрешали заниматься

теорией, мы обсуждали и строили идеологию системного подхода и пытались объяснить руководству, зачем он нужен.

ММК, МОСКОВСКИЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КРУЖОК

Я попал в него вместе со своими товарищами, нас было четверо. Нас, киевскую группу, специально учили основам методологии, чтобы мы смогли органично войти в работу. Я активно был включен в работу ММК в течение 15–16 лет. Это была коммуникативно-организованная машина, которая развешивала схемы устройства мира мыслительности. Была последовательность схем, на которые можно было опираться в своем мышлении. И те, кто работал в ММК, в основном усваивали способ порождения схем и способ отнесения к схемам. Тогда это как принципиальное достижение не рефлектировалось. Потом уже молодежь заявила, что единственное, что породил ММК, – это способ работы со схемами. Думаю, для принципиальной инновации этого достаточно! Новый язык был порожден, а кто его вне ММК мог освоить? Есть блестящая статья Громыко «Почему методологи проиграли перестройку?» Методологи не были ориентированы на обслуживание будущей экономики, они были ориентированы на обслуживание будущего мышления. В ММК были три ярко выраженных этапа: семинарский (когда были заложены базовые онтологические схемы), игровой этап (когда это перешло в коммуникацию по всей стране), и третий этап, когда пошли проекты. И на них все замерло. Это был необычный способ интеллектуального сопровождения. Но его еще можно использовать, это ресурс постсоветских стран.

THINK-TANKS

Я много лет работаю в так называемом think-tank. В Америке и Европе это та форма организации исследований и разработок, которая обеспечивает процессы принятия решений. Зародилась она в начале XX века в Канаде. Канада была очень похожа на нынешнюю Украину: воровство, бесконечная смена правительств, бардак и так далее. Собрались в лесу в охотничьем домике с десятком бизнесменов и чиновников и решили навести в стране порядок. И соз-

дали такую организацию, которая занялась интеллектуальным обеспечением принятия решений. Она Канаду в итоге вывела из ситуации разрухи.

В США первым большим think-tank после войны был REND corporation. Сейчас эта корпорация насчитывает тысячи сотрудников. Нас обучали сотрудники REND, как работать в think-tank. В США насчитывается более двух тысяч think-tank. Эти аналитические центры занимаются не наукой, а аналитикой и прогнозами для обоснования процесса принятия решений. Устроен think-tank вокруг идеи проблемы, это проблемно-ориентированные интеллектуальные машины. Там главное – выделение и постановка проблемы, анализ причин и последствий и рассмотрение вариантов и сценариев, каким образом проблему снять.

Все эти формы, которые я описывал – НИИ, Университеты с НИОКРами, ММК и think-tanks – уже не могут обеспечить скачок к Новой экономике. Нужна новая форма интеллектуальной организации, которая, безусловно, использует элементы предыдущих форм, но должна быть устроена принципиально по-другому.

Нельзя нарисовать нормально действующую машину, если не поставлена задача, зачем это машина вообще нужна. Как я формулирую задачу? У нас есть схема, как устроена система временения. Согласно ей, машины синхронизации обеспечивают хронос, или общественное время. Мы поначалу с большим отвращением отнеслись к идее синхронизации, которая переводит все в линейное время, в последовательность. Но без этого не было бы глобализации, не было бы современной экономики, потому что синхронизация разнородное переводит в универсальное и однонаправленное.

Задача состоит в том, чтобы за счет действий тех, кто вышел к занятию позиций, к иным видениям и принципам, за счет давления разнообразия индивидуальных форм изменить формы общественного времени, совершить скачок, построить другие принципы и формы синхронизации, которые решают те вопросы, которые мы здесь обсуждаем. Осознанно эта задача мало ставилась в истории. Разве что теоретиками Просвещения.

Мы начали строить свою машину. Вернее, начали понимать, что мы эту машину строим. По идее, это машина коммуникативная. И пришлось сразу разделить коммуникацию на несколько слоев, векторов, или найти какие-то другие слова.

Я разделяю коммуникацию на три типа: передача данных, общение и сложная смысловая коммуникация. Но мне трудно бороться с массовым представлением, когда коммуникацией называют и общение, и передачу данных.

Перед нами встала задача: формирование сложных коммуникаций. Сложному миру, сложному человеку – сложные коммуникации. На этой конференции сейчас и происходит акт таких сложных коммуникаций. Я уверен, что в Киеве не много таких мест и не часто это происходит. И не только в Киеве. Мы должны создать машину, в которой сложные высокие коммуникации будут иметь не только место, но и значение, и смысл.

Итак, у нас есть большая коммуникативная рамка:

- Первый слой. Коммуникация-1 – периодическое собрание людей, которые в состоянии видеть Новое, анализировать ситуацию относительно Нового и бороться за это Новое. У нас это совет Основателей. Они имеют коммуникации с другими сложными структурами.
- Следующий слой, Коммуникация-2 – это коммуникация с людьми, которые выступают заказчиками, имеют перспективы. Это слой, который связывает мышление с миром деятельности.
- И третий слой – Коммуникация-3. У нас это FFF, площадка, где свободно обсуждаются принципиальные вещи, связанные с видением мира. Кроме этого есть онтологические школы, есть другие формы подобных коммуникаций, есть Клуб дилетантов. То есть мы держим некоторое количество коммуникативных площадок, на которых можно говорить «по гамбургскому счету».

Я заявляю здесь неожиданный тезис. *В новой форме исследований (а они ориентированы, прежде всего, на социум) процессом получения нового*

знания (или опыта) являются циклы самоопределения. Они имеют двойную структуру – учебную (то, что мы называем Персоналитет) и собственно исследовательскую. Это делается, прежде всего, за счет реализации нескольких схем. Одна из них – схема самоопределения, опубликованная в книге «Основание Иного» (стр. 46–52). Это на данный момент для нас самая сложная и самая работающая схема самоопределения.

Мы втягиваем в процесс самоопределения и сложную коммуникацию людей с точкой зрения и с позицией. Персоналитет продвигает к обретению позиции. А содержание исследований – это исследование пределов. Рабочий инструмент – самоопределение. И это есть суть, ядро того, что наступает после think-tank и после университетов. Есть принципиальные задачи, которые решает эта машина. Сегодня мы решаем три из них: создание новых форм образования людей, создание нового расселения и новых городов и, третье, – организация высоких коммуникаций.

Сложные коммуникации осуществляются тогда, когда ситуация собирает вместе людей с разными жизненными опытами и различной остротой восприятия действительности. Поэтому Персоналитет достаточно многослоен. Сюда мы стали включать и молодежь, и детей.

Мы создаем рефлексивным образом, интеллектуальную машину, которая должна обеспечить скачок в новую экономику. И для нее придумано смешное название: sense-stream. От think-tank – к sense-stream. Порождение новых смыслов является основной функцией sense-stream.

Что эта машина может делать еще? Она решает задачу, которую мы сейчас пытаемся навязать некоторым городам: это переход от стратегии-документа к машинам стратегирования. Эта машинка за счет своей многотактовой работы позволяет перейти от наблюдения динамики со статичной точки – к параллельному движению и изменению картин видения вместе с построением новых объектов. То есть *подвижное в подвижном* – метафора этой новой интеллектуальной машинки, sense-stream.

При этом я прекрасно понимаю теперь, что, разработав идею новой организации, я смогу, повернувшись назад, обнаружить ее даже в древнем Египте.

Левинтов: Процессы самоопределения и процессы целеполагания – это два параллельных и необходимых процесса. И оба они в своих основаниях являются онтологиями.

Для меня проблема – это разрыв между целями и средствами. Есть разрыв – есть проблема. И та работа методологического сообщества по проблематизации и себя, и окружающего мира во многом была виртуальна, потому что они не умели ни полагать цели, ни работать с ними. Вся проблематизация имела виртуальный характер.

Никитин: В ММК не было ориентации на изменение социума. Это из-за того, что работа кружка находилась под контролем органов. Если мы выходили за рамки обсуждения логических проблем, это было чревато. И поэтому ММК не наработал социальных и исторических представлений, соответствующих мощи наработанных логических схем.

ИНОЕ ВИДЕНИЕ

ЗА ИНЫМ

ЕВГЕНИЙ ЛАПИН

Если мы попытаемся построить будущее, опираясь на те тренды, которые можно обнаружить в настоящем, мы получим не более чем продолженное настоящее.

Если же мы хотим получить качественно иное будущее, а что-то предпринимать мы можем только из настоящего, значит, нам в настоящем нужно найти нечто такое, что является как бы зародышем желаемого качественно иного будущего. Ведь мы, так или иначе, опираемся на постулат причинности, который в данном контексте утверждает, что будущее не берется ниоткуда, оно вытекает из настоящего.

Назовем это нечто – Иное. И будем его искать.

Откуда же оно может взяться?

Иное обнаруживается там, где пересматриваются онтологические основания существующей картины мира. По каким-то причинам существующие постулаты перестают работать, или же просто обнаруживаются явления, которые им противоречат. Или же, наконец, мы волюнтаристски подвергаем сомнению то или иное предельное основание, как это сделал, например, Лобачевский с евклидовой аксиомой о параллельных прямых. В результате такого пересмотра обнаруживается новый предел.

Смею утверждать, что механизм такого пересмотра универсален.

Любое представление строится на выделении в предметной области значимых категорий, каждая из которых представляет собой несколько дуальных пар. Например, категория Время порождает куст таких дуальностей: прошлое-настоящее, прошлое-будущее, настоящее-будущее, мгновение-вечность, быстро-медленно, часто-редко, всегда-никогда и т.д. Если нам уда-

ется пережить тождественность двух полюсов любой пары, например, пары мгновение-вечность, мы оказываемся в позиции, из которой открывается качественно новый аспект исходной категории, в нашем случае – Времени.

Или же даже становится возможным исключить эту категорию вообще из рассмотрения. Например, в случае со временем – заменить его категорией «Вид связности».

Нетрудно видеть, что действительно такая позиция открывает иную картину предметной области. Причем не равноценную исходной, а качественно новую. То есть такая позиция и является искомым Иным.

Экстраполируя этот процесс, мы придем к схлопыванию всех дуальностей, что означает отказ от всех категорий, что, в свою очередь, означает отказ от использования представления как базового инструмента мыследеятельности, или скорее отказ от самой мыследеятельности как способа познания и конструирования реальности.

И тогда полученное Иное будет всем Иным Иное. Не просто Иное с большой буквы, а все большими буквами – ИНОЕ. И даже абсолютно ИНОЕ! Собственно, тогда имеет смысл говорить уже не об ИНОМ, а вообще об Абсолюте.

А не создается ли впечатление у уважаемого читателя, что в истории человеческого познания эта процедура полного схлопывания уже предельвалась, причем неоднократно? Сократ с его приравниванием знания к незнанию, Будда с его благородным молчанием в ответ на вопрос об устройстве мира, Лао-Цзы с его Дао, которое если его можно назвать словами, не есть настоящее Дао, дон Хуан с его ничем не обусловленным Нагвалем, etc.

Так, может быть, вообще отказаться от категории «Иное» как от неконструктивной, а встать на путь схлопывания дуальностей, ведущий напрямик к переживанию Абсолюта? Риторический вопрос. Риторический, потому что тот, кто пришел к пониманию этого механизма, уже давно на этом пути. А тот, кто ищет Иное, еще, по-видимому, не готов к такому осознанию. Можно ли ему помочь? ...

ОТКРЫТАЯ ШКОЛА

Владимир Никитин, Евгений Мирошниченко

Мир необратимо и быстро меняется. А успевают ли школы отвечать на вызовы времени и готовить ребенка к эффективному существованию в этом мире? К сожалению, почти общепризнанным является тот факт, что традиционная школа с этими задачами не справляется. И сегодня уже очевидно, что обществу нужна Иная – открытая к изменениям – школа.

Мы запускаем Проект «Открытая школа» и начали с того, что попытались установить различия – чем школа традиционная (школа 1.0) отличается от школы инновационной (школа 2.0), и как она должна измениться в будущем (школа 3.0).

Мы составили следующую таблицу:

	Школа 1.0 – ОБЫЧНАЯ	Школа 2.0 – ДРУГАЯ	Школа 3.0 – ИНАЯ
Признаки	Класно-урочная система (КУС), традиционные педагогические технологии	Инновационная школа, открытое образование	Образование через всю жизнь, обучение через совместное мышление и деятельность
Цель школы	Окультуривание: ребенок должен усвоить нормы и правила, установленные списки знаний	Подготовка к успешному существованию в современном мире	Научить самоопределяться во многих мирах и жить в изменяющемся обществе

По какому принципу организованы школы?

	Школа 1.0	Школа 2.0	Школа 3.0
Принцип организации	Норма	Выбор	Траектория
Назначение	Занятие своего места в социуме (сословия, классы)	Встраивание в технологические циклы, рабочие коллективы	Создание партнеров для творения миров
Метафора образования	Образовательный конвейер (одинаковые знания, которые даются стандартным образом)	Образовательный супермаркет (образовательные услуги – клиенты, потребности, качество)	Образовательная экспедиция

Ш1 – это универсальная нормативная организация. На прежних этапах это была сословная школа, и каждому сословию соответствовала своя организация: монастырская школа, цеховая школа, городская школа, дворец как школа. Советская школа также имела нормы, которые предписывались и исполнялись. Эти нормы были инструментом, который двигал образование. До сих пор это сохранилось в нашей школе: существуют некоторые установленные нормы и единицы знания, которые необходимо передать ребенку. Знания, как правило, вырваны из контекста и преподносятся в качестве единой Истины. Учитель – работник конвейера. Его задача в том, чтобы включить ученика в процесс, «формировать» его.

В западной практике появилась Ш2. Это способ не нормативной организации, а индивидуального комбинирования (супермаркет). У нас её только кое-где намечают. Ш2 больше направлена на выбор. Существуют разные «знаниевые поля», и ученик может выбирать деятельность и передвигаться между этими полями. Но каждый раз он усваивает те нормы, правила, образы действия, которые органичны для этого поля, осваивает принятые способы действий, развивает определенные компетенции. Эти поля предзаданы. Появляется выбор между нормами, но норма сохраняется. У нас в обществе идет борьба за построение Ш2: дайте нам построить школу без жесткого нормирования – так большинство понимает открытое образование.

Но сейчас мы обсуждаем ШЗ, которая построена на других основаниях. Учащийся сам выдвигает требования к своему образованию, и под них формируются персональные траектории.

Для какого мира предназначены школы?

	Школа 1.0	Школа 2.0	Школа 3.0
Характеристика мира	Индустриальный мир, включение в массовое производство	Мир массового потребления	«ЗАпотребительский мир»
Отношение к ресурсам	Дефицит ресурсов – распределение	Конкуренция за ресурсы	Создание новых интеллектуальных ресурсов
Задача школы	Подготовить человека к занятию определенного места (профессии). Включить его в функциональную кооперацию. Занять свое место	Определить потребности и предпочтения, предоставить образовательную услугу. Найти и занять наилучшее место	Включить в процессы самоопределения и творения своего мира. Создать свой мир

Ш1 предназначена для стабильного мира индустриального производства, где индустрия формирует точно определенные места, куда нужно направить человека, зная, какие умения для этого ему нужны. Это мир функциональной кооперации. Советское образование – это полностью развитый первый тип школы.

Ш2 четко привязана к потребительским требованиям. Вторая школа построена на идее о том, что существуют образовательные услуги, и предполагает корпоративную организацию мира. Она предоставляет услуги по подготовке кадров для корпораций.

ШЗ – это проявление возможностей. Она создана для ЗАпотребительского общества.

В первом и втором случае есть предзаданный мир, в котором ты находишься, – мир ДО тебя и мир ВНЕ тебя. В третьем есть возможность формировать свой персональный мир. В первой школе говорили так: «Мир устроен таким-то образом, мы знаем его законы, эти законы нужно жестко соблюдать». Это смысл Ш1 – включить тебя в систему предписанных законов. Во второй школе тебе говорят: «Есть варианты, ты можешь занять разные места, в зависимости от того, за что ты заплатишь, что ты выберешь».

Ситуация в Украине – это время перехода от Ш1 к Ш2. Для большинства отечественных педагогов-новаторов Ш2 – это светлое будущее. Государство же изо всех сил пытается удержать первую школу.

ШЗ учитывает все более возрастающую неоднородность общества и использует ее как свой ресурс. Она дополняет Ш2, но не заменяет её. ШЗ нужна сегодня для небольшого процента населения. Но людей из этой небольшой группы еще надо найти и включить в процессы формирования новой школы.

Идеологическим обоснованием Ш1 был принцип иерархии. Ш2 – это подготовка к кооперации, то есть тебе приписывают место в социальной кооперации. На то и конкуренция, чтобы занять место повыше, но при этом ты винтик существующей машины. Конкуренция надстраивается над кооперацией.

В Ш1 ты находишь место в социальной организации. В Ш2 – в кооперации и конкуренции.

В ШЗ место остается, но само понимание «своего места» меняется. Основным принципом становится построение места в коммуникации.

Как организована школа?

	Школа 1.0	Школа 2.0	Школа 3.0
Основная идея школы	Идея познания	Идея развития	Идея творения
Цель обучения	Знание основ, правил, норм	Пробование, получение личного опыта	Миротворение
Технология обучения	Школьные предметы, жесткая структура (иерархия) знаний	Тренажеры, студии, малые группы, создание образовательных сервисов	Игры в будущее
Принцип обучения	Последовательно, поступательно, согласно логике предмета (по темам)	По разным тематическим и деятельностным полям	Развертывание и сопровождение собственных проектов
Институт воспитания	Текст, библиотека	СМИ	Собеседники
Роль учителя	«...я расскажу тебе Истину»	«...я помогу тебе выбрать»	«...я проведу тебя по другим мирам»
Отношение к рефлексии	Запрет на рефлексию, некритическое усвоение	Рефлексия своего выбора	Рефлексия самоорганизации

В Ш1 есть уже заданный мир, в нем нужно жить в соответствии с его условиями. Высшая доблесть – с помощью науки познать этот мир и улучшить его. В Ш2 необходимо все попробовать, в Ш3 необходимо все самостоятельно замыслить и построить.

В Ш1 существует система норм, которая жестко регламентирует, что преподавать, когда преподавать, как преподавать. Четко определены позиции учителя (активное начало) и ученика (объект процесса обучения). Задача учителя – включить, вовлечь ученика в конвейер знаний. Основная задача педагога – проектирование образовательных единиц – уроков.

Технология Ш1 обеспечивает пассивное освоение и накопление «старых» знаний. Принцип педагогики в Ш1 – поступательность: есть иерархия знаний, которые подаются последовательно. Учитель – это работник конвейера,

его задача – формировать образец ребенка. Разделяется учение и воспитание. В Ш1 идеологическое воспитание не было оторвано от социальной реальности, оно и формировало её.

В Ш1 центральным местом была библиотека; Ш2 неразрывно связана со СМИ. То есть воспитание ушло за стены Ш2, вовне, во многом – именно в СМИ, а библиотека превратилась в информационный центр. В Ш3 должно появиться снова воспитание – за счет развитых форм собеседования.

Из этого выходим на идею разнородной коммуникационной организации в трех школах. Ш1 – учитель как носитель знания. Тьютор, комментатор – это Ш2. Ш3 – некий образ путешественника, который приносит весть из другого мира, человек, который говорит: «Миры бывают разные, давай пойдём по ним и начнём создавать свой». Он вместе с учащимся создаёт опыт Со-творения.

Что касается содержания – в Ш1 есть школьные предметы, некоторая истина, которая излагается в четкой последовательности. В основу обучения положена «парадигма интеллекта»: все, что тебе нужно для хорошей жизни, – хороший интеллект. Интеллект – например, логико-математический, – распределен в социуме неравномерно, но его можно наращивать, упражнять. Развитие интеллекта происходит путем решения логико-математических заданий. При этом чем меньше используются дополнительные инструменты (калькулятор) – тем лучше развиваются интеллектуальные способности. В Ш1 ставится предметное и вероятностное мышление (физика, химия, математические модели). Вероятность можно статистически просчитать и спрогнозировать. Школа готовит к вероятному будущему.

Для Ш2 больше свойственно не распределение на предметы, а направленность на умение применять и использовать полученное: это тренинги и тренажеры. В Ш1 знания проверяются на экзаменах. В Ш2 меряется способность оперировать различными знаниями: это ориентация на продукты.

К Ш1 относится предметная организация, к Ш2 – тренажерская организация, а к Ш3 – игры в будущее. В Ш3 появляется экспедитика. Это игры в будущее, и они позволяют экспериментировать и перемещаться в другие миры.

Ш3 не отрицает Ш1 и Ш2 – она включает в себя и предметные знания, и нормативные. Она основывается на них. Она создает возможности. Возможность же – это то, что зависит от воли, а не от статистики вероятного.

Игры являются важным элементом образования, и мы видим распределение форм «играния» по типам школы следующим образом:

	Школа 1.0	Школа 2.0	Школа 3.0
Результат обучения	Усвоение Истины	Умение работать с информацией	Способность порождать новые смыслы
Форма игры	<i>Game</i> – игра по правилам, основанная на вероятности	<i>Performance</i> – исполнение, игра по сценарию, выполнение своей роли	<i>Play</i> – свободная игра, основанная на возможности

Как преобразовывается и реализуется в школах командная работа?

В Ш1 это было нечто сродни военному отряду (пионерский отряд), в котором есть четко определенные закрепленные места, иерархия, которая говорит о том, что ты можешь и что не можешь делать.

В Ш2 – это команда лидерская, которая понимается как набор функциональных ролей вокруг лидера. Каждый выполняет определенный набор действий в рамках своей роли. Существует распределение ролей в соответствии с индивидуальными способностями.

В Ш3 команда понимается как временная форма организации по задаче, в процессе решения задач набор и состав может меняться полностью. Все роли и функции возникают временно и могут в любой момент форматироваться. Функции не привязаны к человеку. Здесь вместо слова «командность» следует употребить «партнерство» (в смысле *partnership*).

Соответственно, базовый тип отношений: в Ш1 – иерархия, в Ш2 – конкуренция (лидерский менеджмент), в Ш3 – дополнительность. Люди объединяются по принципу дополнительности, как в ролевом менеджменте, где все роли одинаково важны.

Как организована совместная работа?

	Школа 1.0	Школа 2.0	Школа 3.0
Формы командной работы	Военные отряды – четкая иерархия, выполнение задач в рамках своей должности	Целевые команды – разделение и персональное выполнение функций, персональная ответственность, позиции	Партнерство – добровольное взятие на себя ответственности. Ситуационное руководство и организация
Задача командного игрока	Выполнять свою функцию	Найти свое место, играть свою роль	Уметь самоопределяться в чужих мирах

Если в Ш1 учитель отвечает за правильность и объем усвоенных знаний, то в Ш2 – за умение применить полученные знания, переместить полученные знания из учебной в реальную ситуацию. В основе Ш1 лежит универсальность, Ш2 – ситуативность. Стоит отметить, что, в отличие от Ш1, в Ш2 уже мало оцениваются наборы знаний. Здесь оценивается умение работать с потоками информации. Знания – это устойчивые объектные характеристики. Знания могут быть транслированы независимо от ученого или исследователя. Информация же каждый раз ситуативна, неустойчива, способна переработаться.

Итак, ребенку нужно передать знания (базовые: счет, письмо, чтение) и научить работать с информацией и сделать эту работу осмысленной. Это Первая, Вторая и Третья школы. Ш3 работает со смыслами, акцент ставится на осмысление выбранного направления, рефлексию передвижения по маршруту, раскрытие возможностей.

В Ш1 – применим термин «учеба» (научная картина мира), в Ш2 – «учение/обучение» (менеджерская картина мира), в Ш3 – подготовка ОБРАЗОВАНИЯ. Первая школа готовила к профессиональной карьере, Ш2 – к управленческой среде. Карьера и успех – это ключевые слова Ш2. В Ш3 – парадигма ТВОРИТЕЛЬНАЯ, здесь в центре – самореализация творца (в противовес карьере).

Каковы внешние критерии успешного продвижения ученика в ШЗ? Внешних критериев нет – человек внутренне ощущает свою самореализацию. Критерии постоянно меняются. Здесь может быть уместен критерий «счастья», «удовлетворения», «гармонии», «баланса».

Описывая различия между школами, мы приходим к пониманию, что при переходе к ШЗ мы все равно должны построить Ш2. Однако повторимся, что школу, которая есть сегодня в Украине, нельзя отнести даже к Ш1. Традиции советской школы ушли, и современная украинская школа развалилась – в ней нет воспитания, нет норм.

Поэтому строить придется все три школы одновременно. Но – с разным акцентированием: из первой придется взять необходимое (дисциплины), из второй – работу с опытом и выбором. Из первой школы необходимо выделить основные элементы и включить во вторую. Это не значит, что из первой школы, например, необходимо брать классно-урочную систему. Можно выбрать принцип предметно-объектной организации; важно, чтобы была построена реперная сетка знаний.

Открытая школа – это триединая школа. Общая цель для нас задается идеалом именно третьей школы.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИСТИКА

Юрий Чудновский

Цель любой экспедиции – выход за пределы своего мира

Экспедиции дают разные ответы на один вопрос: как ресурсы знакомого мира использовать для проникновения, понимания и освоения иного. Это главная проблема и для нас – как то, что есть, использовать для разворачивания того, чего нет.

Главное в экспедиции – это разграничение известного и неизвестного. Плюс сведения о чудесах в зоне неизвестного: «люди с двумя головами», «белка песенки поет да орешки все грызет», гроб Господень, город из золота...

Первая опора: стартовая площадка экспедиции – карта известного, границы известного мира, «зона чудес» – пространство неизвестного. То есть *иного*, где обычные, известные и понимаемые законы привычного мира не работают.

Вопросы для аналитики:

1. Кто в современном мире знает пределы известного? Физики? Психологи? Политики? Военные? В каких предметных областях есть «карты» известного и проведены границы неизвестного? В каких пространствах возможны экспедиции? Физический космос? Паранормалистика? Наука? Инноватика?
2. Есть ли у кого-нибудь перечень чудес и хотя бы приблизительных указаний на «места» их дислокации? Хотя в каком пространстве их искать?
3. Как проводить границы известного сегодня?

Вторая опорная позиция экспедиции – указание на неизвестное – на иной мир, как на ресурс развития этого известного и привычного мира. То есть экспедиции всегда уходят для продления настоящего. Причем успешные экспедиции всегда открывают дорогу в будущее, принципиально меняя настоящее. Смысл экспедиции – продление настоящего. Результат – прорыв в будущее.

Экспедиция – всегда обман держателей ресурсов. Всегда непреднамеренный. Инициатор экспедиции обязан верить, что идет вперед для блага этого мира. Что интересно: как правило, это благой обман или искреннее заблуждение – выигрывают все и разное. Не обязательно (скорее редко) то, чего ожидали. И не тогда, когда ожидали. *Выиграли* или *проиграли* – зависит от того, насколько игроки способны включить в свою картину мира и деятельности новые знания и ресурсы (золото, новые территории, новые человеческие ресурсы...).

Инициатор экспедиции должен сконцентрировать ресурс в настоящем, рисуя держателям ресурсов картину улучшенного настоящего. Власть должна дать добро на экспедицию, поскольку она решает – приемлемы ли риски и угрозы для настоящего. Власть должна понимать рискованность для *настоящего* экспедиций в неизвестное. По крайней мере, власть должна принять на себя ответственность за разрешение или не разрешение экспедиции. Здесь важна позиция власти как сторожа настоящего.

Третья опора – воля, вера, знание, умение.

Инициатор экспедиции должен придумать экспедицию – куда? зачем? как? на чем? почему? когда? ... Должен убедить власть и держателей ресурсов – а это две разные по смыслу позиции – сконцентрировать необходимые ресурсы, включая людей, обеспечить подготовку ресурсов, включая себя. И стартовать.

Экспедиции – это всегда проход в неизвестное. Граница между известным и неизвестным размывается и движется по мере продвижения экспедиции, вместе с ней: неизвестное вчера может стать известным сегодня – мы называем это подвижной мембраной.

В размытой зоне границ нужны Проводники. Это там, где известное уже кончилось (дальше на карте уже ничего нет), но новое пока не противоречит законам известного мира (на карте уже ничего нет или есть что-то непроверенное, но плывем-то по океану, а дальше такой же океан; идем по пустыне – дальше такая же пустыня). Проводники могут меняться, проводников можно менять, доходя до пределов знаний каждого из них.

Идем, расширяя границы известного, до тех пор, пока не столкнулись с чудом. То ли с таким, каким оно было описано в мифах, то ли (что вероятнее) – с чудом неожиданным. Тут нужны посредники – те, кто обеспечивает понимание при первичном контакте миров. В природе их нет, их нужно делать из доступного материала. Поймать иномирца и заставить, сагитировать, завербовать... Или возложить миссию посредника на своего, и пусть крутится. Могут, конечно, съесть.

Затем – разведывательные вылазки. Затем – форпосты. Затем – миссии. Или сначала миссии, затем – форпосты.

Затем – проход вглубь. Затем – полноценное изучение: множественные контакты и стычки, обретение опыта взаимодействия с иным миром по разным направлениям – военное, хозяйственное, межличностные взаимодействия. Здесь самые большие проблемы, главная из которых – принять, что иномирцы – личности.

Затем:

- возвращение – (необязательно, возможно – сразу основание);
- поиск путей употребления нового знания;
- взаимодействие миров. Чаще – во благо более сильного.

Позиционная структура экспедиций:

Странники в роли свидетелей чего-то, что потом может быть оформлено как чудо.

Мифотворцы – оформители чудес: точное указание на смысл каждого чуда. Чудо – то, что невозможно в известном мире.

Хранители (настоящего) – удержание границ настоящего, попытки уничтожить чудо. Два варианта: его нет, свидетельства о чуде – ложь; второй: «это не чудо, потому что вполне согласуется с законами известного мира».

Инициатор – воля, претензии на изменение истории, логика практикособразности (доказательство, что экспедиция необходима), готовность (до-

казательство того, что инициатор может обеспечить успех экспедиции), проектирование (экспедиции всегда уникальны, всегда единичны, всегда субъективны; экспедиции проектируются «под инициатора»).

Проектировщики экспедиций

Держатели ресурсов

Власть – оценка рисков настоящего: а) с экспедицией; б) без экспедиции. Согласие на экспедицию – риски от экспедиции меньше для настоящего, чем риски без экспедиции.

Хронисты

Лоцманы в зоне известного, «поколения» проводников в пограничных зонах.

Опознаватели чуда

Посредники

Называтели

Разведчики

Миссионеры

Исследователи (с большой буквы)

Оформители опыта

Проектировщики 2 – организаторы использования нового знания

Основатели

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ ИНОГО

Владимир Никитин

Тезисы доклада на встрече FFF № 6. Киев. 2 февраля 2011 года

Сегодня я хотел бы обсудить смысл нашего занятия иным и будущим.

На многие вещи меня натолкнули вчерашние вопросы. Вчера меня начинали спрашивать: «А что нового вы сказали?» Некоторые утверждали, что все это давно известно, написано и т.д.

Поэтому я хочу произнести тезис: «Мы не занимаемся открытием, мы не претендуем на создание чего-то неизвестного». Я уже не раз говорил: мне не удалось ничего такого подумать, чего бы я потом не обнаружил в других книгах. И повторяю М. Мамардашвили: «Помыслить можно только то, что было помыслено до тебя». И весь вопрос только в том, как то, что помыслено, преломляется через ситуацию, материал и через конкретных людей (приемников, трансляторов и т.п.).

Для меня, например, было несколько важных точек в последний месяц. Я прочитал книгу Масару Эмото про структуру и память воды. То, что мы говорим, и что мы делаем, отпечатывается в структуре воды. Для меня это было другое видение мира, которого раньше не было. Оно существовало в мире, но его не было для меня. Это мое личное Иное, которое я приобрел.

Мы вам расслали книжку физика-теоретика Д. Бома, которого я тоже раньше не знал и вдруг обнаружил совпадение наших взглядов. Я давно для себя заменил слово «развитие» словом «развертывание», а оказалось, что у него целая концепция «развертывания физического мира», и именно слово «развертывание» является в этом исследовании базовым.

Наша задача – провести исследования Иного. То есть столкнуться с ним, поставить проблемные вопросы, перейти в объективацию, увидеть, как оно образовывает новый мир, дать имена и после этого перейти к проектированию.

К проектированию перейти прямо невозможно, нужны предварительные мыслительные усилия, исследования... То, чем мы занимаемся, – это запуск исследовательской программы. Хотя она и сопровождается параллельным квазипроектированием (это неизбежно (но оно обнаруживает столкновения, поставяет некоторый материал, втягивает людей. Это первый посыл.

Второй посыл. Зачем вообще людям нужно представление об ином?

Первая функция такого представления – это защита. Что это значит? Это значит: или мы неожиданно для себя встали перед иным (например, прилетели инопланетяне), или кто-то нас целенаправленно столкнул с иным – приходится реагировать.

Зачем нам навязывают фантастику об инопланетянах? Что через это нам транслируют? Прежде всего, подавляющее большинство произведений транслирует, что *иное* – это *чужое*, и с иным надо бороться, надо защищаться. Это навязывание ожидания: так и будет. Есть книга философа Мартина Бэка «Общество риска», в которой обосновывается, что современная политика и маркетинг в основном паразитируют на идее страха, неуверенности, неопределенности. То есть нас пугают Иным. Выражена позиция: «иное против нас».

Вторая функция – «бегство от настоящего». Мы ищем иное, потому что настоящее представляется нам очень гнусным, нас этот мир не устраивает, мы не хотим в нем жить. И у нас есть представление, что может быть иное существование – гораздо лучше, чем то, что мы имеем сейчас.

Иван Ефремов в «Туманности Андромеды» описывает мир, существующий на основании разума, где добро является основной ценностью, где главным показателем уровня жизни является не ВВП, а соотношение «горя и радости» в обществе. Сейчас при оценке состояния глобального мира начали вводить показатели социального оптимизма, счастья и всего прочего.

Другое видение – О. Хаксли, «Бравый новый мир» которого сверху весь красивый и привлекательный, а внутри является бесчеловечным по своей сути.

Подобные точки зрения подталкивают нас к выбору *иного пути*, это спекуляции на будущем. На этом основана та часть рынка, которая спекулирует на будущем и пытается его как-то развернуть.

Третья функция – «принятие иного». Был в нашей стране такой мыслитель, писатель, режиссер – Евгений Шифферс. Его книга «Смертью смерть поправ» вышла посмертно. От него идет мощный посыл про иное, про важность иного, про то, что только любовь к иному, даже если оно нам не нравится, является фундаментом нового мира.

Если мы принимаем иное, мы стремимся сделать скачок и выйти из настоящего в другой мир. И здесь иное – из себя, и работа с ним – как с ресурсом. Не как с чужим, с которым надо бороться, не как с тем, к чему надо примкнуть.

Парадокс в том, что *иное* мы делаем *из себя*.

Иное внутри, но обнаруживается только в столкновении с внешним. И думаю, скорее всего с иным, с которым ты сталкиваешься. То есть твое иное индуцируется в столкновении с другим иным.

Иное предьявляется через нас в определенное время, возможно, извлечено нами из прошлого. Вероятно, *иные* существовали изначально в точке разворачивания нашей Вселенной. То есть все *иные* где-то там, в зародыше Вселенной, были. «Учитель» – тот, кто «вытягивает» из тебя твое иное. Только через нас эти *иные* в определенное время вошли в мир, в наш временной мир. Хотя существуют где-то там всегда.

Приняли Иное – получили новое видение. *Иное* невыразимо и провоцирует появление новых языков, гармоний и дисгармоний.

Иное есть переход от единичного меня к перспективе единения с миром. Работа с иным – это и есть обеспечение собственных переходов и собственного движения.

Иное есть у всех, но не все позволяют себе его обнаружить. Это страшно. Рассказ у Чехова есть, когда один крупный чиновник случайно обнаружил, что он блестящий рисовальщик, его никто не учил, у него талант природный.

Он заперся в кабинете и целый день рисовал, рисовал, рисовал. А потом понял, что уже не сможет оставаться тайным советником. И запретил себе это.

Сегодня нет развернутой педагогики и работы с *иным*, которые позволяют выделять иное, его обнаруживать, его разворачивать. Нужны персональная педагогика и персонализированное образование, потому что их ориентация – не навязать смыслы, знания и так далее, а развернуть через них некоторые исходные послылы. Для того, чтобы извлечь иное из себя, нужно пройти ряд ситуаций самообнаружения. Или самоосуществления иного в себе.

- *Самоотнесение* – это когда *иное* для нас неактуально. Мы выделяем в себе то, что повторяется, и через это вписываем себя в мир повторов. Это идеология Экклезиаста: ничего нет нового в мире, все возвращается на круги свои.
- Столкновение с *иным* в себе и его несоответствие миру повторов – это проблематизация самого себя. Мы вдруг начинаем понимать, что не хотим вписываться в этот мир повторов. И что-то в себе возбуждаем и проблематизируем. Происходит *самоопределение*, и мы выходим в пустоту и невозможность. Невозможность осуществить деятельность, кому-то рассказать и т.д. Это страшная ситуация, из которой большинство убегает обратно и, в лучшем случае, меняет свою социальную траекторию. Но часть начинает прорываться и движется дальше. Создает собственную.
- Но собственную еще надо защитить от социума – пройти ситуацию *самостояния*.
- Далее – принимаем ответственность за свое *иное*. Начинаем его выращивать и реализовывать. Это *самодвижение*. Все четыре ситуации можно проходить неоднократно, каждый раз по-разному проявляя свое *иное*.
- И, возможно, предельная ситуация самоосуществления – *самоотречение*, когда *иного* в тебе уже нет и ты един с миром.

Есть и другие ситуации. Ситуация бессилия перед иным, когда мы не обнаруживаем в себе ресурса простроить отношения к иному и двигаться. Я боюсь, что Украина находится именно в ситуации бессилия, когда она не может принять никакой идеи *иного* для своего осуществления.

Я уже говорил, мы не занимаемся изобретательством. Мы только воспроизводим вечный акт творения порядка, так как без такого воспроизводства мир застывает или теряет определенность и множественность. То есть все время нужна чья-то энергия, чья-то жизнь, чьи-то эмоции, чьи-то мозги, чтобы в мире не происходила игра на понижение, не происходило застывание. И воспроизводство акта творения является, с моей точки зрения, самым главным, во что стоит вкладываться.

Парадокс в том, что мы повторяем неповторимое, обнаруживаем нечто, сотворяем его, повторяем, и мир за счет этого воспроизводится – как воспроизводится человечество через акт столкновения мужчины и женщины: без этого воспроизводство человечества останавливается, а без воспроизводства иного и актов творения останавливается человеческое. Женщина воспроизводит человека, а акты творения воспроизводят человечество, человеческое.

Мое небольшое выступление было связано с идеей и мыслью, что обязательным условием движения к *иному* – к иному рынку, к иной политике, к иному образованию – является преодоление предрассудков, а преодоление предрассудков – это единственный способ вырастить нечто принципиально иное.

Чудновский: У тебя две встречи назад было выступление о том, как работать с *иным*. И там мы говорили о рамках, рамках и остальном (см. книгу «Основание Иного» стр. 62–63). Как то, что говорилось сегодня, соотносится с тем, что говорилось тогда? Тогда работа с *иным* была обращена вовне, а сегодня ты говоришь про работу с *иным* внутри. Правильно я понимаю?

Никитин: Да. Это как бы другая техника. Но они являются взаимодополняющими. Одно дело, когда ты работаешь с собой, а другое дело, как ты это выносишь в мир.

Чудновский: Но там иное было не в тебе, а в мире, и его надо было обнаруживать, насколько я помню тот рассказ, и оно было устроено принципиально иначе.

Никитин: С тех пор я немножко постарел.

Чудновский: Так то зачеркнуть и выкинуть?

Никитин: Нет. Вариант же, что иное лежит вовне, никуда не делся. И необходимость выносить иное вовне тоже никуда не делась. Там просто полагалось, что ты неизменный, а работаешь с изменяющимся, а тут наоборот – полагание, что ты изменчивый.

Чудновский: Слушать последнее?

Никитин: Нет. Слушать и то и другое, но понимать, в какой ситуации употреблять и то и другое.

Аббасов: Вы говорите о том, что иное мы обнаруживаем только в столкновении с внешним, но для того, чтобы обнаружить иное, необходимо понимать пределы своей онтологии, границы своей картины мира. Иначе тебе столкнуться будет не с чем.

Никитин: Следствием столкновения является изменение картины мира. Иначе изменения не произошло.

Аббасов: По сути, получается – смещение онтологических пределов.

Никитин: Уровень есть онтологический.

Чудновский: Следствием является установление пределов, а не изменение.

Никитин: Если вы научитесь жить хотя бы с двумя онтологиями и грамотно работать хотя бы с двумя онтологиями – это уже высочайший уровень.

Аббасов: Что означает глагол «работать»?

Никитин: Это означает, что вы можете пользоваться этой онтологией в соответствии с решением каких-то собственных или внешних, например, общественных задач.

Дацюк: Первый вопрос. Чему мы обязаны такой чувствительности к иному? Когда вообще в истории возникают такие ситуации? Ведь не всегда даже возможен или, скажем, так уместен разговор об ином. Были времена, когда если бы вы выступили как сегодня – вас просто не поняли бы.

Никитин: Так боюсь – и сейчас не поймут. Общество очень чувствительно к иному, потому что это условие отделения своих от чужих и сохранения единства своих.

Дацюк: То есть это было всегда?

Никитин: Это было всегда. Чувствительность необыкновенная, особенно на коммунальном уровне. Она может быть нечувствительна на интеллектуальном, но на коммунальном чужих от иных в зародыше отличают мгновенно. Ну, называ-

ют ведьмами, называют кем-то еще, выгоняют. Основания кажутся какими-то нелепыми. Потом оказывается – все правильно.

Дацюк: Второй вопрос. Хитрый. Когда признание иного – смертельный риск и когда непризнание иного – смертельный риск?

Никитин: Это ситуации коммуникации, когда результат ответа является летальным. Когда в коммуникации тебе надо решить – враг это или не враг, и как действовать дальше.

Дацюк: А кризис может быть такой ситуацией?

Никитин: Кризис может быть такой ситуацией. Тут уже интеллектуальное иное, выход из кризиса может быть принципиально для всех иным, невысказанным до того.

Дацюк: Но в кризисе чувствительность к иному не возрастает? Она такая же?

Никитин: Не возрастает. А я еще утверждаю, что даже хуже, что наше общество теряет чувствительность к иному. Вообще теряет. В обществе все время занимаются изменением нормы, изменение нормы происходит через скандалы. Это нормальный механизм. Скандалы привлекают внимание, потому что они ставят вопрос именно о норме. Для того чтобы завоевать читателей или зрителей, нужно чаще устраивать скандалы.

А усиление раздражения снижает чувствительность. Для того чтобы оставался интерес к скандалу, надо делать их все скандальнее и скандальнее. Сейчас чувствительность реакции на эти скандалы практически нулевая. На сцены насилия – практически тоже. Из мира уходит эмпатия, сочувствие. А вместе с сочувствием уходит и всякая «чувствилка», в том числе и чувство иного. Оно в ряду вот этих скандалов неразлично.

Дацюк: Последний вопрос, нерелективный, но серьезный. У вас разговор об ином (для меня нерелективно, для вас, может быть, релективно) помещен в интеллектуальный контекст. Является ли иным идиот? Достаточен ли он для того, чтобы тратить на это время, воспринять это как иное, исследовать, то есть должен ли я инвестировать время в рассмотрение нашего политика-идиота. То есть я должен туда инвестировать время? Или я только в интеллектуальном контексте должен?

Никитин: Если в интеллектуальном контексте, то давай употреблять слова по понятиям. Идиот – это человек, не включенный в общественную жизнь. Идиот не является клиническим диагнозом, это политический диагноз. Прошу посмотреть греческие источники. Поэтому, так как он включен...

Дацюк: У меня с ним разные сцены жизни.

Никитин: Ну так ты про разное говоришь. Давай так говорить: идиот – безусловно иное. Вопрос в том, что ты же не со всяким иным хочешь взаимодействовать. Хотя Шифферс, в принципе, призывал любить всякое иное, в том числе и идиотов.

Дацюк: Вот вам демократия: будет любить, ну как бы заниматься, исключительно иным в идиотическом аспекте.

Никитин: Он меня спрашивает: у тебя за иным стоит некоторая ценность и система отбора или ты их не различаешь? Я ему говорю: стоит, хотя в принципе, в идее, различать не надо.

Дацюк: Ну вот это и опасно.

Никитин: Но откуда я знаю, что про ценность нужно говорить, пока ты мне не сказал, что это непонятно.

Хх: Вот я второй раз слушаю ваше позиционирование. Скажите, в рамках какого представления у вас возникают основания глобального перехода?

Никитин: Одно основание – когда вы запроблематизированы – это первый переход. Второе основание – когда вы берете ответственность за то, чего делаете.

Хх: Хорошо, второй вопрос. Если сейчас ситуация глобального перехода то очевидно, что ситуацию анализируют и другие субъекты, игроки. Которые стояли в основании тех иерархий, о которых вы говорили. Они диагностируют сейчас ситуацию перехода? И как они это делают?

Никитин: Во-первых, каждый делает в соответствии со своими основаниями. Религиозные деятели диагностируют, исходя из ситуации утраты веры, возвращения в язычество и так далее – редукции основных таинств. У А. Шмемана дан блестящий анализ редукции всего богослужения и утраты, утраты иного, потому что что идеальный мир в нем сводят к миру материальному. Они это фиксируют.

Те, кто занимается историей, начали фиксировать не войны, революции и экономические периоды, а стали рефлексировать сами исторические картины и подходы. То, чего раньше не было, – в них все выглядит совершенно по-другому. То есть везде, где есть рефлексия и способность к интеллекту, интеллектуальная способность, выделение оснований происходит.

Другой вопрос, в каком масштабе и что берут за единицы перехода. Я сказал, что сейчас взял для себя предельный масштаб. У меня не было еще такого до сих пор, чтобы я делил историю на два, ну на три периода, всегда их было пять, семь, десять. По другим основаниям. А здесь вот по устройству человека у меня всего два возникло. Я не беру предыдущий третий, когда еще этой разли-

чимости не было, когда вообще было не структурировано. То есть, безусловно, все элиты это рефлектируют, но рефлектируют в своих средствах.

Лапин: То есть моя езда в незнание должна сопровождаться тем, что я идентифицирую: этого я раньше не знал, этого я раньше не делал, этого я раньше не видел.

Никитин: Если вас такая техника устраивает, то да. Может быть, другую технику изобретете.

Волкова: Вот встреча с иным – это же некоторый акт, лежащий в чувственности. То есть это чувственный акт. Каким образом мы в мыслительных процессах собираемся этот акт произвести? Ну то есть, мне, например, совершенно понятна психоделическая революция, которая была вот двумя человеками представлена: Кеном Кизи и Тимоти Лири. У них совершенно разные подходы, но они, тем не менее, расшатывали вот это чувствование и извлекали оттуда то, что можно было бы потом осмыслить как иное. Каким образом ... то есть я не вижу иного способа встретиться с иным иначе, чем через чувствование.

Никитин: Яна, я не понимаю, в чем у тебя затруднения. Да, надо почувствовать. Да, я все время говорю, что чувствилку надо иметь. Да, я говорил о том, что иное исчезает, потому что исчезает чувствилка. Я про это говорил. Новые смыслы не появляются без того, чтобы у вас произошел эмоциональный сдвиг. Человек думает руками, думает сердцем, а голова является компьютером, который вот это мышление руками и сердцем превращает во что-то логическое и т.д.

Когда-то очень уважаемый мною человек, Вячеслав Леонидович Глазычев – это было лет 30 назад, в советское время, – начал заседание семинара Союза архитекторов со слов: «Я горячо поддерживаю идею возвращения инквизиции. Без инквизиции не будет мышления. Без догматов не бывает ересей и всего прочего». Поэтому, во-первых, никто никому ничего не должен. Потому что принятие иного есть социальный акт, одновременно опасный для здоровья и жизни.

Голоса из зала: Вот! О! Вот! Видите! Потому что вся масса поднимется и начнет тебя грызть.

Дацюк: И только в очень немногие моменты опасность может быть меньше. А вообще это опасно.

Чудновский: Всегда.

Никитин: Сегодня эта опасность несколько снята, уже большинство иных инквизиция не различает. Наша инквизиция потеряла способность отличать ересь от неереси, догматы и все прочее. У них догматов нет.

Нестерова: А вам не кажется, что может быть аналогия с организмом с ослабленным иммунитетом. Вот именно, что такое ослабленный иммунитет...

Никитин: Аналогии могут быть какие угодно. Но вопрос в том, что тезис сохраняется – том, что вы становитесь на время еретиком со всеми вытекающими последствиями. И поэтому призывать молодежь к этому я бы не решился. Я вообще отказываюсь кого-либо учить по этой социальной причине. Я не уверен, что то, чего я там понимаю или знаю, принесет кому-нибудь пользу, облегчит жизнь.

Дацюк: У вас два рефлексивных шага. Первое. Ересь и еретики нужны. Это первый шаг. Второй. Нужно также судить еретиков и сжигать их на костре. Обязательно два шага.

Никитин: Да, для того, чтобы общество очищалось, это нужно.

Дацюк: На самом деле вопрос об ином всегда усиливается, когда происходит переход между эпохами. Мне представляется, что Владимир Африканович говорил: мы живем в уникальную эпоху, интересную, у нас будет очень интересная жизнь, потому что она будет состоять из кризисов, переходов, лишений – так что нам повезло. В этом смысле мы переживаем переход, которого не было уже очень долго, как минимум 500 лет, а Владимир Африканович считает, что 1000. В этом смысле есть и такой вариант, а если по индийской системе – то там юга длится 10 000 лет. То есть мы застыли на границе, где сошлись иные многих систем переходов. Так совпало.

И в этом смысле в социуме будут изменения, в мире будут изменения, и будут изменения в понимании мирности.

В этом смысле можно перевернуть: мы живем в ином. То, что составляет основу – мы даже туда в познании не приблизились. Это первый момент. На последние деньги цивилизация успела построить Большой андронный коллайдер, чтоб подтвердить или опровергнуть стандартную модель. Стандартная модель – замедление цивилизации – не подтверждение, а возникновение интереса к теории фреонов, суперструн и так далее, которые позволяют...

Это первый сюжет: мир – внемирность.

Второй момент – прохождение иного в трансценденции. Мы подгадали так, что этап религиозной, иррациональной трансценденции закончен. Перед нами возникает поле, новое, неисследованное, у которого иные пределы. Вот об этих пределах я сделаю отдельный доклад. Пока – нюансы кратко. Новые пределы, которые будут задавать иное в следующую тысячу, может – две тысячи лет, никто не знает, сколько лет, долго.

Первый предел – виртус.

Второй – ксенос, встреча чужих, иных, как с ними себя вести. Это неправильно называют «инопланетяне», но правильно говорить «пришельцы», потому что неизвестно: это будут люди с другой планеты, из другого измерения, из другой плотности? Это то, что обозначается «ксенос».

Третье – космеос. Человечество хочет до наступления темных веков, на последние деньги, заработанные внутри потребительской цивилизации, построить корабль на Марс и постараться вырваться из оков Земли. Лично мне больше всего нравится проект «Столетний корабль», отправка людей на Марс безвозвратно. Раз в год грузы сбрасываются, и люди продолжают там жить. Это попытка приобрести плацдарм иного.

И четвертое, последнее – экстрас. Это выход за пределы мирности, проникновение в иномерный мир, за пределы четырех измерений, в темный мир, в темную энергию. Вот эти новые пределы, которые представляют, приблизительно, содержательные пределы Иного.

Никитин: Переходы снизу вверх возможны только тогда, когда произошли изменения. Ты не видишь в настоящем иного, пока ты не смотришь из другой онтологии. Пока ты там не перешел в другую точку, ничего обнаружить внизу нельзя.

Если возникает много картин мира, должен быть еще слой, который позволяет работать со многими картинками. Что это за слой, надо еще обсуждать.

Дацюк: Это слой онтологической рефлексии. Она видит разные картины. А вот онтологическое конструирование это особый вид онтологической рефлексии. Есть еще этот слой: что называть методологической работой. Это работа по онтологизации в принятой традиции. Все то, что потом, можно назвать методологической работой весьма условно. Хайдеггер считал, что мышление действует не потому, что к нему прикладывается практика; мышление действует, поскольку оно мыслит. Онтологическая работа – это работа мышления особого рода. Далее. Картина мира появляется в XX веке и означает, что есть мир, а мы рисуем из него картину, то есть находимся в истолковательной позиции. Почему это важно для схемы? Она рабочая. Но при условии – если здесь не ситуация кризиса.

Чудновский: Вместо одной картины прошлого надо нарисовать множественность прошлых?

Дацюк: Да. Это простое понимание. А вот сложное понимание. Бывает, что никакие фрагменты здесь не помогут представить того, что здесь. Конструкции –

это создание принципиально нового. То есть нигде ничего подобного не было. И в этом смысле схема трещит по швам, потому что у вас есть только часть. Ни анализ, ни мышление не помогут, только воображение. Надо настолько хорошо нечто вообразить... И чем больше таких конструктов будет представлено, тем больше вероятность угадать. Другого не остается.

Работа с будущим – это визионерство, работа пророка, но это точно не работа футуролога, методолога. Это другого типа работа. И получается не картина мира, а конструкция мира. Опора на иной процесс, иным понятием обозначена, иное понимание разрыва и возможность ничего не брать из прошлого. И таких моментов в истории не было много.

Чудновский: Тогда надо нарисовать еще один барьер. И как-то его надо проламывать.

Никитин: При этом нужно в таком понимании начать проблематизировать само различие прошлого и будущего. Потому что здесь более важным является различие актуального и неактуального. Есть актуальные картины, которые реализуются и которые ушли в неактуальность (вот как античность), а потом начинают актуализироваться. В этом смысле прошлое и будущее – это только оценка: актуально или неактуально.

Лапин: Может, имеет смысл говорить вообще о картине мира как таковой – одной, которая предполагает образ прошлого и образ будущего.

Чудновский: Любая картина мира имеет в себе образ прошлого и будущего. Но мы говорим о том, что в любом состоянии присутствует множественность этих картин мира.

Никитин: В онтологическом пространстве нет прошлого или будущего. Они все представлены одновременно. Вопрос, каким образом вы их выбираете или актуализируете?

Греков: Где создается язык, в котором это описывается? Может быть, Иное через языки и создается?

Никитин: Да, безусловно, причем видно на этом примере: мы употребляем словосочетание «картина мира», хотя оно из принципиально другого языка, который уже не соответствует тому, о чем по смыслу говорит Сергей. Это уже не картины. Это уже конструкты. Они в другом языке. Я, как искусствовед, очень хорошо знаю, как описывать картины: перспектива, точки схода, точки зрения, рамки... Это очень действенный язык, но он уже сюда не подходит.

В Европе происходит постепенный отказ от прогнозирования по трендам, теперь переходят к предсказанию по редким возможностям. То есть переход от статистически вероятного к возможному.

Лапин: Как вы оцениваете критерий достаточности, чтоб картина мира существовала как картина мира?

Никитин: Если есть активные носители – она живая и полная. Он ее несет своим фактом существования.

Валерий Вакарюк: Своими простыми словами: нет такого образования.

Мир – вот он здесь, вне мира – только абсолют. Внутри мира стрела, где-то отделяем прошлое от будущего. Мне нравится концепция длящегося настоящего. Я утверждаю, что однажды наступает будущее. Например, не было жизни – появилась жизнь. Но это иное приходит из-за пределов пространства и времени. И поэтому я утверждаю, что в прошлом и настоящем нет зародышей будущего. Они – вне мира. Аллегория с кирпичами: дом разобрали, и из старых кирпичей построили новый дом, но новый дом – не старый, хотя кирпичи те же. Иное может проходить через некоторых людей, но я не верю, что можно что-то сконструировать. Но дергаться все равно надо. И пытаться прогнозировать и конструировать. Это предложение себя – каналом. И я согласен, что все тренды – только длящееся настоящее.

Чудновский: Не существует единого пространства-времени, и Абсолют или Бог обрабатывает картинки на разных реальностях.

Дацюк: Валера находится в сингулярной онтологии, вы – в трендово-тенденциальной. Есть нормальное течение времени, а есть периоды, точки сингулярности, когда принципиально нельзя предсказать, что будет. Валера прав, работает только дух. Весь вопрос в том, как оценить сегодняшнюю ситуацию. Я ее тоже оцениваю как сингулярную.

Никитин: Как менялось сознание, когда делался постмодернизм? Обратились к истории. Что такое бриколаж? Это когда новая вещь делается из остатков вещей, которые для этого не предназначены. Когда дом создается из бутылок. Происходит сдвигка сознания. И если мы употребляем эти элементы по-другому, это не значит, что мы перенесли прошлое в будущее.

Чудновский: Поиск Иного как предела тех онтологий, в которых мы живем.

Никитин: Есть еще один момент. Мы вчера с Юрой его начали обсуждать. Есть практические вещи. Я вчера почитал работу о конце мультикультурализма в Германии. Там это уже лет 10 обсуждается, а сейчас, когда это написал крупный чиновник, это стало скандалом. И Меркель повторила, что эпоха мультикультурализма в Германии кончилась. Теперь стала для меня задача: как отличить то, что я говорю о многомерности, от мультикультурализма. Очень простая мысль: мультикультурализм строится на идее другого – на идее другой культуры, на возможности их выстраивания в ряд и работы с ними. А сей-

час придется говорить об инокультурности и работать с культурами как с «иными», а это другое мышление, другие способы организации и так далее. То есть все эти вещи, о которых мы говорим абстрактно, на самом деле имеют очень приземленный смысл. Потому что приходится разбираться с мультикультурализмом и подобными доктринами, иначе нельзя построить ни одну политическую программу или систему образования.

Греков: В традиционных культурах человек был обращен к прошлому лицом, а к будущему спиной. И вопрос будущего для него не стоял так, как для нас.

Чудновский: Нас все время корёжило различие прошлого, настоящего и будущего, поскольку, сколько бы мы ни говорили, что можно говорить про линейное время, а можно – про множественное время, мы – в системе линейного времени. Употребление понятий «актуальное» и «неактуальное», чего-нибудь такого не связанного напрямую с линейным временем, – с моей точки зрения, это способ преодоления линейности времени и подходов, связанных с линейным временем. А то, чем мы занимаемся, – это, конечно, выходит за пределы линейного времени. Приходится обращаться к другим типам времени.

Греков: Существует ли понятие «прошлое» и «будущее», как только есть информация?

Никитин: Понятие «прошлое» и «будущее» появилось тогда, когда появилось понятие «точка невозврата». С Рождества Христова возникла линейность, а конец ей положен на Страшном суде. Новое время убрало Страшный Суд и продолжило линейное время в бесконечность прогресса. Теперь мы линию обрываем. Но когда есть точка невозврата, тогда время выстраивается.

Греков: Я к тому, что если мы ввели понятие «Иное», то, может, имеет смысл отказаться от понятия «будущее»?

Никитин: Уже отказались. Согласен полностью. Мы сегодня нащупываем какие-то слова. Нужно что-то изобрести, чтобы различить ситуации.

Пока не было проективной геометрии, не было языка описания таких сложных вещей, о которых мы говорим. Языки описания появляются не сразу. Их нужно формировать.

Чудновский: Совершенно точно вы сейчас говорите: все усилия сейчас направлены на преодоление линейного времени, привязанности к линейному времени и представлению о том, что будущее наступает неизбежно и оно у всех одинаковое – это то, что сковывает нас по рукам и ногам.

ВРЕМЯ ИНОГО: СОЦИАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ЧЕРЕЗ ИЗМЕНЕНИЕ ВРЕМЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ

Владимир Никитин

Тезисы доклада на встрече FFF № 20. Киев, 14 сентября 2011 года

В книге «Принуждать и наказывать» Мишель Фуко, показывает, каким образом через пространственно-временную организацию происходит принуждение людей к жизни в обществе. Например в тюрьме и школе. Это своя дисциплинарная организация и свои способы принуждения. Класно-урочная система была прогрессивной в свое время, но уйти от нее надо, чтобы убрать шизофреническое разделение времени на отдельные предметы.

Воспитание интеллектуалов всегда выделялось в отдельную пространственно-временную структуру, будь это Школа Пифагора с его ритуалами, отношением к учителя, замкнутостью, или масонская ложа.

В ММК проходили регулярные семинары с высоким темпом: несколько семинара в неделю общих и отдельно – для математиков, психологов... Плюс клубные формы: ОДИ, конгрессы... Больше чем на несколько дней из интеллектуального напряжения выйти не можешь или выпадаешь из общего смысла, который движется. И были механизмы фиксации всего этого движения – журналы, издательская программа.

В области временения есть позиции. И есть социальная организация. Надо построить механизм их соотношения.

На следующем развороте – базовая схема устройства «пространства-времени». Синхронизация находится в центре этой схемы. Выше существует то, что по-гречески называют кайрос, божественное время. А здесь то, что

по-гречески называют хронос, человеческое время. Там где кайрос – символ троичности – треугольник. Это место понимания и развертывания божественного замысла.

Позиции хранителя, основателя, странника, наблюдателя – реализуют каждый по-своему божественный замысел. Здесь нарисована схема «крестик-нолики» (см книгу «Основание иного», стр. 47), то каким образом люди позиций самоопределяются. Каждая позиция имеет свою форму отношения к божественному замыслу. И они производят сложные новые формы времени, что выступает как их постоянная задача.

Синхронизация определяет возможности разных социальных групп со своими формами исторически сложившегося времени каким-то образом действовать вместе. Есть разные формы организации пространства-времени. Например, монастырь, город, усадьба, школа и так далее. У каждой формы организации свой темпоритм. Между собой темпоритмы связаны.

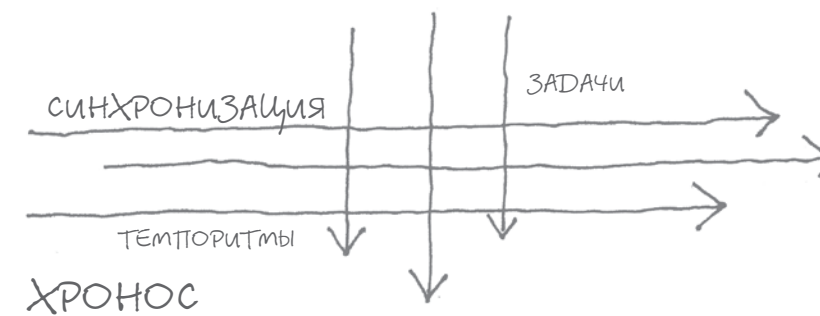
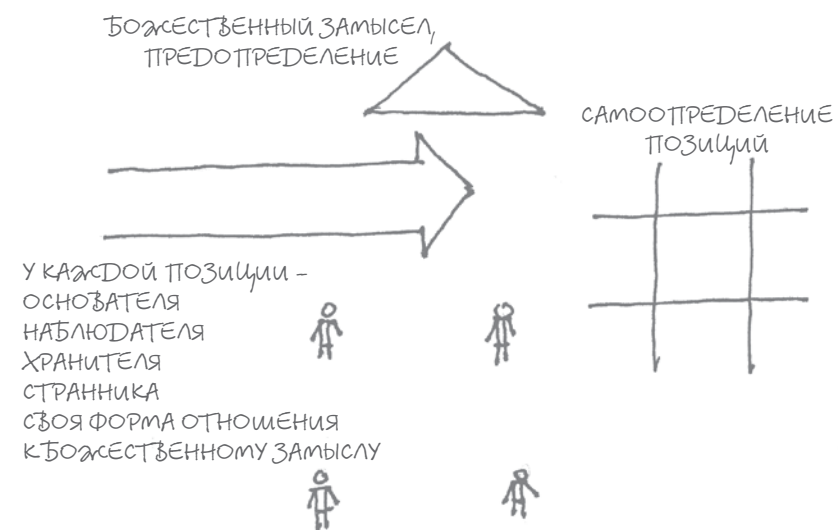
В задачах создания новых форм времени произошли изменения, которые сейчас потребуют изменения в формах синхронизации. Пока господствующим способом выстраивания синхронизации была – последовательность. И за счет этого существует идея прогнозирования. Все процедуры, которые раньше были выстроены в последовательности, сейчас нужно делать параллельно. Это требует другого менеджмента. В 60-е годы нас учили делать сетевые графики – когда заявляется точка начала работ, точка конца работ, а между ними несколько траекторий.

Чудновский: Эти графики предполагали, что мир неподвижен, застыл, пока ты строишь что-то.

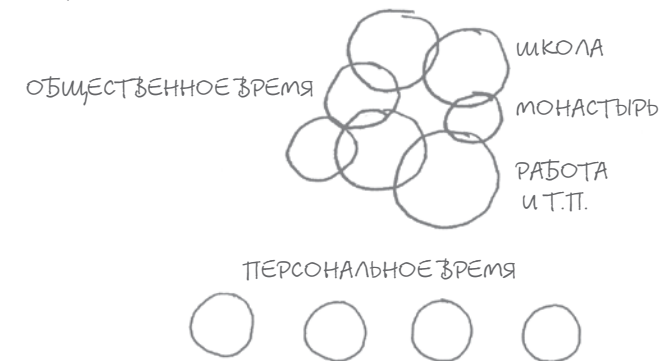
Никитин: Но мир движется, и все время нужно принимать решения, которые все меняют. А здесь мы пытаемся построить новую социальную группу, задачей которой будет смыслопроизводство, смыслопроизводство и смыслораспространение. В ней мышление, рефлексия и понимание – это базовые навыки, которыми владеют те, кто к этой группе относятся. Такая группа, с учетом ее задач, должна иметь определенный темпоритм, отличающий ее от других групп

Из схемы следует:

КАЙРОС

ХРОНОС

- Господствующий способ синхронизации – выстраивание последовательностей. А сейчас нужно переходить к параллельному времени. Это требует другого менеджмента.
- Попытка построить новую социальную группу. В ней цель жизни – смыслопорождение, рефлексия – базовое умение, и такая группа должна иметь темпоритм, отличающий ее от других групп. Это всегда отдельная пространственно-временная структура.

Но как сосуществуют разные темпоральные позиции? Ведь должны быть и наблюдатели, и странники, и основатели, и хранители. Что означает организовать межпозиционную коммуникацию? Каким образом оказывать влияние на другие формы социальной организации, как вносить не только свои продукты, но и формы жизни в них?

В существующих социальных структурах почти исчез смысл. Каким-то образом над ними надо надстроить структуру, которая этот смысл вернет. Но сможет она это сделать только за счет того, что принесет свои организационные единицы всюду, куда сможет попасть – в школу, в монастырь, на работу и так далее.

Если мы этого не организуем, социального смысла наш проект иметь не будет.

Как понимать миссию и замысел, связанные с работой в позициях? Это первая попытка осмыслить, каким образом можно перейти от процесса временения и самоопределения в позициях к регулированию социальных отношений.

Шульга: А масштабы? Это локально?

Никитин: Я бы сказал еще, что это – без масштаба. Мыслить – на предельных уровнях, как сможем. А действовать – локально, как сможем.

Дацюк: Существует так называемая сетевая синхронизация. В чем ее суть. Есть некая целостность, структура. Она делится на пакеты. Эти пакеты передаются. В узловых точках стоят такие маршрутизаторы, которые определяют, какое направление свободно и отправляют пакеты по свободным маршрутам. Потом в других местах происходит сборка. Это принципиально другой тип

синхронизации. В них циклы согласуются с генпланом. Узловые места будут – образование и продюсинг.

Пестерников: Процессы последовательные и одновременные. Триалектика дает альтернативу, и в сетевой синхронизации.

Пекар: Каждая система временения порождает свои собственные социальные институты. И потому такая форма как монастырь инженерный, который Вы ранее предлагали, невозможен. Потому что монастырь относится к другой системе временения. Этих систем минимум семь.

Никитин: Я еще не нарисовал на схеме персональное время, которое управляется судьбой и производит десинхронизацию.

Лапин: Хорошо было бы понять, каково временение формата наших встреч. Пока это стандартный формат интеллектуальных структур. Хорошо ввести формат игровых отношений.

Никитин: Пока да. От содержания мы начинаем переходить к смыслам.

Чудновский: Новый коммуникационный формат персональных тематизаций. И это начинает быть самой интересной вещью. Начинаем держаться за разные предметные области.

Никитин: Необходимо перенесение с плана идеального на социальный. Но процессы идут параллельно.

ТЗ НА ИНОЙ МИР

Владимир Никитин, Юрий Чудновский

Тезисы доклада на встрече FFF № 17. Киев, 20 августа 2011 года

В прошлый раз мы поняли, что сами для себя и для других не произвели некую сборку, которую можно обсуждать и с которой можно спорить. Пришлось сделать документ для себя – «ТЗ на создание Нового мира в модели А-2011». Обсуждать можно разные модели, важно, чтобы мы перестали в них путаться. Мы обсуждаем модель «А-2011».

Что такое ТЗ на иной мир? Это:

- задание самим себе;
- вопросы, на которые будем отвечать, развертывая замысел;
- указание на фундаментальные идеи, определяющие смысл этого мира, за пределами которого лежит мир творимый;
- указание на пределы этих выделенных идей;
- указание на проявление «иного» в мире сотворяемом;
- указание на иные идеи, которые должны определить смысл творимого мира;
- постановка проблемы связи между фундаментальными идеями иного мира (задание на онтологическую работу – построение онтологии иного мира);
- описание замысла перехода (в нашем случае – идея мембраны);
- определение позиций, удерживающих переход между мирами существующим и создаваемым;
- задание смысла и содержания позиций и их взаимодействия;

- выявление форм жизни и поведения в этом мире;
- представление о разворачивании мира в мысли, деятельности и жизни.

Первое допущение: есть мир, и он помечен как некая комбинация миров (Европа, Россия, Америка ...). Мы полагаем, что они имеют основания и пределы, до которых могут разворачиваться, не превращаясь в нечто другое и не разрушаясь. Нас не устраивает жизнь в этих мирах, мы выделяем некие другие базовые принципы, как-то между собой их связываем и строим переход к иному. Это *первое* представление о ТЗ – выделение иных оснований, новых горизонтов, рефлексия, чем это отличается от существующего и установка на построение перехода.

Важное замечание: мир отличается от пространства, поскольку в нем действует более чем одна логика и обязательно есть противоречия – источник движения.

Второе допущение – в нашей модели есть ядро. Оно имеет три фокуса:

- идеи (которые структурируют этот мир);
- жизнь (как она в нем устроена);
- организационные принципы – нормы, законы ...

Надо построить ядро мира и обеспечить его расширение, создать «мембрану», которая не позволит существующему захватить это ядро, но обеспечит взаимодействие. И пока ресурсы не позволяют нам обособиться, мы продолжаем существовать в старом мире.

Вероятно, можно задумать миры, в которых либо нет ядра, либо их несколько. Но для *этой* модели мы задумали одноядерную конструкцию.

Мы хотим создать мир, в котором *творение* является *смыслом* и в котором для каждого персонального мира находится место.

Мы стремимся к единичности, а не индивидуальности. Каждый подлинный мир единичен, не имеет аналогов, а индивидуальность – всегда некоторый набор существующих характеристик и норм.

Желающим принять участие в создании и использовании этой модели следует понять (некий тест для самого себя: стоит ли соваться в это безнадежное дело?):

- принимаю ли идею сотворчества?
- победил ли смыслы того мира, который есть (или нахожу смысл существовать в действующей модели «Украина–1992»)?
- могу ли и хочу ли коммуницировать по поводу оснований?
- есть ли желание развернуть совместный или персональный вариант мира, то есть имею ли волю творить Иное?

Характеристики и принципы модели мира «А-2011»:

- самоорганизация на уровне самодвижения вплоть до самоотречения;
- свобода, построенная на самоограничении;
- создание естественного восстановления и порождения смыслов – такова субстанция этого мира;
- право на создание новых и иных миров;
- установка: искать и творить новые ресурсы для этого мира;
- партнерство как добровольное предоставление ресурсов друг другу;
- открытость организации и проточность участников. Вход и выход открыт;
- право ядра мира на защиту от пришельцев, захватчиков и глупцов;
- изменение и дополнение принципов – особая процедура.

Подчеркиваем: эти принципы положены в основание модели. Модели, а не мира!

Предполагаемые содержательные продукты проекта:

- позиционные и иные формы пространства-времени;
- новый язык социальности – позиционный ...
- формы совместности – виртуальный город в ядре нового расселения;
- формы коммуникации – предельные, до смены принципов и онтологий;
- персональные формы образования;
- новый аналитический дискурс;
- иные деньги.

Первая организационная матрица

Типы процессов и действий	Содержание процессов и действий
Процессы и действия, вполне реальные уже сейчас	Создание «Инструкции» мира Регистрация представительств в существующем мире и создание виртуального офиса Оформление первичных самоопределений мирян и зон их ответственности Организация форума обсуждения пределов Подготовка к запуску первых проектов и книг Совершенствование и дифференциация форм коммуникации Развертывание информационной кампании Создание форм рекрутинга Оформление первой морфологии мира Создание сетевых взаимодействий и организованностей Совета основателей (клуба позиций)
Процессы и действия, которые требуют подготовки, но их надо запускать	Создание регуляторов внутренней жизни мира Запуск устойчивой продуктивной деятельности (книги, фильмы, сети...) Создание виртуального города Создание собственного коммуникационного узла
Процессы и действия, которые мы пока в принципе не контролируем, но должны учитывать уже сейчас	Конкуренция со стороны иных форм строительства будущего Попытки уничтожить будущее в зародыше

Волкова: Очень удачно выбран термин «единичное». Я смотрела этимологию слова «инок» и выяснила, что это дословный перевод греческого слова «монах», который определяется не из общественных отношений, а сам по себе. Нашла две версии, вторая – от римского «инанис» (то есть «пустота», в смысле недостатка).

Лапин: Категории мира и пространства – интересное соотнесение. Нужно понимать эту разницу. В мире может быть несколько пространств, а не наоборот. И как с этим соотносится категория времени?

Никитин: Время имеет тоже единичные проявления. И в рамках одного мира может быть много времен.

Лапин: Мы строим множественность пространств-времен. Множественность – одна из характеристик этого мира.

Никитин: Но надо разбираться, каким образом эта множественность является единичной. С каких позиций, где та позиция? Те, кто живет, и те, кто типологизирует, это разные позиции.

Нестерова: А можно поподробнее: идеи, жизнь и организационные принципы – как они различаются?

Никитин: Жизнь – это форма отношений в этом мире. Человеческих, правовых. Это воплощенные формы поведения, деятельностно-проявленные. Идеи – это про пространство-время. Организационные принципы – это про то, как связать идеи и жизнь. Вот мы некоторые формы иного ухватили, а теперь надо построить жизнеспособное целое, которое реализует те различения с миром «1992», которые нас не устраивают по причинам отсутствия смысла, перспектив, места для творения.

Лапин: А можем мы проработать, идентифицировать структуры «У-1992»?

Нестерова: Вчера была конкурентная встреча, и там тоже лозунг поиска смысла. Но путь – социальной самоорганизации или гражданских инициатив, но не замкнутый, не отделенный мембраной. Тезис – никто не мешает делать жизнь осмысленной. А мы не претендуем на перемены в модели «У-1992». Это принципиальное отличие.

Чудновский: Это действие вызвано реакцией на то, что мы внесли тематизацию, встали вопросы: как? куда? Попытались ответить, куда. Но никто не снимал вопроса о самоопределении. Для меня был бы кайф продолжить это обсуждение.

Нестерова: Аутентичность этого мира и проекты, обращенные в мир? Как будет построена эта внутренняя целостность? Будут ли внутренние проекты?

Никитин: Чтобы работала связка, могут быть внутренние проекты. По крайней мере, исследовательские – только внутренние. Пока не приобрели силу. Но основная масса проектов растянута через мембрану.

Чудновский: Есть некий набор базовых идей, каждая из которых определяет границу мира, в котором мы сегодня пребываем. И первое действие, которое мы должны произвести, – нарисовать пределы и границы. То есть наметить то, что находится за пределами. И что принципиально не может быть реализовано в этих пределах. А второе действие – наметить смысловые узлы, еще не онтологические. Мы действуем вслепую и набираем пока те смыслы, которые нам понятны. И пытаемся положить основания Иного.

Кашпур: Может, для начала попытаться понять, что предельно, а что беспредельно?

Никитин: Беспредельного нет. Беспредельщики – есть. Наш мир, который основывается на этом комплексе идей, каким-то образом их между собой увязал. И увязывание между собой этих идей – онтологическая работа. Еще нет новой онтологии.

Заблоцкий: Полагая направление Иного, возможно, мы ищем то, чего нет. Возможно, проекции экономики в этой области вообще не существует. И это апокалипсис, по крайней мере, локальный.

Чудновский: Это открытая площадка по миротворчеству.

Никитин: Мир строится из трех фокусов – рационального, иррационального и нерационального. Мы говорим на языке рационального, но наверняка мы употребляем и оба других. Если только на основании рациональности – это будет математическая модель. Каждой точке мы не можем дать логическое основание.

Нестерова: Какие основания запределены?

Никитин: Раскручивание потребления имеет предел. Как предельны выборная демократия, урбанизация, гражданское общество, права человека, устойчивое развитие... На наш взгляд, существующие системы управления гораздо проще и примитивнее, чем управляемый ими мир. В результате или будет хаос, или все, что выше разумения управленцев, будет уничтожено.

Чудновский: Нужно написать список атакуемых представлений.

Нестерова: Отстроиться от того, что есть. Если непонятно, что нужно.

Никитин: Не исчезла задача остановить хаос и разрушение и в этом мире. Мембрана очень тонкая. Мы сейчас двойственные, шизофреники. Нельзя этот мир бросить, потому что... догонит.

Чудновский: Мы делали ТЗ в двух плоскостях: в методологии и смыслах. И провели железобетонный забор между творением и развитием. Нужно обсуждать методологию творения.

Кашпур: ТЗ – это не техническое, это творческое задание.

Чудновский: Мы затеваем «А-2011», но было бы интересно обсудить другие принципиальные модели. Чтоб не один мир положить на «творительную доску». И понять, чем они отличаются от существующего, и чем – друг от друга.

Программирование, проектирование, планирование

Юрий Чудновский

Консультация для слушателей образовательных курсов высшего уровня резерва управленческих кадров. Москва, Академия народного хозяйства, 2 декабря 2010 года

Уважаемые коллеги! Задача, поставленная организаторами этих курсов, – ввести различия между проектированием и программированием. Я от себя добавлю задачу отличить их от планирования. И что это для меня означает? Это значит, что кроме собственно смысла этих типов деятельности нам надо еще провести границу и обсудить места, где эти типы деятельности работают.

Значит, проектирование – граница программирования, а я добавил сюда еще планирование. Причем все эти три вида деятельности я буду обсуждать в управленческом контексте. Поскольку с моей точки зрения все эти типы имеют инструментальный характер, и их смысл, их функции можно обсуждать только в управленческом контексте. Как инструмент управления именно там и появляется смысл этой деятельности, а не деятельностью самих по себе.

Еще одно предварительное замечание: я буду рассказывать, как я в своей жизни, на своем опыте различаю эти деятельности. Мне так удобно, для меня вот это и есть инструмент организации моей деятельности. Если он окажется для вас полезным, буду рад.

Итак, первая ситуация, в которой возникает вопрос таких управленческих инструментов, – это ситуация, когда у вас есть задача, ресурсы и возможность из одной точки распоряжаться этими ресурсами. То есть своей волей, своим решением, своей директивой разместить ресурсы там и так, как вы считаете

нужным. Тогда естественно возникает вопрос: какой инструментарий для такой деятельности подходит? С моей точки зрения для такой работы подходит и применимо планирование. Планирование как распределение, как документ, определяющий распределение ресурсов в пространстве и во времени. В этом случае планирование встраивается в контекст административной деятельности. Есть приказ, машины поехали, повезли цемент, шпалы, рельсы в разные места, и не надо ни с кем договариваться, есть возможность принимать решение о распределении ресурсов из одной точки. Ситуация понятная, хорошо отработанная, но всегда при планировании есть главная загадка – нормы. Поскольку вообще тип деятельности – планирование – базируется на неких нормах, которые показывают, как, на каких основаниях мы распределяем эти ресурсы. Основания планирования – это принятие этих норм.

Я по исходному образованию архитектор-градостроитель. Потрясающей глубины проработки были советские СНиПы и нормы. Они нормировали все, вплоть до того, какому уровню сельского поселения соответствует какой соцкультбыт. Это все было прописано до мельчайших подробностей, поскольку без этих норм управление ресурсами оказывалось и оказывается невозможным. Это не хорошо и не плохо, просто есть такой инструмент, у него есть границы применимости, заданные тем, что вы можете принимать решение и распределять ресурсы по своему усмотрению.

А если нет? А если возникает ситуация, когда для решения каких-то ваших задач вам приходится взаимодействовать с другими субъектами, которые тоже могут принимать решение абсолютно свободно? Тогда возникает новый класс работ, который, с моей точки зрения, называется проектированием или управленческим проектированием, потому что я сразу предупредил, что мы будем говорить в управленческой рамке – это всегда поиски установления балансов интересов. Поскольку вы не можете свободному субъекту предпринимательства отдать приказ. Вам приходится изобретать такие отношения, при которых он сам захотел бы сделать то, чего вы от него хотите. И никакого способа директивного управления или директивного воздействия на этого субъекта у вас нет.

Тогда содержанием проекта оказывается установление какого-то баланса интересов, на каких-то основаниях. Так же как громадной проблемой, которую постоянно решало планирование, являлось основание норм, в том числе и идеологическое основание норм. Там по поводу нормирования целая гигантская интеллектуальная сфера действовала. Точно так же проблемой, которую решает проектирование, является основание баланса. При этом понятно, что каждый из элементов структуры стремится нарушить баланс в свою пользу. Это всегда установление, разрушение и восстановление баланса интересов. Вот здесь проектирование каждый раз выступает как некий замысел новой конфигурации балансов интересов.

Я сейчас про это говорю, понимая, что ведь мы вроде занимаемся проектированием, и тогда, с моей точки зрения, так как я это сейчас ввожу, главным содержанием проектной деятельности должна быть прорисовка оснований и контуров баланса интересов. Если мы находимся в проектной действительности. «Если» – потому что это еще не факт. Тут есть еще интересная вещь. Если планирование, руководство и администрирование обеспечивают распределение ресурсов, то проектирование обеспечивает воспроизводство ресурсов. Поскольку главный ресурс в рамках проектирования – это и есть баланс интересов. Это главный ресурс и это основание деятельности. Я ее, кстати, не поименовал, но с моей точки зрения, это организационно-управленческая деятельность.

Планирование обычно называют директивным управлением – по подходу. Проектирование гораздо сложнее и интереснее. Здесь применяются разные слова, когда говорят о таком типе работы. Иногда говорят, что это средовое управление. Иногда говорят, что это политика, поскольку установление баланса интересов по самому понятию это и есть политика. А вот почему средовое управление – несколько слов дальше.

Поскольку у вас нет способов прямого воздействия на субъектов, с которыми вам приходится иметь дело, то у вас есть практически единственная возможность управлять этой ситуацией – изменять среду: нормативную среду, информационную среду, какую угодно – так, чтобы выстроить баланс

интересов. Поэтому средовое управление – это управление субъектами через изменение среды, создание стимулов или преград, это то, чем вы можете управлять. При этом, если планирование как управленческая деятельность происходит из одной точки, из одной идеологии, то проектирование – всегда игра, поскольку из разных точек, из разных идеологий, из разных интересов. И каждый раз приходится складывать что-то целое и изо всех сил поддерживать тот баланс, который атакуют все и всегда. Но и это, естественно, не предел возможностей, поскольку есть еще одно действие, которое на сегодня, с моей точки зрения, является главным или главным направлением управленческой мысли: это целевое разрушение баланса интересов в свою пользу.

С того момента, когда установление баланса интересов стало более или менее технологически оформленным, начался бурный процесс поиска инструментов «взламывания» этого баланса и перестраивание всей системы в свою пользу. А как можно взломать баланс интересов, если у вас как-то устроена среда? Ответ – это взламывание оснований баланса. Взламывание оснований баланса – взламывание идеологических оснований баланса. Например, китайское наплевательское отношение к авторскому праву – это взламывание одного из оснований баланса, геополитического баланса. Проблематизация одного из оснований дает возможность перестраивать систему вообще по-другому, но, правда, при этом приходится придумывать другие основания: замещать основания баланса основаниями дисбаланса.

В этой работе не остается ничего другого, кроме как работать программными методами. Программные методы начинают реализовываться тогда, когда вам надо перестраивать не только систему, но и свое видение идеологии этой системы. При этом, продвигаясь в перестройке системы, вы должны двигаться и в изменении своего видения, своего и всех остальных. Тогда вам приходится одновременно делать как минимум три работы: 1) осуществлять продвижение мышления про основания; 2) строить проекты, то есть проектировать новые системы баланса; 3) одновременно исследовать процесс изменений. Исследование необходимо, поскольку когда вы мыслите про основания, вам приходится еще и задавать новые идеальные объекты, через которые вы

будете смотреть на изменяющуюся ситуацию. И программирование – это всегда по необходимости шивка как минимум трех типов интеллектуальной работы. Извините, онтологической – создания оснований, проектной и исследовательской. Это приводит к совершенно удивительным результатам. Если в рамках планирования и проектирования мы занимались то ли распределением, то ли воспроизводством ресурсов, то программирование или управление развитием – единственный тип деятельности, который дает возможность создания ресурсов, порождения ресурсов.

Понятно, что ресурсы – это то, что включено в вашу деятельность. Если информация двести лет назад прямо не обозначалась как ресурс, то сейчас одним из основных ресурсов является информация. Если нефть пятьсот лет назад не была ресурсом, то с введением определенного представления, во-первых, о двигателе внутреннего сгорания, она становится ресурсом. Так вот, управление развитием собственно занимается порождением ресурсов и объектом деятельности в отличие от структур является процессы и потоки. Программирование, собственно, перекраивает карту движения процессов и потоков, переструктурирует процессуальную карту мира. Кладет в основание то одни, то другие процессы.

Здесь часто произносят очень неожиданные слова – программирование называют региональной политикой, точнее – стратегией. Поскольку в рамках такого видения регион понимается как ареал реализации нового видения. Это никак не совпадает с представлением об административных регионах и районах. Регион – ареал реализации нового видения, новых идей, новой процессуальной структуры. При этом проектирование регионов сегодня становится, на мой взгляд, почти рутинной работой. Еще чуть-чуть, и она станет таковой. Тут открываются следующие горизонты, поскольку сегодня уже идет интеллектуальная атака на этот тип деятельности.

С точки зрения нашего проектирования мне представляется, что нам надо понять: мы вообще в какую игру играем? Мы действительно занимаемся управленческим проектированием? Тогда это одна работа. Мы тогда должны понять: какой баланс мы собираемся выстраивать? Кто является субъектами,

какие интересы преследует каждый из них. Их надо просто поименно перечислить. Дальше, надо избрести основание для этого баланса. А вообще-то сначала необходимо признать наличие разных интересов краеугольным камнем политики. Мы недавно работали в одной из республик Российской Федерации, в группе по инновационной политике, и один из местных чиновников сказал: «А у наших бизнесменов интересы неправильные, и мы их будем поправлять». Понятно – точная и ясная демонстрация позиции. Правильные интересы у того, у кого власть, все остальные интересы должны быть соподчинены. В проектировании и программировании нет соподчинения, это невозможно. Поэтому, может быть, то, чем мы здесь занимаемся, относится к планированию. Тогда надо понять: какой ресурс и на каких основаниях мы распределяем? Может быть – проектирование, а может быть кто-то выскакивает в программирование. Для того чтобы осмысленно дальше вести работу, надо просто ткнуть пальцем и сказать: мы здесь! В планировании! В проектировании! В программировании! И действовать в соответствии с выбранным типом управленческой деятельности.

Вопрос из зала: Все проекты, в той или иной степени, достаточно глобальны. При этом мы понимаем, что если мы пытаемся построить проекты, которые могут иметь какую-то практическую реализацию по результатам завершения работы, то эта реализация будет происходить в нашей стране со всеми ее плюсами и минусами. В этой конфигурации не считаете ли вы, что попытка предлагать вещи, связанные с программированием, а не с проектированием, неизбежно будет приводить к раскачке ситуации?

Из зала: С моей точки зрения, проектирование как раз баланс соблюдает, не дает разрушиться.

Чудновский: Да, может приводить и к дестабилизации ситуации. И конечно, сбалансированная система будет изо всех своих сил бить того, кто пытается ее разбалансировать. Но есть такие сумасшедшие, которые на это идут. Я не призываю вас двигаться к проектированию, я просто говорю, что такая мировая практика есть.

Из зала: Она нормальна в ситуации стабильности?

Чудновский: Когда у кого-то есть претензии изменить сложившийся баланс в свою пользу.

Из зала: В Китае, например, стабильная ситуация.

Никитин: Это иллюзии. Они для того нарушают стабильность в другом месте, чтобы она не нарушалась у них. У них есть четкая кривая: сколько нужно произвести для того, чтобы не произошел социальный взрыв. Для того чтобы стабилизировать ситуацию в стране, они дестабилизируют ситуацию в мире.

Зуев: Когда всеми нами любимый вице-губернатор говорит, что у него есть такой план создания пятидесяти городов к пятидесятому году, то ты считаешь, что само по себе это пожелание еще не определяет его внутреннюю ситуацию?

Никитин: В нас глубоко сидит традиция единой системы расселения, созданная в Советском Союзе. Она создавалась в плановой действительности. Мысль создать новые пятьдесят городов – это в плановой действительности. Если бы поставлена была задача: за счет этих пятидесяти городов в этих точках изменить ситуацию или создать новый баланс рабочих сил или мест – это была бы уже проектная задача. А если бы было сказано, что за счет создания трех агломераций мы выходим на другое принципиальное глобальное перераспределение сил – это была бы уже программная действительность. Они пока еще не выскочили из плановой действительности.

Чудновский: При этом программирование может оказаться внешней рамкой, и оно, конечно же, должно будет использовать проектирование. Для реализации проекта, конечно же, нам нужны будут планы. Эти подходы друг друга не отрицают. В действительности они каждый раз переконфигурируют нашу работу. Если я правильно понимаю то, что происходит здесь, на этом образовательном курсе, то это попытка продвижения к проектному подходу в системе управления России.

Из зала: Нет ли здесь противоречия? Потому что мы создаем проект как систему некоего баланса, сбалансированности, а программа – нарушение этого равновесия.

Чудновский: Речь идет о системе нового баланса. Не того, который существует до сих пор. То ли вы говорите – наш проект направлен на то, чтобы восстановить разваливающийся, существующий баланс, то есть на воспроизводство баланса, то ли – на порождение нового баланса.

Из зала: Порождение нового баланса это уже проект.

Чудновский: Конечно.

Зуев: По сути да. Извини, мне пришлось лично почувствовать в любопытном таком действии. Обсуждался вопрос взаимодействия крупной корпорации и местного населения в Соединенных Штатах. Собственно говоря, лесоперерабатывающая компания, которая планировала что-то сделать в плане клееного бруса, никак не могла договориться с населением. Решением третейского суда

в этот дуэт был введен третий субъект – местный университет, который должен был получить какую-то долю процента от оборота от этой лесоперерабатывающей деятельности. Перед университетом, с точки зрения разработки длительности, стала задача – либо они сразу все перерабатывают и получают большой доход, либо организуют из себя эндаумент на ближайшие десятилетия, если просчитают систему воспроизводства лесного хозяйства.

То есть увеличение количества игроков в системе привело к тому, что проект сложился, и не за счет посредничества университета, а за счет предложенного другого пути сумели договориться и корпорация, и местные сообщества. Вот насколько я понимаю, Юрий, об этом, да? Введение системы нового баланса?

Чудновский: Тут надо точно понимать, чего хочется. Хочется восстановить или удержать существующий баланс, или взломать его? На удержание воспроизводства существующего порядка направлено уже громадное количество техник и процедур. Все, что называется программой непосредственного участия, – это целый класс юридически, методологически и методически выверенных процедур, которые обеспечивают поддержание существующего баланса интересов.

Зуев: То есть, переходя на политический язык, можно говорить о том, что, например, системная оппозиция, как ее понимают в этом политическом языке, направлена на взламывание, но не предлагает систему нового баланса, не учитывает интересы других.

Никитин: Вчера у нас была тема *рост и развитие*, и надо очень четко понимать, что за такими словами стоят очень простые и жесткие действия. Как, например, культура – это всегда насилие, развитие – всегда целенаправленное осмысленное нарушение баланса в пользу нового. Развитие – всегда нарушение равновесия. Рост – это всегда сохранение существующего баланса, а развитие – это переконфигурация в пользу какого-то другого игрока.

Зуев: А вот, скажем, какую-нибудь еще группу можно в пример привести? Например, очень интересная тема была заявлена, тоже не доведенная, с моей точки зрения, до проектной остроты – это тема, связанная с социальным патернализмом. Можно положить тот же самый тезис? Каких новых игроков или какую новую систему балансов нужно придумать или воспроизвести для того, чтобы ситуация дирижизма разрешилась?

Чудновский: Вот тут проще. Здесь вообще нужен базовый переход. Поскольку те, о ком вы говорите, что они живут в патерналистских представлениях, они себя субъектами не мыслят, а вне мышления субъективного, вне субъективации этот процесс невозможен.

Зуев: А что делать? Понимаешь, в свое время Кант говорил о том, что взросление человека связано с тем, что он сначала отказывается от своего врача, потом от своего учителя, потом от своего духовника. То есть начинает осуществлять по отношению к себе эти функции самостоятельно. Критика практического разума, критика чистого разума, критика способности мышления, вот такой процесс взросления. Как эта субъектность...

Чудновский: Понимаешь, мне легко отвечать про это на муниципальном уровне, в котором я работаю. Создайте среду, в которой может в принципе реализоваться субъективная инициатива населения или каждого из участников городской политики, и вы увидите, что сразу туда придут люди. Мы это много раз делали. Власть говорит: «Вы там чем-нибудь поуправляйте...», но при малейшем движении в этом направлении отсекает руки по локоть. В этой ситуации никакими призывами к тому, чтобы люди стали самостоятельными и вообще заботились о своем жилье, о своем городе, о собственном благополучии в конце-то концов, власть ничего не добьется. Вне реального самоуправления патерналистские настроения будут воспроизводиться естественным образом.

Зуев: А как тогда группу, связанную с привлечением инвестиций в высокотехнологичные сектора экономики, ввести в проектную действительность?

Чудновский: Создавайте среду для тех, кого вы хотите завлечь. Поймите, кого вы хотите завлечь, и на какие пряники он прибежит, и что вы готовы отдать. За это же всегда платить приходится.

Зуев: Почему «не взлетают»? Все понимают про среду, пишут: одно окно, внимание инвестору...

Чудновский: Это мы вчера обсуждали на организационном совещании. Поскольку в административно-директивной действительности нельзя создать зоны развития. Административно-директивная действительность убьет зоны развития. Это можно делать только рядом, вне ее, а мы сейчас как бы пытаемся встроить точки развития в жесткую административную действительность. Она их вытолкнет. Похоже, что административная действительность собирает людей, способных к развитию, и закрывает их в какой-то комнате на ключ, а дальше, мол, делайте там что хотите.

Из зала: Да я вот хотел сказать, пример Китая этот тезис он...

Чудновский: Нет, поскольку там зоны развития включены в систему управления. Поскольку есть объемлющая рамка. Если для нас объемлющая рамка – предел видения в системе управления – планирование, и если административная действительность является предельным горизонтом видения в системе управле-

ния, то нельзя. Если административная действительность является одним из частных инструментов реализации управленческих замыслов, тогда можно.

Из зала: Вот вы сказали о программировании, что там есть три основных процесса. Онтологический – это изменение в мышлении. Подразумеваются ли под этим изменения в идеологии работы с сознанием людей или это какое-то технологическое следствие?

Чудновский: Изменение сознания людей, конечно, это манипуляция. Инструментов манипуляции сейчас придумано десятки, если не сотни, и многие профессионалы этим вовсю пользуются. Но вы должны понимать, куда, в каком направлении вы хотите менять сознание и зачем – ради какого дисбаланса.

Обмануть людей на самом деле достаточно просто. Но ведь мы сейчас говорим о другом. Мы говорим об изменении строя мышления. Это принципиально иной подход. Изменение мышления – это не обман, это на самом деле. Надо придумывать новые онтологические основания управления или видения объекта, а обмануть людей, доказав что им это нравится, – это частная работа, одна из частных работ в рамках реализации.

Зуев: Понимаете, совершенно очевидно, что существует разрыв. Потому что можно так идеологически сказать, что в современной экономике, или вообще в современном мире, признаком эффективности является появление ресурсов из ничего. Совершенно иной тип отношения к ресурсам – информация по мере ее использования увеличивается. Странная такая картинка мира: что становится больше по мере извлечения из него? Чем больше используешь информацию или знание, тем мощнее и масштабнее оно становится. Общий концептуальный принцип построения мира. В отличие от сырьевых ресурсов, которых по мере их использования остается меньше, в постиндустриальном мире ресурсов – человеческих компетенций, информации, знаний – происходит их увеличение.

В этом смысле – ресурсы из ничего. Это большой вопрос: как с этим можно обходиться, как перевести в реальные управленческие и административные шаги? Как работать с человеческим капиталом и с человеческими ресурсами, как работать со знаниями, как работать с компетенциями, как работать с миграционными потоками и прочее? Сложная такая действительность, но она программная, относящаяся к новому онтологическому видению. На сегодняшний день не хватает блока исследований, который бы обеспечивал такого рода управленческие решения. Собственно говоря, после нескольких книг, типа Мануэля Кастельса про информационную эпоху, или еще что-то 80-х годов,

собственно, больше ничего не появлялось. Вот такой академический разговор, а не управленческий.

Из зала: Сейчас все техники работы заточиваются, исходя из задачи: выиграть конкуренцию за доступ к каналам восприятия каждого конкретного человека, чтобы его настроить.

Чудновский: Я бы только добавил: не только к каналам восприятия, а к мышлению, к организации мышления. Поскольку тогда вы свои каналы сами настроите. Если есть возможность каким-то образом организовать ваше мышление, например, в рамках идеологии потребительского общества, все остальное вы сделаете сами: заработаете, купите и т.д. Главное было эту модель четко и ясно провести и реализовать. Одна из онтологических моделей. Работает безупречно!

Зуев: Чтобы включить других игроков в новую систему балансов, попытаться организовать, нужна совершенно иная картинка общественно-экономического устройства. Сейчас нет новой социологической картины. Например, мы до сих пор пользуемся Марксовым различием, что общество состоит из рабочих, крестьян и интеллигенции. Другой социологической онтологии нет. Теории микрогрупп недотянуты. Попытки что-нибудь написать о среднем классе – неполны. А как, не представляя своего объекта, что-то об этом говорить? Совершенно бессмысленно! И одно упирается в другое. С одной стороны, административный фокус не работает – раз надо включать новых субъектов. Наиболее стандартный пример – ЧГП (частно-государственное партнерство): там только двое участвуют, хотя на самом деле игроков должно быть больше. А когда мы пытаемся их включить, оказывается, что нам не хватает исследовательских знаний и аналитических знаний управленческого типа, за счет которых мы можем просчитать интерес возможного партнера и втянуть его в эту проектную действительность.

Из зала: Для меня самым интересным вопросом здесь будет: как сделать так, чтобы существующая административная система, если это вообще возможно, создавала среду для развития? Вот маленький пример – Сколково. Маленький объект, и потребуются мегаусилия этой системы – Президент, его первейшие помощники, все в ручном режиме. Невероятные усилия, чтобы вот такую блоху, простите, оснастить и запустить. Что делать? Как создать инвестиционный климат для экономического развития в стране, потому что его создатель – это та самая административная система? В чем ответ?

Чудновский: Мы с Владимиром Африкановичем всегда говорим примерно одно и то же. Надо высадить и вырастить рядом с административной системой, вне ее, обманывая ее и уклоняясь от ударов, которые она будет наносить все равно,

вырастить до саморазвития какой-то зародыш нового. Никакого другого пути нет. Нельзя сделать в административно организованной стране нормальный инвестиционный климат, просто нельзя. Это не допустит никто.

Никитин: Я читал статью, и для меня она оказалась очень важной. Она задавала вопрос: почему на рынке существует компания? Если доводить идею рынка до конца, то должны были быть просто отдельные игроки, которых нанимают, а компании почему-то устойчиво существуют. Ответ был дан такой: компании не живут по законам рынка, поэтому они могут играть на рынке. Компания – это место, в котором законы рынка внутри не действуют.

Когда мы входили из социализма в капитализм, мы пытались вносить рыночные отношения внутрь компании. Лично у нас в организации начиналась конкуренция отделов, подсчеты доходов от каждого отдела. В итоге это привело только к разрушению системы. То есть нужно другое положение: чтоб управлять рынком и жить на рынке, нужно жить не по-рыночному. И второй ответ – где сейчас находятся такие зоны в мире, которые развивают? Очень странный ответ – сегодня система управления внутри себя встраивает образование. Образование – это другое пространство, которое не живет ни по законам рынка, ни по законам администрирования. Финляндия реализует доктрину «правительство, которое учится». У них внутри правительства есть образовательный компонент. За счет этого компонента в игровой, имитационной, учебной действительности можно сделать развитие, а потом оттуда вынуть его в виде нормативов. Другие пространства должны быть.

У нас, к сожалению, образовательное пространство устроено или рыночно, или административно, и поэтому образовательным не является, не может работать. Но вот создание пространства образования внутри развивающейся системы – есть один из таких возможных вариантов. Другие пространства с другими законами. Кстати, идея автономии вузов исторически на этом базировалась. Если вы почитаете историю образования, то автономия была нужна университетам, чтобы развивать город и страну. Вы знаете, что в университетах не работает общее законодательство, а есть собственное законодательство – это автономный университет.

Чудновский: Продолжая этот ответ. У нас недавно в Киеве был разговор с нашими партнерами по проекту. Мы разошлись на очень интересном тезисе. Наши партнеры говорили: идеология выращивания – это очень важно, но для этого надо прийти во власть и уже с властных позиций, используя инструменты власти, получить свободу действия по развитию. Наша позиция была прямо противоположной. Власть свободы действия не дает, она забирает свободу

и закрывает дорогу к развитию. Поскольку единственная задача власти – это воспроизводство себя. Приход во власть закрывает тему развития навсегда.

Из зала: Есть премьер, есть президент. У премьера есть правительство, есть его аппарат. У президента есть его администрация. Вот как это сделать? Вот Сколково – это получился факультатив. Это люди делали в свободное от работы время, которого нет. Как в управленческом смысле это сделать? Какой механизм? Вот есть административная система, аппаратно управляемая, и нужно «горе мышь родить». Как это сделать?

Чудновский: Скрещивать управление через образование, как один из вариантов. Через истинное образование. Вы хотите чтоб я вам ответил: надо принять такой-то закон, учредить такую-то структуру и все получится? Простых ответов нет.

Зуев: Мне кажется, что на первом модуле, когда выступал Андрей Зорин – оксфордский профессор, он пытался исторически реконструировать идею трансформационного рывка, как происходило в российской истории. Приводил целый ряд примеров, в том числе связанных с тем, что выделяется некоторая особая зона, отдельный город, или отдельная страна, или отдельная территория, на которой пытаются вырастить что-то новое, а потом волнообразным способом распространить это на все остальное. Это такая повторяющаяся модель, которая достаточно сомнительно выглядит в нынешних условиях. Это первый намек. Второй намек – вот выступление А.Б. Чубайса в Академии, когда он пытался поделиться с аудиторией своими проблемами. В частности, он вспоминал свое посещение Кремневой долины. Он говорит: как интересно, я понял – Кремневая долина, а в основе нее лежит контркультура. В свое время, в 60-е – 70-е годы все, что там появилось, вся эта зона высоких технологий, она выросла на людях, которые вышли из движения конца 60-х – 70-х годов – студенческого, на контркультурных основаниях. Вполне возможно, что эти намеки совершенно нерелевантны по отношению к российской ситуации. Вполне возможно, что нам, за счет экономических зон или похожих институтов, удастся вырастить нечто новое в лабораторных тепличных условиях и потом это распространить на более широком масштабе. То есть сначала среда создается на очень ограниченном участке, а потом все это как-то распространяется.

Чудновский: Такими зонами не обязательно должны быть территории. Это могут быть, например, проекты, которые мы здесь обсуждаем. Возможно, таким проектам удастся создать среду для реализации. То есть зона развития – это не обязательно территориальная зона, она может быть локализована иначе.

Зуев: Сеть экспертов, невидимый колледж, то, что обсуждалось многократно, клубы, еще какие-то институты, которые здесь могут подойти. Но реально-то ведь вопрос справедлив: если административная структура – или администрация президента, или аппарат правительства – действительно в свободное от работы время пытается что-то сделать, но на самом деле по функционалу будучи занята совсем другим... Ну и вот как? Что делать?

Чудновский: Выращивать любимое развитие.

Из зала: На мой взгляд – вот то, о чем сказал Владимир Африканович: развивать в системе образования. На мой взгляд, в той системе образования, которая сейчас есть у нас, с тем кадровым потенциалом – это сделать невозможно. Поэтому я не говорю про АНХ, но в целом ситуация и с высшим образованием и с общим, и с дополнительным образованием – она такого развития, на мой взгляд, не даст. Это с одной стороны, а с другой стороны – нет управленцев. То есть либо это сильное обучение не у нас, а за границей, и те технологии, которые есть, они продвинуты намного, на 50–70 лет, или, соответственно, – привлечение тех специалистов, тех менеджеров, управленцев, которые есть там.

Балобанов: Я хочу напомнить одну вещь. Когда эта программа стартовала, в которой мы все находимся, то Сергей Семенович Собянин, делая вступительный доклад, сказал: «Мы же в аппарате правительства "мотыжим" все время» (так устроена система, это ровно то, что сейчас обсуждается) – «а вот вы в этой образовательной программе, вот вы собрались, вы можете и имеете возможность что-то сообразить – то, чего в этой процедуре "мотыжения" сделать нельзя». Вот здесь и есть эта площадка, она, собственно, так и была запущена и так в эту позицию было предложено включаться. Это здесь.

Чудновский: И вопрос о том, что существующее образование не годится, не имеет значения. Значит, другое образование надо сделать.

Зуев: Давайте еще раз восстановим рамки. Итак, есть две версии. Версия первая – радикальная, она связана с тем, что невозможно строить новое или заниматься развитием, оставаясь на платформе некоторых традиционных стандартных систем. Надо выбирать новую площадку, «гринфилд», обносить ее забором и там в течение некоторого времени что-то такое выращивать с известными результатами (предположим, они будут), а потом это распространять на целое. Вариант второй: попробовать конфигурировать, совместить какие-то элементы традиционной системы с новыми целями. Итак, какой ответ на этот вопрос дают уважаемые эксперты? Калуга... Ну да, Калуга, и что Калуга? Мы там с Максимом говорили и считали: в 2014–2015 году они упрутся в глубочайший

кризис. Потому что окно возможностей захлопнется. В конце 90-х в Польше выпускалось 500 000 автомобилей – туда пришли автосборщики крупной фирмы. Сейчас их выпускается 30 000, потому что автосборщики сдвинулись на восток. Им стало невыгодно оставаться в Польше. Поскольку поляки и венгры не подготовились к этому сдвигу сборочных производств, у них большие проблемы с занятостью, с перекавалификацией людей, с инвестициями, вложенными в инфраструктуру, и т.д. Есть версия, что Калуга с фольксвагеном, рено и прочим – практически новая автомобильная столица – приближается к порогу, за которым произойдет то же самое. И всякого рода разговоры о пространственном распределенном кластере автозапчастей ничем здесь не помогают.

Из зала: Нельзя сравнивать Польшу и Калугу. Как это произойдет? Куда это переместится? В Челябинск? Какой сдвиг тут возможен?

Зуев: Думаю, что скорее в Казахстан, но это уже другой вопрос. Хотя Челябинск – есть такая версия. Но это частный пример. Принципиальный вопрос, который мы сейчас пытаемся решить, – это за счет чего возможен проект? Его выращивать на «гринфилде»? Либо это надо делать как-то иначе? В чем здесь роль собственно административного фокуса, который в государстве российском всегда был силен и влиятелен? Каким образом и с кем эту конфигурацию баланса производить? Вот набор вопросов, которые сейчас обсуждаются.

Из зала: Я думаю, что первично – это возникновение мотивов развития, источников, которые являются устойчивыми носителями этих мотивов развития, – это первично. А то, что мы обсуждаем, наш опыт и управленческая практика показывает, что может быть и «гринфилд», может быть и «браунфилд», это уже ситуация конкретная, что рациональней в том или ином случае использовать.

Из зала: Мне очень понравилась фраза, которая была сказана во время вашего выступления о том, как воспринимать административную систему. Административная система – это горизонт видения или это инструмент? Если поменять взгляд на административную систему как на инструмент, который позволяет реализовывать решение, то здесь, как мне кажется, есть возможность для движения вперед развития. Поясню, почему у меня такое восприятие. Любая административная система в первую очередь рассчитана на свое воспроизводство и на свое поддержание. Но в ситуации, когда возникают проблемы разбалансированности, а они неизбежно возникают, именно об этом мы и говорим, то есть проекты – это попытка устранить эти системы разбалансированности, вывести их на какой-то новый уровень, найти какие-то новые системы баланса. В этой ситуации, если система не найдет уровень балансов, административная

система потеряет устойчивость. И, соответственно, в первую очередь, если она хочет сохраниться и самовоспроизвестись, то скорее всего именно она должна быть заказчиком. А если она является заказчиком, то тогда в ее силах изменить свое восприятие, перейти с позиции горизонтов в позицию инструментов, как это произошло в Китае.

Чудновский: Поддержал бы то, что вы говорите, но немного иначе. Мы здесь еще не упоминали слово «ситуация». Я намекал на это, но не стал глубоко продвигаться. Каждый раз мы обсуждаем политическую ситуацию разбалансированности. Собрать новую надо на новых основаниях и как мы прорисовываем границу этой ситуации – это вопрос проектировщика. Что входит в ситуацию, а что не входит в ситуацию, которую мы проектируем, – это вопрос проектировщика. И тогда получается то, что вы сейчас говорите. Если есть позиция управленца с программным горизонтом видения, то, конечно же, административный механизм должен быть употреблен, у кого такой горизонт. Но есть еще и проектировщик, у него проектирование. И тогда ситуация должна включать как минимум три позиции, это еще до всего остального. Мы должны понимать, что будет сопротивление, мы должны понимать, куда мы вообще хотим это развернуть, в каком направлении. Мы должны ответить на вопрос как это сделать, то есть ситуация плохая, но не безнадежная.

Зуев: Юрий, а почему ситуация в группах не сдвигается? Ладно у нас в стране, а в группах-то что?

Чудновский: Не взят программный горизонт.

Зуев: То есть что – не окончен анализ ситуации?

Чудновский: Не нарисована новая онтология.

Никитин: В группе должны быть рабочие процессы. Нужно мысли записывать, что-то предполагать, а мы все разговариваем.

Чудновский: В какой картине мира, какой взгляд и какова позиция проектировщика – на эти вопросы надо отвечать. Потому что картина мира, которую не озвучили, я не думаю, что она в явном виде присутствует в работах групп и обсуждалось, в какой системе координат это вообще все делается.

Зуев: То есть, грубо говоря, в твоей группе – там, где про города, – прежде чем про города говорить, надо сначала нарисовать новый каркас расселения.

Чудновский: Новую систему миропорядка придется нарисовать.

Никитин: Мне пришлось в нескольких странах готовить аналитику, и практически нигде на самом деле такие проекты успехом не завершались. Почему? Потому что аналитика – это правда. Почему только правда? Потому что ана-

литика дает основание для принятия решения. Если ты говоришь неправду, решение, соответственно, будет принято неправильно. Но в какой бы стране я ни работал, все боялись говорить правду.

Теперь второй тезис. Язык, на котором обсуждается управление страной, принципиально отличается от языка политиков, которые обсуждают с народом, что в этой стране происходит. Если мы говорим правду, вы поймите, что английские аристократы, английские управленцы принципиально говорят не то, про что объясняют на выборах. Должен быть другой язык обсуждения того, что происходит в стране. Этот язык должен быть!

В административном языке одна картина получится, в проектном языке – другая. Про другое говорить надо и правду. Потом, когда проект закончен, можно все переделать и объяснить другими словами. Но когда делаете проект, надо жестко выделять, в чем правда проблемы и что с этим делать, не обращая внимания на то, как это выглядит – демократично, недемократично.

Зуев: По-прежнему стоит вопрос: почему не взлетаем, во всех масштабах, которые мы сейчас захватили? Предположим, мы говорим о наших проектах, хотя вроде поговорили не только. Второй момент. Наверно, в этом смысле что-то надо дотянуть, с точки зрения того, что Юрий называет балансом. Игроки или участники возможного проектного действия. Возможно там определенный недоучет произошел.

Третий момент, который обсуждает все время Владимир Африканович, – вопрос, связанный с базовыми процессами. Знаете, я в конце 80-х слушал выступление академика Абалкина по телевизору, он тогда был вице-премьером, и у него брали интервью. Его ведущая спросила: «Скажите, вот вы год работаете вице-премьером, вот что вы за это время сделали?». Если вы помните, он в синих очках, довольно грустный человек, он посмотрел на свои синие очки и сказал: «Вы знаете, за этот год мы поняли, с чем имеем дело». Очень честный ответ на самом деле. В этом смысле базовые процессоры, базовая ситуация – в чем она? Наверно, в управленческом или политическом языке все это правильно, но для каждого проекта, видимо, нужно ответить на вопрос: с чем они, собственно говоря, имеют дело? в чем масштаб того объекта, с которым придется работать? В чем масштаб тех процессов, на которые придется влиять, если об этом всерьез говорить – о реализации проекта?

С моей точки зрения, нужно сделать еще усилие, чтоб выйти в проектную действительность. Я бы сказал, что в проектной действительности мы пока не находимся, несмотря на всех экспертов, которые здесь побывали, несмотря на ряд презентаций групповых, которые мы сделали. Чтобы выйти в эту проект-

ную действительность надо сделать еще дополнительно один, два, три шага, чтобы все-таки сформулировать следующее. Первое: с чем мы имеем дело?, Второе: как то, с чем мы имеем дело должно, с нашей точки зрения, измениться? И третье – какая система средств нам минимально необходима для того, чтобы эти изменения на этом объекте или на этом процессе произошли? Три элементарных вопроса: видение и масштаб объекта? Направление или характер изменения, если мы его планируем? Какая система средств и ресурсов необходима для того, чтобы этому изменению было место быть?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Этот сборник завершает содержательный этап, который носил в работе проекта FFF название «За ...». Весь 2011 год был направлен на формирование методологии и технологии «за», то есть опознании возможностей принципиальных скачков в развертывании той или иной мыследеятельности. Для нас это было вызвано пониманием того, что работа с будущими не может опираться на линейные последовательности и технологии прогнозирования, даже такие продвинутые, как технологии «форсайтов».

Мы использовали метод «псевдоисторического генетического выведения» (имевший свое применение в работах Московского методологического кружка), который опирается на простую идею – если внутри какой-нибудь деятельностной сферы формируются неразрешимые ее средствами конфликты, то создается объемлющий слой регулирования, который эти конфликты снимает, и так может происходить несколько раз. Совсем не обязательно, что такой регулирующий слой возникнет, и сфера может распасться или быть поглощенной другими сферами. То есть каждый такой организационный скачок есть возможность, а не обязательность. Он совершается волей и мыслью, а не как проявление законов общественного развития. И с этой точки зрения таких законов нет, а есть осуществленный или нет вопреки всем трендам акт организационного проектирования.

Мы в статьях этого сборника попытались определить возможности таких деятельностных изменений и переходов, увидеть в практике их проявления и указать на смысл и условия осуществления.

В нашей культуре доминирует научный подход, в основании которого лежит позиция наблюдателя, который познает, то, что для него является естественным и закономерности развития чего он пытается постичь. А подход «За ...», который мы разворачиваем предполагает сочетание видения естественных процессов с вмешательством воли, но теперь уже не «наблюдателя», а

«основателя» - того, кто принимает ответственность за будущее или будущие. Прогнозист не отвечает за то, что он предсказал. Основатель – берется сделать то, что задумал.

Существующие методики прогнозирования работают, как правило, с трендами и развитием, мы же опираемся на идеи творения нового, а не развития уже существующего. Уже потом ряд произошедших скачков можно искусственно положить как последовательность и этапы развития какой-либо сферы, но сферы появляются нашей волей и пока они еще не имеют собственного Имени мы их не фиксируем или относим к тому, что уже есть. И всю историю человечества мы можем увидеть как процесс формирования, доминирования или угасания множества таких сфер, возникших как развертывания актов самоорганизации тех или иных человеческих групп, решившихся на иное мышление или иные формы социальности.

Почему мы говорим о завершении этапа «За ... ?

- Нужно выйти за пределы дурной бесконечности построения «За ...». Так как появление такой, как и всякой иной, интеллектуальной забавы чревато потерей чувства реальности и осмысленности. Всякое действие может происходить в контексте действительных конфликтов, ограничений и сопротивлений и если нет «зацепления» за эту сопротивляющуюся изменению социальную и мыслительную среду, то все превращается в игры досужего ума и демонстрации комбинаторных средств (а технологии вычислений приближают возможности комбинаторики к бесконечности).
- Нужно идти дальше и преодолеть собственные схемы выделений и различий, и пытаться соблюдать те принципы, которые осознали. Мы осознали ситуацию собственного конфликта с носителями иных идеологий и мировоззрений – следовательно, необходим для нас иной принцип интеллектуальной совместности, реальный переход от участия в конкуренции к развертыванию форм организации дополненности.

- Необходимо попытаться реализовать на практике некоторые из выделенных переходов. И мы смещаем свои усилия с преимущественно теоретической работы на организационные практики.

Следовательно акцент на «За ...» сменяется акцентом на дополненность. И это для нас то, что лежит за «За ...».

А что же нас ждет за «За ... ?

- Практики организационной коммуникации с носителями идей сингулярности или синергии, определения собственного движения в идеологии построения форм осуществления бифуркации (в образовании, в коммуникациях, градостроении ...) в развертывании общей со-деятельности на принципе дополненности
- Прописывания идей тринитарной логики, на которую мы реально вышли. Это большая традиция и большая проблема и с ней придется взаимодействовать и выделить свое актуальное и рабочее.
- Ответить на вопрос, а в каких формах мышления и сознания осуществляется принцип дополненности и как его реализовать не только в коммуникации, но и в реальной организации работ или образования.

И мы уже начали давать первые робкие ответы на эти вопросы и ставить задачи на будущее.

ПЕРСОНАЛИИ

АРТЕМ ГЕНКИН

Исполнительный директор ООО «Консалтинговая Группа «АСПЕКТ». Доктор экономических наук, профессор, действительный член РАЕН по секции «Проблемы макроэкономики и социального рыночного хозяйства». Свыше 100 публикаций в ведущих экономических и юридических журналах России. Автор ряда книг о проблемах современной экономики.

СЕРГЕЙ ДАЦЮК

Философ, футуролог. Консультант корпорации стратегического консалтинга «Гардарика», эксперт в сфере коммуникаций, управления и стратегирования. Автор четырех книг. Теоретические интересы: фундаментальная философия, онтология, структурная лингвистика, искусственный интеллект, Интернет. Отдельное направление — теоретизация интересных проблем.

ИГОРЬ ЗЛОТНИКОВ

Психолог и экономист по образованию. Методолог. Основатель Рижского методологического семинара. Председатель правления Балтийского института стратегических исследований. Автор публикаций по педагогике и вопросам методологии.

ЕВГЕНИЙ ЛАПИН

Социо-гуманитарный технолог, преподаватель, тренер, разработчик тренингов эффективности жизни. Режиссер. Инструктор по вьет-во-дао. Интересы

– public relations, технологии публичного влияния, социально-политические и культурологические проекты.

АЛЕКСАНДР ЛЕВИНТОВ

Профессиональный географ. Кандидат географических наук. Организовал Лабораторию региональных исследований и муниципальных программ (1988). Ректор корпоративного университета «ВИАНСА». Член Российского географического общества, член International Society of System Science (ISSS). Автор двадцати книг и более 300 научных публикаций (Россия, США, Великобритания, Франция, Украина).

ЕВГЕНИЙ МИРОШНИЧЕНКО

Психолог, бизнес-тренер.

Руководитель проекта «Открытая школа» – альтернативной системы образования для детей.

Специалист по обучению и персональному развитию: опыт работы как со взрослыми так и с детьми. Имеет ряд реализованных педагогических проектов. Мечтает создать ИНУЮ школу.

МАКСИМ МИТУСОВ

Экономист. Имеет опыт работы в финансовой сфере. Автор ряда учебных курсов, посвященных финансовой грамотности и личному финансовому планированию. После финансового кризиса 2008 года занялся изучением и популяризацией альтернативных финансовых теорий и принципов самоорганизации сообществ, анализом и систематизацией международных и российских инициатив в этой области.

Ольга Михайлова

Историк, соискатель ученой степени (Институт политических и этнонациональных исследований им. Ивана Кураса, НАНУ). Ответственный секретарь Киевского дискуссионного клуба дилетантов (КДКД). Журналист, литературный критик, редактор (2007–2008 – «Український тиждень», редактор отдела; 2004–2008 – «Политик НАЛЛ», главный редактор). Участник ансамбля старинной музыки (блок-флейта, шалюмо).

Владимир Никитин

Доктор культурологии, методолог, президент Украинского педагогического клуба, сопредседатель Киевского дискуссионного клуба дилетантов. Основатель проекта «Foundation for future». Заместитель директора Украинского института публичной политики. Основная сфера интересов – образование, теория архитектуры и градостроительства, методология истории и культуры, работа с будущим. Автор более 100 научных и методологических работ, участник и консультант многих социальных и культурных проектов, а также автор четырёх книг стихов.

Валерий Пекар

Президент компании «Евроиндекс». Член команды «ВикиСитиНомика». Преподаватель Киево-Могилянской бизнес школы (kmbs). Автор более 250 статей по менеджменту, маркетингу, футурологии, информационным технологиям. Член совета директоров Всемирной ассоциации выставочной индустрии UFI.

Елена Переслегина

Психолог, писатель, разработчик авторских курсов по психологии личности, создатель мыследеятельностного тренинга «Знаниевый реактор» в рамках программы Института психотехнологий. Соавтор Сергея Переслегина. Входит в число основателей исследовательской группы «Конструирование Будущего». Руководитель Санкт-Петербургской школы сценирования.

Сергей Переслегин

Физик, социолог, военный историк, исследователь и теоретик фантастики, публицист. Автор большого числа работ по теории систем, стратегии, военной истории, общественно-политической тематике. Автор нескольких книг, в том числе совместно с Еленой Переслегиной. Руководитель исследовательской группы «Конструирование Будущего». Президент Общественной организации работников науки и культуры «Энциклопедия».

Жан Смотрич

Директор Международной академии маркетинга. Основатель и президент маркетинг-клуба Marketing Jazzz, консультант по стратегическому маркетингу.

Юрий Чудновский

Методолог, директор Международного института урбанистики и регионального развития, основатель проекта «Foundation for future». Эксперт по вопросам местного и регионального развития, систем расселения, инновационной политики, управления развитием. Автор более 40 проектов реформирования и развития отраслей, городов и регионов Украины, России, Кыргызстана.

УДК 141(082)
ББК 87я43
3 12

«За... Самоорганизация в стремительно меняющемся мире/Сборник статей и докладов – К.: Оптима, 2012. – 324 с.: илл.

ISBN 978-966-7869-80-9

Книга является продуктом проекта «Foundation for future», который был основан в 2010 году. Идеология проекта зафиксирована в предыдущих изданиях проекта («Основание иного» (Киев, из-во « Оптима », 2011), «Персоналитет» (Киев, из-во « Оптима », 2011).

В данном сборнике, ориентированном на исследование будущего, демонстрируются возможности выхода за пределы принятых сегодня представлений.

**УДК 141(082)
ББК 87я43**

*Составители: Ольга Михайлова, Владимир Никитин, Юрий Чудновский
Расшифровка и обработка фонограмм докладов: Ольга Михайлова
Редактор Игорь Гильбо
Корректор Наталья Комарова*

В оформлении обложки использована гравюра Камилля Фламариона

Сдано в набор 25.05.12. Подписано в печать 12.06.12.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Arno Pro. Печать офс.
Усл. печ. л. 37,2. Усл. кр.-отт. 37,67. Уч.-изд. л. 15,2.
Тираж 200 экз.

ООО Издательство « Оптима »
Украина, 04050, Киев, ул. Тургеневская, 69, б.
Тел. 38 044 486 49 31. E-mail: igorgilbo@gmail.com
Свидетельство о внесении в Государственный реестр издателей
ДК № 171 от 17.09.2000 г.

Отпечатано в ООО «ВТС ПРИНТ»
Украина, г. Киев, ул. Выборгская, 84
тел. 38 044 227 78 17.

экспедистика

стратегии

технологии

управление

кризис

менеджмент

игра

полагая

маркетинг

цифровизация

культура

границы

цивилизация

think-tanks

самоорганизация

корпорации

sense stream

пределы

подходы